Светлой памяти
Сергея Сергеевича Четверикова —
незабвенного учителя
и старшего друга

Валерий Н. Сойфер

КРАСНАЯ БИОЛОГИЯ

ПСЕВДОНАУКА В СССР

Издание второе, переработанное и дополненное

Москва
Московский психолого-социальный институт
Издательство «ФЛИНТА»
1998

УДК 575
ББК 28.04
С54

Сойфер Валерий Николаевич. Красная биология: Псевдонаука в СССР. — 2-е изд., перераб. и доп. М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1998. — 264 с.

ISBN 5-89502-052-6 (МПСИ)
ISBN 5-89349-147-5 (Флинта)

Автор — профессор, директор Лаборатории молекулярной генетики Университета имени Джорджа Мейсона в США — знаком российскому читателю по многим книгам, посвященным молекулярной генетике, истории и социологии науки. Его фундаментальная работа «Власть и наука — История разгрома генетики в СССР» издана на русском и английском языках в США (в 1989 и 1994 годах соответственно) и России (1993 год). В новом исследовании, посвященном политическому диктату в советской науке и пагубных последствиях вмешательства большевистской партии в научную деятельность, автор анализирует псевдооткрытия в СССР и рассматривает роль личности и поведение ученых в условиях несвободы. Проанализирован также феномен лысенкоизма в биологии в советский период и связанные с диктатом партии психологические явления в научной жизни. Читатель узнает о «выдающихся» борцах с генетикой и клеточной теорией, их анекдотических открытиях, таких как зарождение клеток из бесклеточного вещества, превращение клеток в вирусы и наоборот, об образовании человеческих костей из червей и других мистических псевдооткрытиях. Несмотря на серьезность авторского подхода, книга написана в увлекательной ироничной манере и рассчитана на широкий круг читателей.

«Читатель! подивись! я совершенно без всякой иронии утверждаю, что нигде жизнь не представляет так много интересного, как в нашем бедном, захудалом отечестве.

Конечно, это интерес своеобразный, как говорится, на охотника, но все-таки интерес».

За рубежом
М. Е. Салтыков-Щедрин

«Цель правосудия — прощенье,
Но лишь тогда, когда даны
Без домысла и извращенья
Все доказательства вины.

Так отомкните же архивы!
Избавьте нас от небылиц,
Чтоб стали ясными мотивы
Событий и деянья лиц.»

Пора![1]
Давид Самойлов

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 1998 ГОДА

Известно, что в 70-х годах железный занавес, воздвигнутый во времена Сталина, слегка приоткрылся, и многие осознали, что можно попытаться эмигрировать из СССР. Как тогда водилось, власти отказывали в отъезде совершенно произвольно, обвиняя тех, кому они отказывали в праве на выезд, в знании государственных секретов (этих людей называли отказниками; никаких секретов чаще всего они не знали, и заключения о носительстве секретов давали их начальники, либо персонально не любившие «подавантов», либо боявшиеся личных неприятностей из-за того, что из руководимой ими конторы или ведомства разбегаются люди). За отказом часто следовало увольнение с работы и выбрасывание из жизни нередко сильных ученых, талантливых инженеров, конструкторов, музыкантов, артистов. Ученые-отказники стали собираться по вечерам на квартирах на полуподпольные (в глазах властей) и совершенно необходимые хоть для какого-то профессионального контакта семинары. Эти семинары приобрели широкую известность на Западе, там стали выходить даже сборники работ, доложенных на семинарах ученых-отказников. Популярность привлекала многих гостей с Запада. Теперь нередко на одном семинаре слушали доклад местного ученого, а на другом — заморского или европейского гостя, чаще всего с большим авторитетом в научном мире. Потом на эти семинары стали приходить западные корреспонденты, с удовольствием бравшие интервью у участников семинаров. Наконец, зачастили те, кто приезжал по государственной линии.

Так однажды вечером в сопровождении высокого чина из американского посольства на один из семинаров прибыл важный гость — сенатор из США. Он интересовался, как советские власти объясняют отказ в столь простом деле, как выдача виз на выезд, какие шаги могли бы предпринять они, сенаторы США, в поддержку элементарного права человека — выезжать или не выезжать (для западного человека такая же очевидная вещь, как дышать, или пить, или есть, когда захочется). Сенатор долго

слушал объяснения отказников. Потом подумал и глубокомысленно проронил: «Да, я все понял. Советское правительство нарушает самые элементарные законы. Право выбора страны проживания — целиком и полностью дело каждого человека, и ни одно правительство не вправе диктовать волю в таком простом вопросе кому бы то ни было. Этим нарушено столько международных законов и правил, что это как-то и в голове не укладывается. В общем, я думаю, что у всех вас остается одна возможность: раз советское правительство не дает вам выездных виз, что ж, — уезжайте без виз». О тотальном контроле на полностью закрытых границах СССР, об абсолютной физической невозможности распоряжаться собой в Стране Советов и массе других трудностей этот известный сенатор просто не мог даже подумать. Он как с Луны свалился.

Все замолчали, потупились, поняли, что им преподан важный урок того, о чем мы часто забываем: различий в формировании личности, воспитанной в разных социальных условиях и в силу сложившегося менталитета не способной воспринять реалии жизни субъектов из другого мира.

Позже я не раз встречался с такими существенными различиями в оценке личностью окружающего мира, обусловленными системами воспитания и господствующей в том или ином обществе моралью и идеологией. Когда летом 1998 года во время XVIII Международного Генетического Конгресса мы дискутировали с китайскими коллегами, обсуждая вопрос о принудительной стерилизации мужчин и женщин, предпринимаемой китайскими властями якобы на основании генетических тестов, я поймал себя на мысли, что опять нам, западным людям, не войти в мир размышлений и идиотипов восточного мира с его конфуцианской философией жизни. Для конфуцианцев на первом месте стоит община, потом — семья, а на последнем — человечек, индивидуум; в западном мире человек — это все, а общество — сильно подчиненная личности категория. Поэтому несколько западных генетиков пытались объяснить своим китайским коллегам, что отдельные индивидуумы, пусть и носители серьезных генетических расстройств, у которых могут с большой вероятностью родиться дети-уроды, должны сами решить, хотят они или не хотят иметь детей. В соответствии с Всеобщей Декларацией Прав Человека никто не вправе им приказать, как им строить свою жизнь. Но ссылки на эту декларацию и наш рассказ о том, что такие принудительные меры уже предпринимались раньше и ничего, кроме вреда, не принесли, как я мог видеть по лицам китайских ученых, принявших участие в этой вечерней дискуссии на конгрессе, не доходили до многих китайских слушателей. Я понял, что наши

речи сильно походили на совет сенатора США ученым-отказникам в СССР.

Сходный и, сознаюсь, непростой вопрос о возможности восприятия прежних реалий людьми сегодняшнего дня стоял передо мной, когда я работал над книгой о Т. Д. Лысенко (эта книга «Власть и наука» опубликована в России) и книгой о разрушителях клеточной теории (была опубликована в Париже и называлась «Лысенкоисты и их судьбы»). В обеих работах я пытался рассказать о влиянии социального окружения на поведение личности. Хоть и тот период в жизни страны давно позади, хоть многие изъяны, разъедавшие общественную и личностную мораль тогда, преодолены сегодня, любая возможность возврата к прежнему методу подавления личности государством неминуемо привела бы к возврату старой болезни, а потому описание симптомов и течения болезни казалось мне важным. Поэтому, когда я услышал о предложении переиздать вторую из указанных выше книг — о шарлатанах, плодившихся как тараканы в удушливой атмосфере сталинского диктата, я одновременно обрадовался и задумался.

Главное, что меня заботило: поймут ли сегодняшние читатели, особенно молодые читатели в России, стране, неузнаваемо изменившейся за последние 10 лет, что то, о чем я рассказываю, — это не собрание анекдотов и смешных историй, а картина искажения, корежения человеческой психики в условиях тоталитарного режима? Уловят ли они трагизм ситуации, когда правда могла спокойно заменяться ложью и просто глупостью, но перечить этой лжи было никак нельзя? Многие писатели и драматурги советского периода (вспомним Михаила Булгакова и Евгения Шварца), равно как и драматурги и писатели, творившие в пору расцвета гитлеровской Германии (такие, как Бертольд Брехт, несмотря на его коммунистическую душу), пытались раскрыть этот феномен искажения личности в нечеловеческих условиях политического диктата на их — литературном материале. Я решил, что мое преимущество состоит в том, что я располагаю подлинными материалами, выдержками из статей и книг, стенограммами выступлений. Хотя это подчас менее интересная материя, чем рассказ о Воланде и его говорящем и ходящем на задних лапах коте Бегемоте, зато это подлинная история в фактах и деталях.

Для данного издания я существенно переработал текст, добавил ставшие мне известными факты, а главное — сделал акцент на анализе вопросов, разбираемых сегодня психологами личности, активно работающими в российских научных центрах и университетах. Анализ явлений псевдонауки в общественной жизни важен для любого общества, что мне кажется оправдыва-

ет издание моей книги снова, спустя более 10 лет со времени ее выхода в свет в Париже.

Мне кажется, что сегодня очень важным для нас становится вопрос: возможно ли проявление феномена псевдонауки в любом обществе, и если возможно, то каков масштаб данного феномена в разных обществах? При серьезном анализе выясняется, что псевдоученые есть везде. Не сумасшедшие с маниакальным или параноидальным синдромом, а хладнокровно мыслящие жулики, осознающие, что они творят, но старающиеся за счет умело состряпанной квазинауки урвать существенные блага для себя лично. Иногда и они могут быть на первый взгляд милыми и приятными в общении человеками, слегка потерявшими контроль над своими действиями и немножко обманывающими — и себя и окружающих. Такие люди были всегда, в любом обществе. Хитрец Ходжа Насреддин, с юмором оставлявший всех с носом и выдававший себя за крупного ученого, или «правдолюбец» Дон Кихот, видевший ясным и незамутненным взором, что ветряные мельницы — это дьяволы, с которыми надо бороться, и тоже тщившийся выдать себя за ученого, способного различить то, что простолюдины или плохо обученные короли не видят, — этих примеров пруд пруди.

Особенно много такого рода шарлатанов плодится в пору потрясений общества и социальных взрывов. Тут почва для шарлатанов, экстрасенсов, психопатов и ловких идиотов расширяется как никогда. Но и в спокойные времена, даже в очень благоустроенном обществе, уберечься от квазиученых нелегко. В 1989 году в благословенной стране США, где, казалось бы, культ использования достижений науки доведен до изящества, появились два человека — Флейшман и Понс, которые объявили, что они могут получать термоядерную энергию при комнатной температуре, а вовсе не при высочайших температурах, как на Солнце. Им была создана огромная реклама. на них мгновенно обратили внимание сразу несколько членов Конгресса США, а одна из дам — член Конгресса — даже сфотографировалась с умным видом на фоне кастрюли, в которой два чудака варили свой термояд. Фотография была опубликована на первой странице «Нью-Йорк Таймс», во многих университетах нашлись продолжатели дела Флейшмана и Понса, которые якобы немедленно подтвердили их результат в своих опытах. В СССР — тогда еще был СССР! — под руководством тогдашнего ректора МГУ и вице-президента АН СССР А. А. Логунова были получены (и немедленно!) «неоспоримые подтверждения» правоты американских ученых, о чем Логунов широковещательно раззвонил в газетах. Казалось, что планета Земля и ее обитатели

навсегда спасены от энергетического кризиса, потому что Флейшман и Понс разрешили вековую загадку добывания энергии из воды и воздуха.

Но через пару месяцев на Всеамериканском химическом съезде занудливые коллеги допросили не без пристрастия «спасителей планеты» о контрольных экспериментах. И тут выяснилось, что с доказательствами у Флейшмана и Понса не просто плохо, а что в угоду своей жадности к славе и добыванию финансовой поддержки на расширение их работы, они сфабриковали результаты и выбросили кое-какие нехорошие результаты контрольных экспериментов. Газетная утка лопнула. страсти в журналах поутихли, оба ниспровергателя основ куда-то из своего Университета штата Юты исчезли. Псевдонаука не прошла только потому, что примат уважения к мнению специалистов неоспорим в демократической стране.

В истории с учеными-большевиками, о которых я рассказываю в этой книге, никакого общественно признанного примата уважения к мнению коллег не только не было, а напротив, всех несогласных с выводами горе-ученых, поддержанных руководителями партии, и прежде всего Сталиным, обвинили в политической неблагонадежности. Тогда в СССР вопрос, какая наука научнее, решали за ученых партийные вожди, отдав предпочтение псевдоученым, а всех несогласных устранили из науки (а многих и из жизни). Того, что случилось в демократическом обществе — псевдонаука была распознана и остановлена самими учеными (конгрессмены тотчас же ушли в сторону), в Советском Союзе не произошло: наука была репрессирована, а стране нанесен вред и несмываемый позор. В этом и заключается важный урок роли социума в решении судьбы шарлатанов и псевдоученых.

Но всегда ли прилагательное «тоталитарный» означает, что в данном обществе расцвет псевдоученым обеспечен? Чтобы ответить на этот вопрос, можно обратиться к истории гитлеровской Германии. Параллели между советской Россией и фашистской Германией часто проводят исследователи в разных странах (см., например: R. Lewontin and R. Levins. The Problem of Lysenkoism, In: The Radicalization of Science. Ideology of/in the Natural Sciences. The Macmillan Press Ltd, London, 1976, pp. 32—84). Другие исследователи изучали случаи научного шарлатанства и находили примеры такого рода в догитлеровской, гитлеровской и послегитлеровской Германии. Недавно в литературе обсуждалось псевдооткрытие германского биохимика Эмиля Абдерхальдена (1877—1950), который еще в начале века описал так называемый «оборонительный фермент» («Abwehrfermente»). Научный обман был вскрыт в 1914 году молодыми

биохимиками Леонором Михаэлисом (1875—1949) и Мод Ментен (1879—1960), авторами теории химической термодинамики ферментативных процессов (создана ими в 1913 году, знаменитая теперь «кинетика Михаэлиса—Ментен»). Однако обманщик Абдерхальден был очень силен в административных кругах, разоблачение не было принято в счет, а шарлатан, высоко ценимый в правительственных и общественных кругах, добился выгона Михаэлиса с работы, последний принужден был покинуть Германию, эмигрировать в 1922 году в Японию, а затем нашел себе вторую родину в США (см. статью: U. Deichmann and Benno Müller-Hill, Nature (London), 1998, v. 393, p. 109—111). Абдерхальдена публично разоблачили гораздо позже, в конце 40-х — начале 50-х годов.

Пример с Абдерхальденом отдаленно напоминает лысенкоизм, анализируя который я пытаюсь раскрыть феномен псевдонауки и роли огосударствления науки. Главный научный вопрос, на котором Лысенко и его последователи построили свои доктрины, был вопрос о наследовании благоприобретенных признаков. Заимствованный у коммунистических идеологов принцип прямого воздействия среды на живые организмы, а не только на общество, привел Лысенко к парадоксальному, но в рамках его мышления вполне закономерному выводу (другого выхода для него просто не оставалось), что никаких генов в природе нет, что хромосомы не несут никаких наследственных задатков. Он заявил, что генетика как наука нужна только буржуям, чтобы лучше закабалять трудящихся, а все генетики — враги человечества (мне кажется, хотя я, может быть, и не прав, что именно эти люди взяли на вооружение самое длинное слово в русском языке — человеконенавистничество и стали им обзывать генетику и генетиков).

Были ли в других странах такие же адепты наследования благоприобретенных признаков? И если были, то какова была их судьба? Оказывается, в фашистской Германии работал некто Йоханн Пауль Кремер, который примкнул в 1932 году к нацистской партии, стал ее активистом, поверил в идею прямого воздействия среды на наследственность и пытался эту идею разрабатывать. Еще до войны он услышал от полицейского Эрдмана из города Путцелин, что там появилась бесхвостая кошка (было известно, что в аварии у нее оторвало хвост), от которой якобы родились бесхвостые котята. За полстолетия до этого наследование бесхвостости изучал великий немецкий биолог Аугуст Вейсманн и на большом числе примеров, исследуя большое число поколений (эти опыты описаны в замечательной монографии Л. Я. Бляхера[27], установил, что отрубание хвостов ни к какому наследованию бесхвостости не ведет.

Но упорство фанатиков новых идей в том и состоит, что для них нет авторитетов. Кремер опубликовал статью о своих размышлениях относительно наследуемости травм, ссылаясь на слышанное от полицейского (все-таки человек серьезный!). Но ученые-коллеги оказались куда менее серьезными, и карьера Кремера в немецких университетах затормозилась. Так как он был ценим в нацистской партии, в 1942 году его послали доктором в концентрационный лагерь в Освенциме. Там его сделали ответственным за медицинское освидетельствование людей, отправляемых на казнь в газовые камеры (в подавляющем большинстве евреев). Кремер в своих собственных глазах был прежде всего ученым, потому он предпринял «научное исследование»: отбирал жертв с особо изможденным хабитусом, опрашивал их о конституции тела родителей, детей, ближайших родственников, искал параллели в наследственности у этих людей, а затем приказывал их умерщвить либо в газовых камерах, либо уколом фенола в сердце, что было чаще, так как отбор тел из массы жертв, убитых в газовых камерах, требовал излишних сил, тратить которые бережливые немцы не могли себе позволить. Кремер затем вынимал внутренние органы жертв (главным образом селезенку, печень, поджелудочную железу) и исследовал их анатомию. В Освенциме Кремер проработал всего три месяца, проделал свои «опыты» на 10 717 жертвах и заслужил звание оберштурмфюрера. Он мог бы продолжать и дальше свою изуверскую деятельность, но по каким-то для меня неизвестным причинам был из Освенцима удален. История этих зверств была расследована в рамках Нюрнбергского процесса, на котором злодеяния Кремера также были проанализированы (см. изданную на русском языке книгу: «Освенцим глазами СС: Гесс, Броад, Кремер», 2-е изд., Общепольское издательское агентство, Варшава, 1979). После удаления из Освенцима он попытался обобшить собранные в концлагере данные о наследовании последствий длительного голода у человека, написал статью в научный журнал и одновременно стал претендовать на должность доцента по специальности «генетика человека» в Мюнстерском университете. Его кандидатуру письменно поддержали шеф городского гестапо и другие видные нацисты. Однако заведующий кафедрой наследственности человека этого университета профессор Бехер категорически восстал против внедрения такой личности в университет, аналогично думали все другие коллеги Бехера, и хотя Кремер методично изводил их и нацистское начальство письмами, в которых указывал на свои «боевые», научные и внутрипартийные заслуги, обвинял отвергавших его коллег в нелояльности к нацистским идеалам, в университет его не допустили. Нормы научной этики в тех усло-

виях остались неизменными даже под нажимом власть предержащих. Таким образом, академические свободы в нацистской Германии не были столь низко попираемы, как в те же годы в советском государстве.

Интересно, в сколь узком диапазоне работала мысль всех приверженцев наследования благоприобретенных признаков: Кремер пришел независимо от Лепешинской к тем же мыслям о якобы происходящей в определенных условиях среды медленной деградации первоначально нормальных клеток крови и превращении их в клетки других типов.

На Нюрнбергском процессе его приговорили к смертной казни за непосредственное участие в умерщвлении тысяч людей, затем ему как человеку преклонного возраста казнь гуманно заменили на пожизненное заключение, потом он даже вышел на свободу и умер в 1961 году.

Пример Кремера показывает нам еще одну сторону пережитого Россией тоталитаризма. В других странах, даже в известной мере в фашистской Германии, общество (в данном конкретном случае — общество ученых как социальная группа) и государство (государственные органы) отделены и отдалены друг от друга. В СССР они были слиты, отождествлены. Чудовищный Левиафан — советское государство, как справедливо замечает профессор А. Г. Асмолов в своих трудах, не просто сжирал своих подневольных и давил их психику, он осуществлял особо зверскую процедуру обезличивания личности, растворения личности в государстве и превращения каждой личности в винтик государственной машины (этот термин, согласно которому личность есть не более чем винтик государственной машины, ввел Иосиф Сталин; вслед за ним его идеологические клевреты повторяли это сравнение на каждом углу, выводя из него еще один изуверский лозунг — «Незаменимых нет!»).

Пример лысенкоизма также наглядно демонстрирует механику обезличивания членов общества на примере научной среды. Этому посвящены многие страницы книги. Те же, кто хотел разорвать навязываемый им сверху бессрочный и обязательный контракт с государством и с обезличенным, обученным репрессиями социумом, оказывались в стане злейших врагов этого социума-государства со всеми вытекавшими репрессивными последствиями. В массе ученых, которые по специфике своей профессии должны сохранять право на критику себя, окружающих и всего общества (за что в нормальном обществе их так и ценят как независимых от условностей жизни судей этой жизни), конечно, всегда находились Николаи Кольцовы, Питиримы Сорокины, Андреи Сахаровы, но судьба их оказывалась незавидной в советском социуме. Страшная сила — упорство так

называемого «общественного мнения» простолюдинов, умело направлявшаяся Сталиным, Ждановым или Геббельсом, легко одурачивавшими толпу, особенно наглядно видна на примере судеб названной троицы: Кольцова, Сорокина и Сахарова — этих святых в своей вере в человека людей, сохранивших в своей душе уважение к личности.

Феномен легкого одурачивания шарлатанами (политиканами) толпы и упорной веры масс простолюдинов (то есть критически не мыслящих людей) в вещи по сути своей дикие и, казалось бы, очевидно неверные давно и хорошо описан в литературе. Поэтому примеры, приводимые в настоящей книге, добавляют новый фактический материал, но не добавляют новых идей в уже сложившуюся картину. Зато описанные в книге истории делают более рельефным и понятным важнейший для описания советских реалий феномен — мифотворчество вождей общества и атмосферу мифов, пропитанную репрессиями в отношении к тем, кто видел, что «король голый». Не видеть, не слышать и не понимать, а бездумно следовать призывам Вождя — Сталина, Главного агронома — Лысенко или Главной возродительницы клеток из растертой в ступке гущи — Лепешинской вменялось в обязанность всем. Жизнь советского социума во всей ее полноте разворачивалась на фоне мифических обещаний чего угодно (наши дети будут жить лучше, нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме и т. д.), что порой вело к отторжению лозунгов и жарких обещаний немногими шутниками, шептавшими себе под нос (репрессии учили уму-разуму любого шутника), что советский прогрессирующий паралич — самый прогрессирующий в мире, или что Россия — родина слонов.

Я хотел бы также подчеркнуть, что, когда я пишу через запятую — псевдоученые, шарлатаны, психопаты, я вовсе не смешиваю их в одну категорию, хотя отделить искусственно нагнетаемую псевдоучеными (а значит, шарлатанами) истерию вокруг псевдотворчества, и псевдотворчества, являющегося следствием болезненного процесса, когда такое нагнетание становится непроизвольным, порой трудно. Именно поэтому многие генетики, не понимая, как может человек XX века нести такую ахинею, какую несли Лысенко (превращение кукушки в пеночку и наоборот), или Лепешинская (превращение бесклеточного вещества в живые клетки), или Бошьян (превращение бактерий в вирусы и, наоборот, через стадию кристаллов), или Мелконян (превращение ленточных червей эхинококков в человеческие кости), верили, что все эти люди психически больны. Но тогда надо продолжить цепочку и сказать, что также был психически болен всецело их поддерживавший Сталин. Однако мы знаем,

что никакой болезни не было — эти люди были психически здоровы, а больным было общество, поглотившее своих людей и подменившее свободу личности, свободу самовыражения и свободу критики общественных устоев набором несвобод. Так программировали свои действия вожди советского государства-Левиафана и такого «психизма действительности» они добивались.

В деформированном поле абсолютизированной государственности при одновременной аннигиляции общества как собрания независимых индивидуумов (те, кто жил в то время, помнят выражения «непреклонная воля масс», «единая воля коллектива» и им подобные) расцвет лысенок, лепешинских и бошьянов был предопределен. Эти недоучки заменяли науку игрой в науку, вместо дискуссий старались организовать курение фимиама самим себе, полицейскими мерами подавляли проявление любой критики в свой адрес, а через все это вытесняли нормы морали из своей ученой среды, вели к моральному истреблению все окружавшее их общество. Тогда и возникал специфический синдром уничтожения личности, определенный одним из исследователей той поры как синдром «психически здоров, личностно болен».

Конечно, правомерен вопрос: неужели Сталин и его приближенные не понимали, что от этих псевдоученых государство получит одни лишь беды? Неужели они не осознавали хотя бы частично, что промах любимчиков сталинской фортуны рикошетом ударит по ним и погребет под собой идеалы построенной Лениным и Сталиным империи зла? Эти непростые вопросы не могут решаться походя, хотя мне кажется, что примеры, описанные в книге и касающиеся личной вовлеченности Сталина в расцвет шарлатана Лысенко и шарлатанки Лепешинской, не выглядят случайными ошибками вождя. Как он, обладавший полнотой информации о процессах, идущих в стране, и настроениях, которыми его страна живет, мог не разобраться в том, что его примитивно надувают ловкие мошенники?! Ведь в его распоряжении были ученые Н. К. Кольцов, П. Н. Константинов, И. А. Рапопорт, В. Я. Эфроимсон, П. Л. Капица, а позже А. Д. Сахаров и сотни других, способных предоставить ему независимую экспертную оценку. Чего же он их не спросил? Да он же ненавидел свободомыслящих и тем более свободу личности, он создал царство несвободы и хотел его укрепить. Он хотел быть обманутым и потому пытал своих недавних соратников, требуя, чтобы они публично признались в том, что они шпионили против него, замышляли заговоры с целью убить его, разваливали государство и сыпали песок в движки несущейся в пропасть огромной махины. Уж кто знал точно, что все самооговоры выбиты его малютами скуратовыми в подвалах НКВД, — так это Сталин.

Эти вопросы требовали и потребуют еще долгого анализа. Мне кажется, что предлагаемая на суд читателей настоящая книга добавляет фактов к пониманию затрагиваемых вопросов, позволяет сделать некоторые обобщения и потому вполне своевременна. Она может оказаться полезной для анализа важной проблемы соотношения личности и государства, роли диктата (в особенности политического) в удушении науки, анализа поведения отдельного человека в условиях несвобод.

Те примеры в книге, которые показывают нам ученых, не поддавшихся диктату и не убоявшихся встать на путь борьбы с лысенковщиной, исключительно важны для того, чтобы понять, что полностью задавить общество коммунистам не удалось. Оставшиеся непокоренными индивидуумы выписали своей судьбой индульгенцию этому недавно еще больному обществу и дали ему вексель на выживание.

Этой мыслью — уважением к мужеству немногих, оставшихся самими собой и пренебрегших реальными ужасами репрессий, — я хочу завершить предисловие к российскому изданию книги.

Выражаю свою искренннюю признательность людям, которые помогли осуществить это издание: А. Либину, А. Г. Асмолову, Д. И. Фельдштейну, С. К. Бондыревой и Ю. А. Пашковскому. Я прошу тех, кто захочет указать на недостатки книги или поделиться своими соображениями, написать мне по адресу: Dr. Valery N. Soyfer, Distinguished University Professor, MSN 3E1, George Mason University, Fairfax, VA 22030, USA.

Октябрь 1998 г.
Фэйрфакс, США

ВВЕДЕНИЕ

Мне было неполных 12 лет, когда я узнал, что есть опасные враги коммунистов — генетики, изучавшие закономерности передачи потомству наследуемых признаков и искавшие внутриклеточные структуры, в которых содержалась бы информация об этих признаках. Ученые-генетики работали и на Западе и в СССР. Оказывается, те, кто работал на Западе, занимались этими делами с одной целью: помочь закабалить рабочих и крестьян в капиталистических странах, а те, кто подпевали им в СССР, были просто вредителями. Хорошо, что у нас появился народный самородок, замечательный советский ученый, родом из колхозников, который злые происки врагов распознал, все про гены выяснил и понял, что на самом деле их выдумали на Западе. Имя его Трофим Денисович Лысенко, его хорошо знает лично Сталин, который и распорядился выкорчевать из советской науки всех, кто занимался вредным для страны делом.

Произошло это летом 1948 года. Еще я понял, что отечественные генетики и сами ничего хорошего для страны не делали, и Лысенко палки в колеса ставили. Теперь настала пора, когда с ними разберутся по-революционному. Именно об этом Лысенко объявил всей стране на состоявшейся в августе 1948 года сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина (ВАСХНИЛ), где и была завершена долгая борьба генетиков и сторонников так называемой «мичуринской биологии».

Много позже, когда я стал студентом, я постепенно сам разобрался в том, что на самом деле прилагательное «мичуринская» не имело никакого отношения к деятельности плодовода-любителя Ивана Владимировича Мичурина (1855—1935), скончавшегося до того, как лысенкоисты начали эксплуатировать его имя в своих целях. Я проштудировал все четыре тома красочно изданных заметок и дневниковых записей Мичурина, старавшегося выводить новые сорта плодовых культур (сейчас они практически исчезли из российских садов), прочел несколько книг о нем и пришел к выводу, что в рассказах «мичуринцев» все было перевернуто с ног на голову. А позже я услышал

от Николая Николаевича Соколова — ученика Н. И. Вавилова и в годы моего студенчества ставшего известным профессором-цитогенетиком, что Мичурин лично один раз видел Лысенко, но тот ему не понравился. Соколов был в молодости послан Вавиловым поработать у Мичурина, чтобы познакомиться с его методами, а заодно познакомить Мичурина с методами классической генетики. Став позже исследователем, я познакомился довольно близко с Соколовым, и он рассказал мне как-то (насколько я помню, в 1964 году), что Лысенко в начале 30-х годов приезжал в город Козлов с группой колхозников — его сторонников и, не будучи человеком стеснительным, заявился незваным к Мичурину домой. Хозяин вышел на крыльцо, чтобы расспросить пришельца, по какому поводу он его побеспокоил. Как говорил мне Соколов, манера разговора Лысенко была столь вызывающе нахальной, что строптивый старик, не обинуясь, попросту спустил незваного и неприятного гостя с крыльца, захлопнув за собой дверь. Это, впрочем, не помешало Лысенко позже делать вид, что единство его и Мичурина взглядов полное.

Почему же лысенкоистам было важно прикрыться именем Мичурина, как щитом? Дело было вовсе не в единстве взглядов. На самом деле, Мичурин, хоть и отзывался о генетике несколько лет крайне отрицательно (так, в частности, клише «пресловутые гороховые законы Менделя» было запущено в обиход именно им), с течением времени поменял свои взгляды и стал уважительно относиться к создателю законов генетики И. Г. Менделю. Трансформация взглядов на законы генетики, открытые Менделем, произошла под влиянием академика Н. И. Вавилова, коего Мичурин искренне уважал. Ведь именно Вавилов «вытащил» имя Мичурина на свет, обратив на него внимание самого Ленина (с помощью своего друга — личного секретаря Ленина Н. П. Горбунова). Мичурин, не без воздействия Вавилова, поменял и свои политические взгляды на противоположные: перед революцией 1917 года он — потомственный дворянин и землевладелец - писал письма в газеты с призывами объединиться вокруг царского трона и дать, пока не поздно, отпор смутьянам-революционерам, но после революции сообразил, что теперь надо сменить пластинку и начать превозносить новые власти. Он открыто перешел на сторону партии Ленина, печатал преданные заявления в газете, выступал по радио, снимался в кинохронике, обменивался письмами с вождями, его посетил «всероссийский староста» М. И. Калинин. После смерти Ленина плодовод-любитель получил несколько приветственных строк от самого Сталина, и в короткий срок его имя приобрело в Стране Советов колоссаль-

ную популярность: он был награжден советскими орденами, город Козлов, в котором он жил, был переименован в город Мичуринск, власти инициировали движение любителей селекционеров под именем мичуринцев, кружки мичуринцев возникли в школах (в каждой отдельной школе в стране!), слово «мичуринец» стало нарицательным.

Параллельно в стране росла популярность Лысенко, обещавшего партии и правительству решить проблемы увеличения продуктивности сельского хозяйства; однако последний был молодым человеком и оставалась реальная опасность, что, пойди он чуть дальше в своих амбициях, обзови своих последователей лысенковцами, как тут же единственный и непререкаемый «светоч» — Иосиф Сталин мог бы заподозрить неладное: безопаснее было прикрыть конгломерат своих взглядов чьим-то именем и сойти за скромного. Так Лысенко и его идеологический сподвижник Исай Израилевич Презент придумали термин «мичуринская биология», зная, что мертвый Мичурин против такого святотатства из гроба не восстанет и не возразит против прикрытия его именем, как непробиваемым идеологическим щитом, лысенковских домыслов о том, как растения и животные живут и развиваются.

Рецепты решения сложных проблем с выведением новых продуктивных сортов растений и пород животных сторонники Лысенко искали в простом принципе прямого приспособления организмов к меняющимся условиям их среды обитания (к изменениям окружающей среды). Генетики, да и вообще биологи во всем мире к тому времени твердо установили, что изменения генов хотя и происходят, но они случайны, и обычные колебания характеристик внешней среды влиять на темп наследуемых изменений (мутаций) не могут. Только очень сильные воздействия, которых, как правило, в природе не бывает (сильное облучение или обработка ядами, способными пробраться к генам), могут ускорить темп мутирования — к такому выводу пришли генетики во всем мире. В то же время так называемые классики марксизма-ленинизма, и в особенности Сталин, безоглядно верили в принцип наследования приобретаемых в течение жизни одного поколения изменений в строении организмов. Если удобрять почву, природа растений улучшится, — утверждали мичуринцы (лысенкоисты). Чем дальше они упорствовали в своих заблуждениях, тем более ясно они входили в противоречие с закономерностями науки и тем более зло отвергали научные истины. Сначала робко, а затем все более напористо они стали характеризовать генетику как науку реакционную, а генетиков начали аттестовать врагами «самой передовой в мире «мичуринской» науки». Постепенно они подвели Сталина к тому,

что в 1948 году он согласился объявить генетику вредительской наукой и принять решение «беспощадно гнать генетиков из научных учреждений и вузов по всей стране».

Вот тогда-то довелось и мне узнать о запрещении генетики в СССР. Чтобы рассказать об обстоятельствах, при которых это известие дошло до моего ума, мне придется сделать небольшое отступление. В описываемое время мой отец редактировал многотиражную газету Горьковского университета, называвшуюся «За Сталинскую науку». Отец был профессиональным журналистом, старым большевиком, вступившим в эту партию еще до революции. В 1938 году его исключили из партии как «врага народа» и арестовали. К счастью, его пребывание в заключении оказалось недолгим. После расстрела очередного главы НКВД Ежова Сталин распорядился — желая свалить на него вину за «перегибы» с репрессиями и под видом сохранения демократии — выпустить кое-кого из недавно арестованных. Так мой отец, тяжело больной туберкулезом, оказался на свободе. Однако его вовсе не спешили восстанавливать на прежней работе. Вскоре началась война. Из-за полного расстройства здоровья отца не отправили на фронт, а оставили служить в тылу, потом демобилизовали, как говорили, «вчистую», и уже после войны ему посчастливилось снова вернуться в среду газетчиков: он стал работать в маленькой многотиражке Университета.

В Горьком деканом биофака Университета и заведующим кафедрой генетики был основатель этого направления в СССР профессор Сергей Сергеевич Четвериков. На другой день после публикации в газетах результатов Августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года недавно назначенный ректором Горьковского университета пчеловод А. Н. Мельниченко — напористый приверженец лысенковских взглядов — вызвал Четверикова «на ковер» и потребовал, чтобы последний не просто покаялся в «грехах», но и отказался от всего, чем он занимался в жизни. Четвериков, далеко не молодой человек, дворянин по рождению и убеждениям, уже успевший пройти сталинские ссылки, наотрез от такого самооговора отказался. Тут же его выставили из Университета, и мой отец получил задание: заклеймить Четверикова в университетской газете.

Эти дни и врезались мне навсегда в память. Папа обычно обсуждал рабочие дела с мамой, я крутился около них, не особенно вслушиваясь во взрослые беседы, но почему-то все говорившееся в те дни запомнилось хорошо. Возможно, привлекло нерусское звонкое слово ГЕНЕТИКА, но, наверное, решающим было то, что все разговоры вращались вокруг вполне понятной и ребенку проблемы: насколько я помню, материал о зловред-

ности Четверикова никак не получался, и отец и мать не верили в то, что С. С. Четвериков — враг науки, почему и искали все время возможность сделать публикацию о нем помягче и, уж во всяком случае, не усердствовать с осуждениями. Я помню, как папа много говорил с кем-то по телефону, что-то решая и согласовывая, помню как папин приятель — художник, живший по соседству с нами и иногда «расписывавший» с папой «пульку» преферанса, сделал карикатуру для газеты. Ни папа, ни его приятель не знали, чем занимались генетики-вредители, и потому был нарисован условный злодей с пробирками в руках — на манер карикатур Бориса Ефимова в «Огоньке».

Всем колебаниям относительно того, как бы помягче осудить невиновного был положен конец приказом сверху: критические, правильнее было бы сказать — клеветнические, статьи против Четверикова написали сам ректор Университета Мельниченко и два ученика Четверикова — партийцы А. Ф. Шереметьев и И. Н. Грязнов.

Спустя шесть лет я стал студентом-биологом, учился в Москве, а летом и в середине зимы приезжал на каникулы в город на Волге. Мой папа так и не оправился после тюрьмы и умер 1 июня 1950 года от туберкулеза. В Горьком осталась мама, и меня тянуло из общежития, от голодной студенческой жизни домой. А начиная с 1956 года появился и еще один притягательный момент. Я познакомился с Сергеем Сергеевичем Четвериковым, был под огромным его влиянием и, оказываясь в Горьком, пропадал с утра до ночи в его комнате на улице Минина Сергей Сергеевич был уже стариком, вскоре после выгона с работы он ослеп, почти все время лежал или полулежал. Все ученики забыли его, и он жил уединенно вместе с младшим братом-статистиком Николаем Сергеевичем, отсидевшим четверть века в сталинских лагерях. Сергей Сергеевич был мягок, добр, разговорчив. Результатом наших встреч стали его воспоминания, продиктованные мне и опубликованные уже после его смерти, надиктовал он также замечания к ставшей классической работе по генетике популяций 1926 года (они опубликованы лишь частично). Во время встреч я, конечно, расспрашивал Сергея Сергеевича и о событиях тех лет, которые врезались мне в память с детства. Сергей Сергеевич очень спокойно, без ожесточения и раздражения вспоминал о днях унижения, о его двух неразумных учениках («Пришел ко мне Шура Шереметьев, стал плакаться, что у него семья. спрашивал, что ему делать. Я ему сказал: вали, Шура, на меня. Он и повалил».) Он даже посмеивался, когда рассказывал, как прежние коллеги и подчиненные (например, зав. кафедрой зоологии позвоночных Воронцов с супругой, доцентом университета), встречая его в городе, перебе-

гали на другую сторону улицы — лишь бы не поздороваться и не запятнать себя в глазах окружающих тем, что пожимают ему руку. Неровен час, не то подумают!.. В 1959 году Сергея Сергеевича не стало.

И вот прошло более сорока лет с тех пор, когда мы с Четвериковым виделись в его доме. В нескольких статьях (например, в статье «Горький плод», опубликованной в 1-м и 2-м номерах журнала «Огонек» за 1988 год) и книгах я уже вспоминал о том времени и рассказывал о тягостных событиях в пору лысенковского главенства. Десять лет назад была опубликована моя большая книга об истории лысенковского буйства в советской биологии — «Власть и наука. История разгрома генетики в СССР»[2], в 1993 году эта книга была факсимильно воспроизведена в России и опубликована малым тиражом издательством «Радуга»[3], а в 1994 году она была в несколько урезанном виде издана на английском языке издательством Rutgers University Press[4].

Однако в той книге история разгрома клеточной теории была изложена лишь фрагментарно. Поэтому я решил выделить из истории лысенкоизма часть, связанную с разгромом биологии клетки, и издать ее отдельной книгой. Последнее обстоятельство наложило особый отпечаток. Пришлось повторить некоторые события, подробно рассмотренные в первой книге, ибо без них в ткани повествования появились бы бреши, лакуны, возникла бы фрагментарность. Я думаю, что те, кто читал первую книгу, простят мне эти повторения, понимая необходимость изложения некоторых основополагающих событий повторно.

Феномен лысенкоизма — политический, возник он задолго до появления на политической сцене самого Лысенко. В пору становления советской власти, в период создания Лениным и Сталиным «красной интеллигенции», «красных спецов» были заложены условия и для зарождения лысенкоизма. В книге «Власть и наука» я уделил много места доказательству этого положения. Поэтому, чтобы не повторяться, я почти не касаюсь данного вопроса в настоящей книге. Но это не означает, что за рассказом об анекдотических приключениях борцов с клеточной теорией я забываю об их политическом генезисе.

Я включил в настоящую книгу, малую по объему, рассказ о деятельности небольшого числа лиц, примкнувших к Лысенко в ту пору, когда он уже безраздельно властвовал в биологии. Эти люди в большинстве своем прошли свой самостоятельный путь, а кое-кто старался даже выставить себя на роль таких же по значимости, как Лысенко, независимых столпов биологии и вследствие этого указывавших на единственных для себя авторитетов — классиков марксизма-ленинизма. Но все эти

люди — вольно или невольно — заимствовали у Лысенко методы пропаганды своих выдумок и так же, как он, искали главную опору в политиканстве самого грязного свойства.

Таким образом, герои этой книги — настоящие лысенкоисты, хотя в большинстве своем и не взращенные в им самим созданном клане. Можно было бы назвать их яркими представителями малого круга (можно сказать, периферийного круга) лысенкоизма.

Имена многих из действующих лиц этой книги успели выветриться из памяти людей, чему можно только порадоваться. Однако одним из побудительных мотивов для воскрешения их имен может быть то, что и сегодня нет-нет да появляются на общественной арене (в разных областях человеческой деятельности) люди, пытающиеся на практике применить все ту же тактику политиканства, с одной стороны, и отвергающие научные выводы — с другой. Механика деятельности, которая была присуща Лысенко и его адептам, не забыта, многие из приемов, применявшихся Лысенко и его сторонниками, используются на практике.

Исходя из этого, я смею надеяться, что изложенное в книге не только в какой-то степени удовлетворит интерес любителей истории и науковедения, но поможет сегодняшним читателям — и не только биологам, а, может, быть больше психологам, социологам и прежде всего учителям и студентам — лучше осознать те больные стороны в научной сфере в бывшем СССР и теперешней России, которые сохранились и даже культивируются по сию пору Без врачевания этих болезней немыслим прогресс, само же врачевание немыслимо без описания симптомов и течения болезни.

В книге много цитат — почти единственных материальных памятников описываемой мной эпохи. Возможно, кому-то покажется утомительным читать все эти выдержки, но без них мои утверждения остались бы пустой декларацией.

Тема лысенкоизма уже не раз становилась предметом исследования прежде всего западных ученых и тех русских, кто остался на Западе. Появились за последние 10 лет первые статьи и книги на эту тему и в России. Однако в них лишь вкратце, мимоходом обрисованы характеристики главных героев моего настоящего повествования. Почти не затронута в литературе тема противостояния ученых засилью Трофима Лысенко и его адептов. Важным вкладом в исследование того периода в жизни советской науки стала книга профессора В. Я. Александрова[5] — истинного борца с лысенковщиной. Недавно замечательные воспоминания о той поре опубликовал профессор С. Э. Шноль[6].

Пользуясь случаем, я хочу поблагодарить за помощь, которую мне оказали многие коллеги, передавшие документы тех лет и высказавшие свои суждения по ряду вопросов, а также некоторых писателей, прочитавших рукопись и высказавших свои замечания. Особо хочу поблагодарить В. Я. Александрова, В. В. Борисова, Г. Н. Владимова, В. Н. Гершановича, В. С. Кирпичникова, Л. И. Корочкина, Д. В. Лебедева, И. Л. Лиснянскую, С. И. Липкина, С. М. Миркина, Е. Э. Печуро, В. Д. Тендрякова, Л. К. Чуковскую, В. П. Эфроимсона, а также мою жену Н. И. Сойфер. Я навсегда останусь признателен покойному В. Е. Максимову, опубликовавшему в 1986—1987 годах журнальный вариант этой книги в альманахе «Континент», Париж[7], в то время, когда я еще находился в Советском Союзе. Выход в свет журнального варианта книги очень меня тогда морально поддержал.

I

ТРИУМФАТОР БИОЛОГИИ И АГРОНОМИИ

> Такова была простота нравов того времени, что мы, свидетели эпохи позднейшей, с трудом можем перенестись даже воображением в те недавние времена, когда каждый эскадронный командир, не называя себя коммунистом, вменял себе, однако ж, за честь и обязанность быть оным от верхнего конца до нижнего.
>
> *История одного города*
> *М. Е. Салтыков-Щедрин*

Имя Лысенко замелькало на страницах центральных советских газет в 1929 году. «Правда», «Экономическая газета», «Сельскохозяйственная газета» посвятили много материалов так называемому «открытию агронома Лысенко». Смысл «открытия» заключался в том, что стоит подержать на холоде наклюнувшиеся проростки озимой пшеницы, а затем высеять их весной, как свойство озимости будет утрачено. Озимую пшеницу можно будет высевать весной как обычную яровую. Озимая пшеница относится к особому ботаническому виду пшениц и отличается от другого вида — пшеницы яровой. Озимую высевают осенью, ранней весной сохранившиеся под снегом проростки быстро идут в рост, к середине лета озимая пшеница созревает. Ее важное преимущество заключается не только в том, что с ее помощью можно получать два урожая в год, но и то, что она дает, как правило, бóльшие урожаи, чем яровая. Если учесть, что и трудовые ресурсы можно было распределить равномерно в течение года (осенью — сев озимой, весной — яровой, в середине лета — косьба озимой, ближе к осени — яровой), то можно понять, как важны обе культуры. Были и недостатки у обеих пшениц. При осеннем — подзимнем посеве озимой пшеницы развивающиеся растения иногда (в плохие годы) попадали в неблагоприятные условия: в бесснежные зимы покрывались ледяной коркой и вымерзали, при обильном снеготаянии и дождях весной — вымокали, покрывались плесенью, легко заражались грибными болезнями. Яровая пшеница больше страдала от весенних и летних засух.

Предложение Лысенко, по его словам, сулило двоякую выгоду: если бы озимая могла вызревать после посева весной, то всех зимних и весенних неприятностей можно было бы избежать, при этом еще собирать более высокие урожаи (озимая же более урожайна!). Когда в июле 1929 года центральные совет-

ские газеты дали первые сообщения о том, как отец Лысенко собрал урожай озимой пшеницы, сначала проросшей, а затем прямо в мешках пролежавшей более месяца в снегу и высеянной весной, то во всех статьях называлась цифра превышения урожая — почти на треть выше урожая яровой, посеянной на соседней делянке. Когда в 1935 году Лысенко опубликовал текст своего первого выступления в Кремле, он предпослал ему характерный заголовок «Яровизация — могучее средство повышения урожайности» (газета «Правда», 15 февраля 1935 г., № 45 стр 2). Забегая вперед, следует сказать, что обещание это оказалось невыполненным. С годами Лысенко перестал говорить о 30%-ном увеличении урожаев от яровизации озимой пшеницы заявлял лишь о 10%-ных прибавках, потом вообще отказался от весенних посевов яровизированной озимой пшеницы, а уверял что надо обрабатывать холодом пшеницу яровую (термин яровизация яровой был достаточно смешным, поэтому лысенковцы стали употреблять просто термин яровизация, имея в виду холодовую предобработку проростков). Потом слово «яровизация» стали применять в самых неподходящих случаях, в частности однажды Лысенко выступил с предложением заваливать плодовые деревья снегом, чтобы прояровизировать яблони и груши..

Именно этим - обещанием значительно увеличить урожайность пшеницы без особых затрат и сложных ухищрений — и пленил Лысенко сначала руководителей сельского хозяйства Украины и Москвы, а затем и партийное руководство, включая самого Иосифа Сталина. Не учтено же было обстоятельство, известное с середины прошлого века: при посеве обработанных холодом проростков озимой пшеницы и высеве их весной как яровых (при яровизации озимых) только малая часть проростков сохранялась. Бóльшая часть проростков погибала от непривычных условий, и все надежды на получение более высокого урожая рушились. Но Лысенко не верил в то, что наследственная природа растений — вещь консервативная, он полагал, что надо пару лет повысевать озимую пшеницу весной и она привыкнет к такому обращению, наследственность пшеницы изменится в сторону, нужную людям. Именно в этот принцип легкого изменения породных свойств организмов он и верил, как верили тогда многие коммунисты, что стоит взять им власть в свои руки, как люди моментально изменятся.

Стоит кратко остановиться на причинах этой озабоченности урожаями зерновых культур. Россия в течение XIX и начала XX веков вплоть до революции была крупным экспортером первоклассного зерна (кстати, именно сорта озимой пшеницы давали самое ценящееся на мировом рынке зерно). Сразу после революции зерновое хозяйство оказалось разрушенным, продналог

продразверстка довершили процесс развала на селе, но затем, к середине 20-х годов нашего столетия, положение стало выправляться. Новая Экономическая Политика (НЭП), система поощрения частных производителей дали заметные всем положительные результаты, и 20 июня 1924 года передовая статья газеты «Известия» была посвящена факту, рассматривавшемуся через призму политических достижений: СССР снова оказался способным вывезти на мировой рынок излишки пшеницы.

> «Выход советского хлеба на мировой рынок, — писал автор передовицы Вл. Виленский (Сибиряков), - является фактором огромного международного значения. Будущий историк, характеризуя переломный период в истории наших международных отношений, вероятно, скажет: переломный момент в международных отношениях к Советскому Союзу начался после того, как советский хлеб появился на мировом рынке и фактом своего появления засвидетельствовал, что врагам советской власти больше не на что надеяться, ибо Советский Союз вступил на путь хозяйственного возрождения»[8].

Причину успеха такие руководители страны, как Н. И. Бухарин и А. И. Рыков, видели в предоставлении хозяйственной самостоятельности индивидуальным крестьянам, стимулировании свободного товарооборота. Выступая 3 июля того же года на V Всемирном конгрессе Коминтерна в Москве при обсуждении итогов Новой Экономической Политики, тогдашний председатель правительства А. И. Рыков даже озаглавил раздел о сельском хозяйстве следующим образом: «Крестьянский двор - основа нашего сельского хозяйства» и сказал:

> «Отличительной чертой нашего сельского хозяйства является то, что оно есть сельское хозяйство мелкое, хозяйство крестьянского двора. Мы совершенно не имеем крупных латифундий, крупных имений, фабрик зерна или мяса. Из земель, которые были конфискованы во время Октябрьской революции... в количестве более 30 000 000 десятин (1 *десятина* = 1.1 *га.* - *В.С.*), мы почти все раздали крестьянам. В руках государства осталось и удобных и неудобных земель что-то около 2 миллионов десятин, которые должны быть использованы для организации показательных хозяйств, семеноводства, коневодства и т. д., и т. п. Основой всего сельскохозяйственного производства, его рабочей ячейкой

является крестьянский двор. Этих дворов насчитывается 18—20 миллионов. Эти 18—20 миллионов самостоятельных земледельческих хозяйств работают на основе свободного товарооборота»[9].

Такая политика привела к крупному успеху. Как утверждал Рыков, к 1923 году советская Россия впервые не только *полностью* обеспечила свои внутренние нужды (в чем можно сильно сомневаться, читая статьи в газетах того времени, в которых немало писалось о голодных детях и стариках), но и смогла экспортировать за границу около 3 млн. тонн зерна. «Мы имели (в 1923 году. — *В.С.*) избыток хлеба, по покрытии всех потребностей в республике, более 200 миллионов пудов [3 млн. 200 тыс тонн]», — сообщил Рыков[10].

Правдивая статистика всегда была не только трудным орешком для большевиков, но чаще всего нежелательным делом, и сказать уверенно, что приведенные Рыковым цифры были точными, сегодня нельзя. Однако как политический жест, призванный оправдать действия Ленина и его приверженцев, внедривших НЭП, такое заявление было важным. Сама политика НЭП'а, как и ее дивиденды, многим большевикам, на знаменах которых было написано «равенство», казалась чуждой и вредной, а экономические уловки тех, кто девальвировал идеологические принципы и расшатывал политические устои учения Маркса о ненависти к частным хозяйчикам (читай: эксплуататорам и кулакам), рассматривались посягательством на основы нового строя. К тому же звериная борьба за власть в верхушке партийного руководства между Сталиным и ленинцами, оставшимися после смерти Ленина сиротами, шла почти в открытую.

Борясь за гегемонию в партии, Сталин решил, невзирая ни на какие экономические доводы, повести борьбу против ядра партийного и государственного руководства. И Рыков, и Бухарин, и все стоявшие на их платформе руководители были обвинены в ошибках, а затем оказались отброшенными и развивавшиеся ими представления о путях развития сельского хозяйства. Прозвучал призыв к коллективизации — сначала более осторожный, уповавший на формирование сознательного отношения крестьянства к идее коллективного, а значит, и социалистического труда, а затем смененный полицейским и силовым загоном всех крестьян в колхозы. Поголовная коллективизация сельского хозяйства, сопровождавшаяся невиданными зверствами, высылкой под видом кулаков лучших земледельцев, привела сельский сектор экономики к краху, страшному голоду и смерти миллионов людей. Как это нередко бывает в эпоху потрясений, одна беда следовала за другой: добавила тягот суровая засуха

1928 года, охватившая практически все земледельческие зоны России.

Как раз в этот момент подоспело предложение Трофима Лысенко, взбудоражившее умы многих большевистских руководителей. Ведь по сути он обещал мигом увеличить урожаи пшеницы, да еще не потратив при этом ни одной лишней копейки, а заодно пристроив к работе миллионы крестьян в зимнюю пору. Теперь они должны были каждодневно следить за намачиванием всего посевного зерна озимой пшеницы, проращивать семена до состояния маленьких проростков, перелопачивать все зерно с проростками, выносить на мороз, затем следить за ним, высевать весной как зерно яровое (отсюда и термин «яровизация»), и т. д., и т. п. В политическом смысле этот шаг был также важным: вместо того, чтобы шушукаться по углам в полутемных избах зимой, когда у крестьян было больше времени обдумывать житье-бытье и судьбу сосланных и изничтоженных родных и соседей, им нашлось занятие — полезное дело яровизации «воплощать в жизнь».

На Украине горячим пропагандистом лысенковской идеи «яровизации» озимых стал нарком земледелия этой республики Александр Григорьевич Шлихтер (1868—1940), в Москве не менее пылким покровителем «новатора» стал любимец Сталина той поры — нарком земледелия СССР Яков Аркадьевич Яковлев. А в 1935 году, выступив дважды в присутствии Сталина на встречах с колхозниками-ударниками, Лысенко удостоился личной похвалы Сталина, и с тех пор он неизменно привлекал внимание главного партийного вождя.

В пору массовых чисток партийного, военного, административного аппарата, деятелей культуры и науки, когда миллионы людей творческих и ищущих оказались в сталинских застенках, открылось море вакансий для лиц типа Лысенко. В начале 1937 года, когда уже второй состав руководителей ВАСХНИЛ во главе со старейшим коммунистом Александром Ивановичем Мураловым оказался смещенным со своих постов (первым сместили в 1935 году создателя ВАСХНИЛ Н. И. Вавилова и его соратников), во главе академии поставили виднейшего российского селекционера пшениц, сорта которого высевали на миллионах гектаров (и, следовательно, пшеницей которого кормили, почитай, всю Россию), Георгия Карловича Мейстера. Но давление со стороны лысенкоиствующих продолжалось. В самом конце 1937 года или в первые дни 1938-го Мейстера также арестовали (Муралова, Мейстера и большинство с ними арестованных работников аппарата Президиума ВАСХНИЛ вскоре расстреляли). Теперь для Лысенко открылась дорога в Москву, он занял место президента ВАСХНИЛ и перебрался из любимой Украины, из

Одессы в Москву. Кроме уже упомянутых двух президентов ВАСХНИЛ, в 1940 году оказался в тюрьме и был умерщвлен голодом первый президент этой академии и выдающийся российский ученый Н. И. Вавилов, жернова сталинской машины репрессий перемололи не одного наркома земледелия СССР (Я. Яковлева, М. Чернова, Р. Эйхе), многих заместителей наркомов, вице-президентов ВАСХНИЛ, крупнейших ученых.

Лысенко вел себя умело и ловко. От его имени выдвигались одно за другим предложения о решительных нововведениях в физиологии растений, селекции, семеноводстве и т. п. Не обладая научными знаниями, не понимая вообще, что представляет собой научный метод, он брался решать любые задачи и, естественно, наталкивался на элементарные трудности, равно как и на то, что грамотные специалисты его новации встречали в штыки.

Выход из тупикового положения Трофим Денисович видел всегда только один — научные трудности объявлялись несущественными и временными и посему легко преодолимыми, а научные противники — носителями чуждых взглядов, реакционерами и врагами. Ставший в те годы популярным лозунг: «Если враг не сдается — его уничтожают», выписанный М. Горьким в качестве названия одной из его пропагандистских брошюр, указывал яснее ясного на метод обращения с врагами и в научной сфере.

Тонкий расчет и политиканская изощренность помогли беспартийному Лысенко достичь в советской стране больших высот. Он стал действительным членом (академиком) трех академий — Академии наук СССР, Академии наук Украинской ССР и ВАСХНИЛ, был избран депутатом Верховного Совета СССР, более 10 лет был заместителем председателя Совета Союза — одной из двух палат советского парламента, был назначен президентом ВАСХНИЛ и директором двух институтов — селекционно-генетического и Института генетики АН СССР, трижды ему присуждали Сталинские премии 1-й степени (200 тысяч рублей каждая), сделали Героем Социалистического Труда, восемь раз он был награжден высшим в СССР орденом — орденом Ленина. Больше него этих орденов — высших правительственных наград, выполненных из чистого золота с цветной эмалью, в стране не заработал никто, более заслуженных, в глазах Сталина не оказалось.

Будучи циничным интриганом и прекрасным психологом, Лысенко умело перекладывал функции политической расправы с инакомыслящими на своих помощников, таких, как И. И. Презент, А. А. Авакян, Д. А. Долгушин, И. Е. Глущенко, оставляя себе роль теоретического ниспровергателя «идей». Пожалуй, открыто в персональном плане он боролся лишь с одним челове-

ком — академиком Н. И. Вавиловым. Это была своеобразная, людоедская форма благодарности за исключительную помощь, оказанную с первых шагов Трофима Лысенко в науке крупнейшим авторитетом в биологии и агрономии. Именно Вавилов старательно формировал в научной среде и в СССР и за границей мнение, что Лысенко — продуктивный, талантливый и ищущий ученый. Он же выдвигал Лысенко последовательно в члены-корреспонденты и действительные члены АН УССР и АН СССР, в лауреаты Ленинской премии (которую ему все-таки не присудили другие, более осторожные и трезво мыслящие коллеги Вавилова), именно он восторженно писал о Лысенко в книгах, говорил о нем на местных и зарубежных конгрессах и совещаниях.

Возможно поэтому, Лысенко, как это нередко бывало в истории и раньше с честолюбивыми и злобными личностями, чувствуя себя должником, но не желая с этим смириться, сначала постарался освободиться от «опеки» Вавилова, а затем начал его систематически изничтожать, причем уделял борьбе с Вавиловым самое серьезное внимание, порочил имя Вавилова в глазах руководства страны и добивался его устранения из числа лидеров советской биологии. Кончилось это тем, что 6 августа 1940 года Вавилова арестовали. Тут же его пост директора Института генетики АН СССР захватил Лысенко.

В годы Второй мировой войны и сразу после нее позиции Лысенко заметно ослабли. С одной стороны, крупной неприятностью для него стало бегство к фашистам родного брата — харьковского металлурга, позже перебравшегося на жительство в США. С другой стороны, к 1947 году в среде высших руководителей партии (таких, как А. А. Жданов, Н. А. Вознесенский, А. А. Андреев) созрело представление о том, что большинство новаций Лысенко не несет реальной пользы сельскому хозяйству, в связи с чем высказывалось предложение укрепить руководство ВАСХНИЛ более сильным ученым.

Однако Лысенко удалось в очередной раз выйти победителем из борьбы за лидерство. Он сумел убедить Сталина, что располагает возможностью увеличить в несколько раз производство пшеницы в СССР за счет внедрения особой, так называемой ветвистой, ее разновидности. Сталин поверил этому обещанию, тем более что первоначально задание заняться ветвистой пшеницей поступило к Лысенко непосредственно от Сталина (см. об этом в главе VII). Одновременно Сталин разрешил осуществить разгром генетики как таковой, объявленной коммунистами (см. многочисленные выступления руководителей партии большевиков и советского государства в 1948—1953 гг.) вредным буржуазным извращением. С согласия Сталина в конце июля — начале августа 1948 года состоялась срочно созванная сессия

ВАСХНИЛ, на которой это утверждение было выдано в качестве директивного указания ЦК партии.

С разгромом генетики были окончательно разрушены все исследовательские центры в стране, где еще оставались куцые остатки некогда сильнейших в мире генетических школ (С. С. Четверикова, А. С. Серебровского, Ю. А. Филипченко и др.). Специалисты-генетики (по оценке М. А. Поповского, около трех тысяч человек) остались без работы. Победа лысенкоизма была объявлена полной и окончательной.

Именно в этот период в советской биологии и объявились в качестве претендентов на лидирующие позиции люди из второго эшелона лысенкоистов, ставшие героями настоящего повествования.

II

«ВСЕ МОИ УЧЕНИКИ — ЛИБО ПРОХОДИМЦЫ, ЛИБО ДУРАКИ!»

Слова эти принадлежат Лысенко. Не случайно я вспомнил его фразу, сказанную во время одного из наших с ним разговоров в 1956—1957 годах. Мы беседовали в небольшом кабинете академика на первом этаже селекционного корпуса Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева, после его очередной лекции для студентов двух небольших групп селекционеров агрономического факультета. Я учился на плодоовощном факультете, заинтересовался генетикой и начал доставать, не без труда, старые учебники по классической (а не лысенковской) генетике, в годы моей учебы запрещенные и изъятые из библиотек, а потом подумал, что надо знать и позицию ее противников... и стал посещать лекции Лысенко, в общем, из любопытства.

Лысенко, как я быстро узнал, заметил чужака сразу и навел справки: кто такой, откуда, чего шатается там, где его не ждали. Всего в двух группах селекционеров-зерновиков было человек двадцать, они слушали лысенковские лекции уже на старшем курсе. Иначе говоря, это были студенты, отобранные «поштучно», проверенные, вполне свои, и потому с ними Лысенко был всегда предельно откровенен и не изменил своему правилу, заметив чужака. Да, впрочем, и чего ему было стесняться студента, хотя бы и не верящего в его теории, что было ему доподлинно известно, и отчего он всегда на меня косился, но никогда не задавал мне никаких вопросов. Остальных слушателей из его группы он постоянно допекал вопросами: а правильно ли и дословно ли они запомнили ЕГО формулировки? а что и когда ОН написал по такому-то вопросу? Формулировки надо было знать наизусть и отвечать без запинки. В противном случае академик гневался и покрикивал с хрипотцой в голосе.

После завершающей курс и наиболее шумной лекции, когда из уст Лысенко летели злобные выкрики о «морганистах и всех прочих», стоящих поперек дороги им, «ортодоксальным мичуринцам», как он себя тогда рекомендовал, я набрался храбро-

сти, подошел к Трофиму Денисовичу и с невинным видом спросил:

— Правильно ли я понял, что Вы считаете наследственность свойством, а морганисты и все прочие, как Вы их называете, считают, что есть особые структуры, несущие наследственные записи?

Лысенко повернулся ко мне (до этого он стоял как-то боком), побуравил меня своими маленькими глазками и коротко отрубил:

Правильно!

— Но ведь Вы только что говорили, что свойство нельзя оторвать от тела? — продолжал я.

— Конечно, — согласился Лысенко.

— Так, раз свойство нельзя оторвать от тела, то, может быть, вы, мичуринцы, и генетики-морганисты говорите об одном и том же, только вы называете наследственность свойством, а генетики называют ее телом?

— Ах, вот оно что, — прохрипел академик своим особым надтреснутым голосом, и, схватив меня костлявой и сильной рукой повыше локтя, буквально поволок с третьего этажа, где была лекционная аудитория, на первый этаж, где располагался его кабинетик.

Так начались наши с ним беседы, первая из которых продолжалась часов четыре или пять.

Прежде всего Лысенко сообщил мне, что Белла Давидовна Файнброн, его секретарь по кафедре, давно ему доложила, что я — морганист, что якшаюсь с Н. П. Дубининым и В. В. Сахаровым, и потому, прежде чем о чем бы то ни было говорить, я должен ответить ему, верю ли я в вегетативную гибридизацию

— Но это не вопрос веры, — возразил я, — возможность осуществления вегетативной гибридизации давным-давно доказана

Этим ответом я его очень порадовал и даже удивил. Однако мои последующие слова, что еще в первой четверти XX века немецкий биолог Винклер* наблюдал слияние ядер вегетативных клеток, не менее сильно раздосадовали

— Опять ядра, — взорвался он.

— А как же иначе, — заметил я. — Если стоять на материалистических позициях, то нельзя допускать мысли, что такое

* Данная работа Винклера была опубликована в 1929 году. Я узнал о ней незадолго до разговора с Лысенко из обзорной статьи известного советского генетика Веры Вениаминовны Хвостовой, оттиск которой она дала мне проштудировать. Я, как мог, изучил обзор, мы несколько раз обсуждали с Хвостовой возможность слияния клеток, а затем объединения в слившихся клетках их ядер с образованием одной химерной структуры. В те годы еще не были развиты методы клеточных манипуляций, позволявшие легко такие слияния получать. В настоящее время — это рутинная процедура методов клеточной инженерии.

сложное свойство жизни, как передача наследственных задатков от родителей потомкам, возможна без структурированности материальных факторов, обеспечивающих такую передачу.

Затем я начал рассказывать ему о новых успехах биохимической генетики. Дело было в 1956 году, и я знал об открытом не так давно строении молекул ДНК и смог рассказать об этом Лысенко*. Я поведал ему об этой модели ДНК, предложенной Дж. Уотсоном и Ф. Криком, о гипотезе матричного синтеза белков и других новинках. Я спросил его сначала, знает ли он что-либо о ней, на что он ответил отрицательно. Да и потому, как он слушал мой рассказ и как он смотрел на рисунки, которыми я пытался по ходу дела иллюстрировать рассказ, было видно, что он впервые об этих вещах слышит. Говорить с ним было непросто: он прерывал меня, яростно спорил, в начале беседы часто кричал. В тех случаях, когда я был не согласен, я также повышал голос, стараясь заставить его слушать не только себя, но и меня. Со стороны это, наверное, выглядело чудно́ — известнейший академик и зеленый студентик, криками отстаивающие свои взгляды.

Но, странно, чем дольше я выдерживал его напор, тем мягче и даже благостнее становился Лысенко. Он уже дослушивал мои фразы до конца, а не перебивал с первых слов, а иногда, прерывая, говорил

Простите, тут я не согласен.

Повторю: дискутировать с ним было нелегко. У него была своя, я бы назвал ее извращенной, логика. К тому же он прекрасно помнил свои высказывания, целые абзацы из своих работ, и, когда я пытался что-то оспорить, ссылаясь на прочитанные мною его работы, он с гневом восклицал:

— Да где это я такое говорил? — и дословно повторял свои фразы. Фразы эти, нередко витиеватые и кудрявые, означали именно то, о чем я ему твердил, однако он обвинял меня в том, что, смещая нюансы в его выражениях, я нарочито извращал смысл, не забывая, впрочем, неизменно добавлять при этом:

— Это вы не сами придумали. Это вас ваши учителя-морганисты подучили, а я такого никогда не утверждал и утверждать не собираюсь.

---

* В том же году благодаря мужеству академика Ивана Людвиговича Кнунянца — заведующего лабораторией в Институте элементоорганических соединений и одновременно заведующего кафедрой в Военной академии химической защиты (Кнунянц имел военное звание генерал-майора и щеголял в генеральском мундире, сидевшем на нем особенно ладно) в редактируемом им журнале «Химическая наука и химическая промышленность» вышел русский перевод статьи Ф. Крика «Структура наследственного вещества»[11]. Корректуру статьи Иван Людвигович подарил мне еще до выхода номера журнала в свет.

Но он буквально замирал, когда я рассказывал что-либо для него неизвестное, когда я ссылался на данные только еще зарождающейся молекулярной генетики. И искал, быстро и радостно искал аргументы против этих нововведений, чтобы только отмести их, только бы не поверить в новое, противоречащее привычному строю его мыслей. Впрочем, когда в первый раз он услышал от меня, как устроена молекула ДНК, как она обеспечивает преемственность наследственных записей и их передачу от клетки к клетки в ряду поколений, он надолго задумался и молчал, опустив голову. Затем, подняв ее, внимательно на меня посмотрел, удерживая взгляд несколько секунд и не отводя его от меня, и промолвил:

— Нет, это не имеет смысла. Это не биология. Это химия!

Наша первая встреча проходила при закрытых дверях. Но потом он стал приглашать на беседы (правильнее сказать — начальственно вызывать) кого-то из сотрудников своей кафедры — чаще всего одного или двоих доцентов, которые усаживались на стулья, выставленные вдоль стенки между окнами, но не на стулья вдоль длинного простецкого, почти колхозного стола с фанерной столешницей. В разговор эти приглашенные люди никогда не вступали.

После одной из таких бесед он вдруг предложил мне после окончания Тимирязевской академии пойти к нему в аспирантуру. Именно тогда он и сказанул эту хорошо запомнившуюся мне фразу о своих же учениках — проходимцах и дураках. С присущей мне несдержанностью я пробормотал что-то о том, что разбавлять их ряды не собираюсь, к тому же много времени трачу на одну исследовательскую тему, которую веду на кафедре физиологии растений под руководством Я. М. Геллермана. Была у меня и еще одна заветная цель, о которой я, правда, в Академии пока никому не говорил: завершались переговоры о моем переходе оттуда с четвертого на первый курс физического факультета МГУ на вновь открывшуюся с помощью академиков И. Е. Тамма и И. В. Курчатова кафедру биологической физики. Срок вузовского обучения это продлевало еще на 5 лет, но я решил «потерять» эти годы, зато стать более образованным, и не только в биологии и агрономии, а также и в физике, специалистом.

Лысенко, услышав мой отказ, встрепенулся, сухо со мной распрощался, сославшись на занятость. Потом меня еще раза два приглашали к нему на беседы. Но они проходили уже как-то вяло. Он терял ко мне интерес и наконец сказал, возвращаясь к первоначальному стилю обращения на «ты»:

— Да, знаешь, если мы с тобой где-нибудь встретимся и я тебя не узнаю, ты не сердись. У меня память на лица плохая.

Позже я услышал, что это была привычная для него манера дать понять своим собеседникам, а подчас даже ближайшим сотрудникам, что они ему больше не нужны. Если человек становился ему неинтересен или начинал раздражать, он уже больше никогда с ним не здоровался, даже столкнувшись носом к носу. От его близкого ученика и соратника, проведшего с ним рука об руку почти четверть века, И. Е. Глущенко, я услышал такую историю.

Где-то в середине 60-х годов в лысенковский Институт генетики приехал президент Академии наук СССР М. В. Келдыш. Лысенко стал представлять президенту своих приближенных. Возможно, он в этот день устал, а может быть, был зол на то, что вот, его уже инспектируют. В общем, настроение было, скорее всего, пакостным, захотелось самого себя показать Келдышу с лучшей стороны, посолиднее что ли, и он начал каждому из приближенных — Нуждину, Авакяну, Карапетяну, Иоаннисяну, Кушнеру давать характеристики достаточно плохие. Дескать, этот и мог бы хорошо работать, да лентяй, а этот — не очень-то и понимает, что делает. Дошла очередь до Глущенко, и тот же набор обвинений был применен к нему. Но Иван Евдокимович был человеком не робкого десятка и себя уважал, поэтому спокойно, но строго возразил, что он — не бездельник. Обернувшись к президенту, он перечислил, что входит в его обязанности и какие важные научные результаты получены под его руководством, а затем пригласил Келдыша приехать в «Горки Ленинские» на экспериментальную базу Института генетики и познакомиться с его опытами. Лысенко это выслушал, а потом кратко, но внятно прохрипел своим надтреснутым голосом: «Вон!»

Буквально на следующий день Глущенко стало ясно, что больше ему оставаться в лысенковском институте нельзя. Тогда, используя старые связи и специфический момент в истории лысенкоизма, когда позиции шефа уже сильно пошатнулись, Глущенко попал на прием к Председателю Совмина СССР Косыгину, рассказал, как его начал притеснять его бывший учитель и многолетний шеф, и добился от Косыгина разрешения на перевод его лаборатории из лысенковского института в другое место.

С того момента Лысенко с Глущенко здороваться перестал, хотя по-прежнему радушно приветствовал его жену Беллу Давидовну.

Этот рассказ укрепил меня в мысли, что умение «не узнавать» знакомых, переставших ему нравиться, было разработано народным академиком хорошо.

Я так и не знаю, что послужило причиной его внезапного охлаждения к моей персоне. То ли ему надоели длинные споры,

то ли он убедился, что сделать меня своим ему не удается, то ли еще что-то. Во всяком случае, это не было связано с неловкостью от нечаянно вылетевшей из его уст оскорбительной характеристики своих ближайших последователей. Видимо, истинную цену им он знал хорошо, почему и готов был искать новых учеников, возможно, особенно среди строптивых студентов.

Но, переходя к описанию галереи его сподвижников — тех, кто «ковал» славу мичуринской биологии и «прибавлял» чести советской науке, — я не могу забыть этой характеристики, сказанной Лысенко в присутствии двух доцентов и секретаря его кафедры, лишь осторожно хмыкнувших после очередной выходки их патрона. Повторюсь — видимо, он хорошо знал им цену.

III

СВОЕОБРАЗНЫЙ ПУТЬ БОЛЬШЕВИЧКИ В УЧЕНЫЕ

Противообщественные элементы всплывали наверх с ужасающею быстротой.

История одного города
М. Е. Салтыков-Щедрин

Среди тех, кто в начале 50-х годов занял особое положение в кругах лысенкоистов, выделялась фигура Ольги Борисовны Лепешинской — автора широко пропагандировавшихся в советской печати «высоконаучных» идей о порождении клеток из неклеточного вещества, старения организмов из-за якобы увиденного ею утончения и уплотнения оболочек клеток, рецептов того, как без труда укрепить подрастающее поколение Страны Советов купанием в содовых ваннах, и других не менее невероятных предложений, подававшихся под видом последнего слова марксистско-ленинской науки эпохи сталинизма.

Деятельность Лепешинской вызывала изумление многих исследователей, они пытались противостоять ей, но безуспешно. Она нашла своеобразный — обходной — путь в ученые.

Кичась своим близким знакомством с Лениным*, издавая одну за другой книжки о вожде пролетариата и годах, проведенных вместе в ссылке в Женеве, и прикрываясь этим как щитом, Лепешинская не забывала постоянно напоминать в каждом из своих трудов, издававшихся после окончания войны, и о своем личном знакомстве со Сталиным. Из книги в книгу перекочевывал, например, один и тот же абзац:

> «Моя работа создана в стране, где заботы нашей родной партии, правительства и нашего горячо любимого, родного товарища Сталина о науке не имеют границ. Я хочу здесь привести конкретный пример сталинской заботы о науке. В самый разгар войны, целиком поглощенный решением важнейших государственных вопросов, Иосиф Виссарионович нашел

---

* Чтобы ни у кого не возникало никаких сомнений на этот счет, Лепешинская держала на самом видном месте у себя в квартире увеличенную до огромных размеров фотокопию записки Ленина, написанной его характерным почерком на бланке «Председатель Совета Народных Комиссаров РСФСР». В записке, датированной 5 мая 1921 года, он обращался к «т. Фрумкину или т. Орджоникидзе» с просьбой помочь устроить в санаторий дочь Лепешинских и заодно позаботиться о них самих.

время познакомиться с моими работами еще в рукописи и поговорить со мной о них»[12].

Сейчас уже трудно сказать, что привлекло Сталина к работам Лепешинской. Но факт остается фактом: после этого знакомства Сталина с «трудами» старой большевички и его разговора по телефону с ней последовала поддержка Лепешинской. Протесты ученых в ее адрес были отменены, приказ снял все сомнения. Лепешинской была открыта дорога к вершинам власти в биологической науке СССР.

Лепешинская родилась в 1871 году в Перми и была на четверть века старше Лысенко. В отличие от него она вышла из интеллигентной семьи. Ее отец, Протопопов, был по профессии математиком. Умер он, когда Ольге шел всего четвертый год (она была шестым ребенком в семье). Поэтому воспитывала и ее, и остальных детей мать, о которой в своих мемуарных книжках Лепешинская отзывалась сухо и повторяла, что мать:

> «...владела шахтами в Губахе, и в Кизеле, и в Челябинске, веревочной фабрикой, да спичечным заводом в Казани, да большим имением в Кашурине, под Москвою, да пароходами на Каме»[13].

При этом, чтобы, упаси Бог, ее не заподозрили в тоске об утерянных богатствах, Лепешинская демонстрировала свою революционную непримиримость к эксплуататорам и отзывалась о своей родной матери-миллионерше без сантиментов:

> «В ней сочетались природная энергия и сравнительная образованность. Она была женщиной начитанной, постоянно выписывала несколько газет и журналов, в том числе «Отечественные записки», «Русское богатство», «Русскую мысль». Не в пример многим другим женщинам своего круга курила, хорошо играла в шахматы. Но при всем том моя мать — Елизавета Федоровна Драммер — дочь военного, служившего комендантом одного из уральских городков, — оставалась человеком совершенно буржуазной психологии, воспитанным в духе приверженности к монархизму и религии. Всегда занятая делами, всегда погруженная в расчеты, она обращала на нас, детей, очень мало внимания. Скупая на ласку, чаще сухая и желчная, она лишь иногда делала кому-нибудь из нас замечания»[14].

Вспоминая образ Вассы Железновой из пьесы М. Горького, Лепешинская продолжала:

> «Изобразив в своей пьесе энергичную, широкого размаха, но черствой души женщину, Горький несомненно создал яркий и очень типичный образ капиталистки. Именно такой была Елизавета Драммер. Разве не характерной была ее экономность в тех случаях, когда она давала нам деньги на завтрак? Перед уходом в гимназию мы получали не более трех—пяти копеек*. И это при ее-то богатстве»[16].

Окончив гимназию, Ольга быстро распрощалась с отчим домом и уехала в Петербург, где в 1894 году примкнула к марксистским нелегальным кружкам, вышла замуж за сына священника, Пантелеймона Николаевича Лепешинского, участвовавшего в них, и выехала вместе с мужем в ссылку в Енисейскую губернию в 1897 году. В 1903—1906 годах они жили в эмиграции. В Женеве Ольга содержала столовую для эмигрантов-партийцев.

В книге воспоминаний о В И Ленине одного из близких к нему большевиков периода Женевской эмиграции Н. Валентинова-Волина есть рассказ об этом:

> «Перейдя нелегально границу в Польше, моей жене тоже удалось добраться до Женевы... Деньги, привезенные женою, быстро разошлись, нужно было поскорее найти заработок, и, не находя ничего лучшего (жена была начинающей артисткой), она стала мыть посуду в столовой для эмигрантов, организованной Лепешинской...
>
> О Пантелеймоне Николаевиче – его эмигрантской кличкой была «Олин» (в «Советской исторической энциклопедии»[17] упоминается другой партийный псевдоним Лепешинского — «Лапоть». — *В.С.*), жена звала его «Пантейчик» — Ленин всегда говорил с добродушной усмешкой. Он очень скептически относился к литературным способностям и желанию Лепешинского писать... Может быть, поэтому Лепешинский при всей его верности «Ильичу» не сделал большой карьеры после Октябрьской революции...

---

* Мизерность этой суммы сильно преувеличена Ольгой Борисовной для «красного словца», что она отлично понимала. Она сама вспоминала, насколько была высока покупательная стоимость пяти копеек, когда писала[15], что на каменноугольных копях, где директором был ее брат Борис, «при получке один из рабочих получил четыре рубля тридцать копеек за месячную работу». Следовательно, вся семья рабочего могла расходовать в день на житье 14,3 копейки.

> Иной оказалась карьера его супруги. Она лауреат Сталинской премии, профессор, «выдающийся биолог», действительный член Академии Медицинских наук СССР...
>
> Я хорошо знал Ольгу Борисовну Лепешинскую в Женеве, где в течение многих месяцев мог ежедневно видеть ее, приходя завтракать в весьма умело ею организованную столовую. «Пантейчика» она посылала с корзинками для покупки провизии, сама изготовляла из нее — обычно одно и то же меню — борщ и рубленные котлеты, а помощниками у нее были Аня Чумаковская и моя жена: они чистили овощи, подавали к столу... Моя жена за работу, минимум 6 часов, получала вознаграждение натурой: завтрак для себя и другой для меня, причем для поедания причитающейся мне порции я, по указанию Ольги Борисовны, должен был приходить лишь поздно, после того, как удовлетворены товарищи — за еду платящие...
>
> В 1904 году Ольге Борисовне (не представляю ее себе иначе как только вооруженной большой зубочисткой) было 33 года... Лет десять перед тем она была на фельдшерских курсах, и этим ее медицинское образование ограничивалось. Повышенным уровнем общего развития она никак не могла похвалиться и никаких позывов к наукам, в частности к биологии, — тогда не обнаруживала. Она была из категории женщин, называемых «бой-бабой», очень практичной, с большим апломбом изрекающей самые простецкие суждения по всем решительно вопросам. Ленин, узнав, что она хорошо зарабатывает в организованной ею столовой, заметил: «С нею (Ольгой Борисовной) Пантейчик не пропадет»[18].

Такой же предпринимательский эксперимент она повторила и позже, возвратившись в Россию. Когда в 1910 году ее мужа, работавшего в Коммерческом училище (среднее учебное заведение с техническим уклоном, в отличие от гимназии) в Щелково под Москвой, уволили с работы, они, по словам Ольги Борисовны:

> «...решили открыть столовую для студенток курсов, где училась я. На человек 50, не больше. Опыт после Женевы у меня был»[20]*.

---

* Фельдшерские курсы, на которых училась Лепешинская, не давали права оканчивающим их называться врачами. Однако позже Лепешинская (не получившая больше никакого образования) стала утверждать, что она якобы в 1915

Что делали Лепешинские следующие 5 лет, нам неизвестно, так как во всех официальных советских биографиях между 1910 и 1916 годами сведения об их занятиях отсутствуют. Возможно, они отошли от революционной деятельности и занялись коммерцией, но уверенно сказать ничего нельзя.

После революции 1917 года Лепешинская несколько месяцев работала ревкомиссаром на маленькой станции Подмосковная, затем в 1918 году «заведовала туберкулезной секцией школьно-санитарного дела», — пишет она в мемуарах, не указывая, впрочем, где была организована такая экзотическая «секция». Ольга Борисовна вспоминала об этом времени:

> «Работая там, я пришла к выводу, что все школы должны быть преобразованы в детские санатории-интернаты, где дети находились бы весь день и к вечеру возвращались домой... Но осуществить свою идею мне не удалось, так как я была командирована в Литвиновичи для организации школы-интерната»[21].

Но и на новом месте Лепешинская удержалась недолго. С 1919 года, как сообщается во всех опубликованных биографиях, она энергично включилась в преподавательскую деятельность: сначала, как она пишет, в Ташкенте, а затем в Москве. Призывы партии большевиков к созданию новой — красной интеллигенции, которая бы заменила «буржуазных спецов» (см декрет Ленина «О приеме в высшие учебные заведения РСФСР» от 6 августа 1918 года[22]), открыли путь «выдвиженцам из народа». Среди них оказалась и Ольга Лепешинская, посчитавшая, что ей хватает сил и знаний, чтобы не только преподавать в вузах, не имея высшего образования, но и двигать науку вперед, бесстрашно ломая все преграды на пути. Отсутствие специального образования она с лихвой компенсировала другими качествами.

году завершила полный курс высшего медицинского образования. Видимо, с ее слов эти сведения попали и в советские энциклопедии, хотя и в них имеются разночтения (в одних говорится, что она завершила медицинское образование, в других, что только училась на медицинских факультетах[19]). Недообразованность, сочетающаяся с авантюризмом и приписыванием себе мнимых заслуг, были свойственны не одной Лепешинской Хваткие и не особенно церемонившиеся в таких вопросах большевики, в прошлом такие же недоучившиеся студенты и гимназисты (начиная с их вождей — Ульянова-Ленина и Джугашвили-Сталина), позже нисколько не тяготились своей причастностью к образованщине.

IV

НАЧАЛО «НАУЧНОЙ» КАРЬЕРЫ ЛЕПЕШИНСКОЙ

Или, говоря другими словами, мы стараемся так приспособиться, чтобы жить без шкур, но как бы с оными.

За рубежом,
М. Е. Салтыков-Щедрин

С обсуждения вопроса о влиянии внешней среды на наследственность и возможности наследования признаков, приобретенных индивидуумами за время их жизни, начались нападки Лысенко на генетиков в 30-е годы. Его усилия были вполне в русле уже ведшейся в течение почти 10 лет дискуссии между марксистами-ленинцами и специалистами-биологами[27]. Последние такое наследование отрицали, а первые не просто признавали его, но считали центральным пунктом своих рассуждений и постулатов.

Но и ранее проблема наследования приобретенных признаков не раз поднималась в литературе. Гиппократу казалось, что бинтование головы младенцам, популярное у некоторых народностей, привело к появлению людей, стойко передававших свои им потомкам удлиненную форму черепа. Аристотель не соглашался с Гиппократом и за три века до Р. Х. выступал против приверженцев взглядов о прямом наследовании результатов таких воздействий.

В XIII веке дискуссия возродилась в очередной раз. В 1800 году идею наследования приобретенных за счет упражнения или условий жизни признаков поддержал Ж. Б. Ламарк. Неопределенными были взгляды Дарвина на этот счет (он то активно выступал в защиту наследования, то писал о нем со сдержанным скептицизмом). Утверждение о необходимости такого наследования стало неотъемлемой частью логических построений марксистов, особенно марксистов-ленинцев, кто искал ключики, с помощью которых можно было бы быстро, просто, а главное дешево открыть методы переделки общества в целом, классов и, конечно, отдельных людей с помощью изменения так называемых «общественных отношений».

Полемика по этому вопросу разгорелась с новой силой в середине 20-х годов нашего столетия в СССР, особенно после того, как в Москве в 1925 году на русском и немецком языках была выпущена книга Ф. Энгельса «Диалектика природы», хранившаяся до того в немецких архивах в рукописи в разрозненном виде. Энгельс, не будучи биологом, решился выступить

на стороне адептов гипотезы наследования приобретаемых признаков.

Следует сказать о том, что до 1925—1927 годов, когда сначала Г. А. Надсон и Г. С. Филиппов в Ленинграде, а затем Г. Меллер в США обнаружили возможность изменения наследственности под действием облучения, ученые ничего не знали об искусственной наследственной изменчивости, а первые попытки воздействий на гены остались безуспешными.

Опубликованная в СССР книга «Диалектика природы» многими марксистами воспринималась как истина в последней инстанции. Много лет цитатами из этого труда пользовались поколения советских ученых. Одной из тех, кто сразу же взял книгу Энгельса на вооружение, была до этого в науке неизвестная Ольга Борисовна Лепешинская. Сразу же после публикации работы Энгельса она опубликовала брошюру, озаглавленную «Воинствующий витализм»[23]. Брошюра была издана от имени Государственного Тимирязевского научно-исследовательского института изучения и пропаганды естественнонаучных основ диалектического материализма и напечатана в типографии в Вологде. Лепешинская возвела осторожно высказанные взгляды Энгельса в абсолют и с таких позиций принялась наступать на известного профессора А. Г. Гурвича*. С политиканскими нападками, не имеющими ничего общего с научной критикой, она обрушилась на учебник Гурвича «Лекции по общей гистологии», изданный в 1923 году.

Основной метод полемики, который избрала автор, состоял в жонглировании марксистской фразеологией, а также в произвольном, даже огульном обвинении автора в грехах, которые не были ему ни в коем случае присущи, а были придуманы самой Лепешинской. Вся словесная эскапада имела целью побольнее оскорбить Гурвича и одновременно выставить себя в числе непримиримых борцов за чистоту знамени «диалектического материализма». Уже на первой странице брошюры она заявила:

> «Когда сейчас наталкиваешься на какое-нибудь научное ископаемое, с «научным» именем, на какого-нибудь, с позволения сказать, «ученого», который ухитрился сохранить свою девственную невинность идеалистической весталки, когда наталкиваешься на естествоиспытателя, который не то что не умеет мыс-

---

* Александр Гаврилович Гурвич (1874—1954) окончил Мюнхенский университет в 1897 г и до 1906 г. работал в Страсбурге и Берне. Затем, вплоть до 1918 г., он был профессором Высших женских курсов в Петрограде, с 1918 по 1925 годы работал в Симферопольском (Таврическом) университете, с 1925 по 1930 годы был профессором Московского государственного университета.

лить по-диалектически, а просто готов даже предавать ненавистную ему диалектику анафеме, как греховный источник всевозможных научных ересей, тогда невольно является вопрос: отчего же эта реликвия прошлого не посажена под колпак в каком-нибудь музее древности, а продолжает еще «украшать» своей персоной то или иное ученое учреждение, выводит узоры мысли перед молодой вузовской аудиторией и пишет на потребу учащейся молодежи учебники и «научные» работы, от которых за три версты разит тленным запахом трупного разложения как от библейского смердящего Лазаря»[24].

Весь этот показной пафос в данном случае был совершенно неуместен: никакую диалектику Гурвич не отрицал и анафеме не предавал. Также не было у Лепешинской никакого основания характеризовать книгу Гурвича как попытку обсуждения биологических проблем с позиций иудаизма и писать в связи с этим:

> «...целые абзацы и страницы представляют очень часто такие нагромождения слов, которые с успехом могли бы фигурировать в Талмуде»[25].

Книга Гурвича была спокойной, последовательно написанной, умной книгой, в которой автор стремился сообщить читателям о различных направлениях в биологической науке, включая и такое, как витализм. Совершенно справедливо и честно он сообщал студентам о неразработанности того или иного вопроса, о наличии непознанных или особенно трудных для понимания закономерностей. Нападая на него, обзывая непонятные для нее разделы «иудейской хитростью», Лепешинская особенно напирала на эти разделы и утверждала, что автор учебника на самом деле протаскивает идеи о Боге, жизненной силе и т. п., и принималась громить виталиста Гурвича не фактами из науки гистологии, а цитатами из Маркса, Энгельса, Ленина и Бухарина, или, предвосхищая приемы Лысенко, ссылками на давно забытые работы второстепенных авторов (таких, как никому уже и в ее время неведомых: «Bialoszewicz. 1902; Hoeber; матерьялист Джилио-Тоз»; цитированию последнего уделено ею ни много ни мало — 5 страниц!). Чувство меры настолько ей изменяет, что она приводит на трех страницах выдержки из рассказа Глеба Успенского о боязливом сельском священнике, явившемся на прием к врачу. В такой «научной полемике» — все средства хороши!

Но главный порок Гурвича, по мнению Лепешинской, заключается в том, что он

> «совершенно не допускает мысли, что новое свойство всякой клетки приобретается ею под влиянием окружающей среды со всей совокупностью ее физических и химических воздействий»[26].

Последнее замечание Лепешинской особенно важно. Естественно, что Гурвич не мог сообщить студентам того, что не было науке известно. Но показательно, что и в этом вопросе Лепешинскую заботила не научная истина, а поверхностные рассуждения о том, что внешняя среда в соответствии с *ее запросами* (!) будто бы формирует наследственность всех организмов. В этом она предвосхитила Лысенко. Если бы в цитате о совокупности факторов внешней среды опустить слова о физических и химических воздействиях, органически чуждые лысенковскому кругу мыслей[28], то можно было приписать эту фразу Трофиму Денисовичу.

Естественно, Лепешинская не была создателем подобного стиля полемики. Литература той поры, особенно политическая и публицистическая, изобиловала схожими писаниями, наполненными личными выпадами. В России мастером в этой сфере был В. Г. Белинский, который находил выражения, буквально оскорблявшие тех, кто ему был не симпатичен, за что позже его бичевал Ф. М. Достоевский. Затем пришла пора столь же полемически заостренных публицистических работ Писемского, Чернышевского, Добролюбова. Верхов в этом стиле, доходящем до площадной брани, достиг Ленин, а за ним Сталин. Хлесткость стиля, неразборчивость в средствах стали знамением времени. Из воспоминаний старых большевиков мы знаем, что и в личную жизнь, так же, как и в отношения друг с другом, большевики, особенно в эмиграции, внесли непримиримость и не прекращавшиеся ни на миг дрязги и сплетни. Воспитанная на специфических распрях в политической среде Лепешинская перенесла тот же стиль в научную полемику. Иного стиля она просто не знала и предложить не могла.

К тому же это была первая солидная по объему печатная работа Лепешинской. Молодежи вообще и молодым ученым в частности свойствен юношеский максимализм. Поэтому можно было бы списать на молодость грех излишней горячности и ненужной императивности в суждениях. Но Ольга Борисовна давно перешагнула возраст молодости: ей уже исполнилось 55 лет. Посему эти приемы следует целиком отнести на счет ее полити-

ческого прошлого. А из-за нехватки знаний и отсутствия опыта научного исследования органично вытекали недостатки ее работы, именно поэтому ее собственные научные предположения и умозаключения были наивны и, как мы увидим вскоре, легковесны.

По-видимому, издавая эту брошюру, Лепешинская преследовала одну главную цель — громко заявить о себе в науке. Этим и можно объяснить две тенденции в брошюре: попытку оспорить выводы какого-либо авторитета, чтобы полемикой с ним поднять и свои акции (известный профессор Гурвич для этой цели подходил), и сказать свое слово в науке.

Счастье Гурвича, что в те годы такая брошюрка еще не была достаточным основанием для того, чтобы карательные органы применили к нему репрессивные меры. Десятилетием позже такой заряд злобы, выплеснутый на страницы книги, напечатанной в официальной советской типографии, стоил бы не просто карьеры, но, возможно, и жизни ученому.

Но ее «научные» предложения не принесли Лепешинской славы. Уже и по тем временам они были слишком примитивными. Например, она высказала утверждение, что клетки делятся не в силу сложных закономерностей развития, а в результате простой механической причины переполнения их молекулами. Это заявление она облекла в оболочку диалектико-материалистической фразеологии о переходе количественных изменений в качественные:

> «В клетке под влиянием усиленного питания накопляется известное (?! — *В.С.*) количество молекул; вследствие увеличенного числа молекул качество клетки изменяется (количество переходит в качество): в ней объем массы не соответствует поверхности»[29].

Заявление, что молекулы «накопляются... под влиянием питания», было сильно неточным и для тех лет: уже было точно известно, что клетки синтезируют нужные им молекулы из поглощенных веществ, разлагаемых внутри клеток до простых компонентов. Было твердо установлено и другое: все ненужное клеткам выносится из них наружу.

Еще более странным выглядело заявление об «усиленном питании». А при питании НЕ УСИЛЕННОМ молекулы не накапливались бы? И, наконец, безответственным, хотя и модным было противопоставление понятий «ОБЪЕМА МАССЫ» и «ПОВЕРХНОСТИ» клеток!

Основанием для сказанного выше Лепешинская выставляла другое утверждение, столь же беспочвенное в теории и не под-

твержденное никакими опытами (все доказательство сводилось к словам, что оно «лежит на поверхности»):

«Несоответствие между объемом и поверхностью объясняется тем, что поверхность увеличивается в квадрате, а объем в кубе. Несоответствие объема с поверхностью означает, что обмен веществ между молекулами и внешней средой затрудняется, в результате чего молекулы, расположенные в глубине клеток, будут находиться в смысле обмена веществ в худшем положении, чем поверхностно лежащие молекулы. В результате этого последнего обстоятельства молекулы ядра первые попадут в худшие условия дыхания и питания. Молекулярные группы могут превратиться в ионы, которые в конечном счете дадут взаимоотталкивание и поляризацию ядра с дальнейшими последствиями деления клетки. При таком объяснении, исходя из несоответствия объема и поверхности, становятся понятными причины деления клеток, а также и то, почему именно деление начинается с ядра»[30].

В этом высказывании, не покоящемся ни на чем, кроме как на безосновательном противопоставлении формул для расчета объема и площади, да еще приписывания молекулам способности находиться в «лучшем» или в «худшем положении... в смысле обмена веществ», проглядывает уже сложившаяся манера мышления Лепешинской (см. также[31]).

В конце брошюры О. Б. Лепешинская переходит на другой язык, язык политического доноса (видимо, осознавая, что крамолы в науке она так и не нашла):

«Уж лучше бы проф. Гурвич отбросил все фиговые листки и откровенно показал свое идеалистическое лицо. Его половинчатость в этом отношении только усугубляет факт его вредности»[32].

Она заключает свое произведение ленинско-сталинским тезисом об усилении классовой борьбы в Советском Союзе по мере упрочения власти большевиков и призывом к принятию карательных мер против тех, кто, по ее мнению, повинен в беде, якобы грозящей большевистской власти:

«В наше время весьма обостренной и все более обостряющейся классовой борьбы не может быть безразличным то обстоятельство, какую позицию занимает

тот или иной профессор советской высшей школы, работая даже в какой-нибудь очень специальной отрасли знаний Если он становится «по ту сторону», если он кормит университетскую молодежь идеалистическими благоглупостями, если он толкает научное сознание этой молодежи в сторону той или иной разновидности идеализма, он должен быть, во имя классовых интересов пролетариата, призван к порядку, хотя бы путем мобилизации общественного мнения той части научных работников, которые стоят на точке зрения классовых интересов»[33].

Через два года после публикации брошюры против гистолога Лепешинская напечатала новое произведение. В 1928 году профессиональная революционерка-большевичка издала новую брошюру, названную «Зачем нужна диалектика естествоиспытателю?»[34]. Она объявила в ней, что разобралась в том, как растут и развиваются кости в организме. Ее объяснение (абсолютно надуманное и, что удивительно, никакими опытами не подтвержденное) гласило, что кости элементарно обособляются от мягких тканей в результате, как она писала, «простого по своей природе физического процесса» накопления — «ассимиляции извести, солей кальция и других солей» тканями, испытывающими на себе повышенное давление извне. Заодно туда же был включен раздел о метаморфозах трипаносом. Популярная брошюра — не место для детальных описаний научных методов, деталей и скучных для широкого круга читателей, но так необходимых для ученых описаний контрольных экспериментов. Впрочем, описаниями такого рода Лепешинская себя не отягощала. Компот из фраз о диалектике в ее понимании и не просто спорных, но абсурдных (при отсутствии доказательств) претензий на революцию в понимании процесса развития костных тканей в организмах казался ей последним словом науки.

Брошюра вышла в свет снова от имени Государственного Тимирязевского научно-исследовательского института. Напечатана она была опять в Вологде. Лепешинская была названа научным сотрудником этого института. По-видимому, брошюру руководители института сочли достаточным основанием, чтобы в следующем — 1929 году открыть Лепешинской лабораторию в Тимирязевском институте, входившем в состав Коммунистической академии[35].

Хотя идеологический по названию и в значительной степени по сути Тимирязевский институт не стал передовым научным учреждением страны, но в нем работали несколько крупных биологов того времени, и внедрение в него на правах заведую-

щей лабораторией малообразованной старой большевички (заведовать лабораторией по положению может человек, имеющий реальные и признанные коллегами достижения и публикации, а в наше время и научные степени и звания) было шагом экстраординарным. Приходится думать, что в 1929 году Лепешинская смогла заручиться чьей-то солидной поддержкой в партийных верхах в стране.

Тот же 1929 год был ознаменован не только «великим скачком» аграрной России в мир индустриализации и не только поголовной коллективизацией крестьянских хозяйств. Массированная индустриализация страны и тотальный разгром индивидуальных крестьянских хозяйств потребовал быстрого набора армии «красных спецов», которые бы взяли в свои руки руководство на местах фабриками, заводами, колхозами, совхозами, местными органами управления и — одновременно — научными учебными институтами, где еще недавно Троцкий искал свою главную опору.

В том же 1929 году большевики выдвинули на высокую научную должность другого недоучку — Т. Д. Лысенко, занимавшего скромную должность агронома Азербайджанской опытной станции имени товарища Орджоникидзе в городе Гандже. Приказом наркома земледелия его переместили в пространстве, переведя в город Одессу. Здесь, в великолепном по тем временам Институте генетики и селекции, созданном выдающимся русским ученым Андреем Афанасьевичем Сапегиным, приказом наркома для Лысенко была открыта Лаборатория биологии развития. Нарком предоставил агроному практически неограниченные денежные и прочие ресурсы. Как и Лепещинская, Лысенко к этому времени ничем реальным себя в науке не проявил и серьезными научными достижениями себя не отяготил. Закончив заочно провинциальный тогда Киевский сельхозинститут (столицей Украины был Харьков), он занялся изучением влияния низких температур на проростки растений и, не получив никаких заслуживающих доверия результатов, сумел заинтересовать власти возможностью разом покончить с неприятными сюрпризами погоды. Напомним, что в течение двух лет подряд страна страдала от сильных летних засух. Воодушевленные обещаниями Лысенко о чудодейственных возможностях яровизации, руководители сельского хозяйства страны приказным порядком открыли для Лысенко огромные возможности для научной деятельности.

Этими мерами (как в отношении Лепешинской, так и Лысенко) большевистские власти вместо грядущего решения проблем создали массу трудностей для российской науки. Из-за этого, вместо продвижения в научных областях вперед, Россия не

просто потеряла в генетике и клеточной теории передовые позиции, завоеванные поколениями первоклассных ученых, но полностью. причем на десятилетия, закрыла для себя эти науки и тем отбросила великую страну далеко назад — в схоластику средневековья.

V

«РАЗВЕНЧАНИЕ» ВЕЛИКОГО ВИРХОВА

> Бесстыдство как замена руководящей мысли; сноровка и ловкость как замена убеждения; успех как оправдание пошлости и ничтожества стремлений вот тайна века сего, вот девиз современного триумфатора.
>
> *Легковесные*
> *М. Е. Салтыков-Щедрин*

Итак, в 1928 году Лепешинская опубликовала брошюру «Зачем нужна диалектика естествоиспытателю?»[34], в которой представила в общих словах гипотезу о том, как растут кости, а через два с половиной года она не менее решительно объявила, что открыла у животных клеток массивные оболочки[36], которые никто из настоящих ученых до нее узреть не смог. В 1934 году она потрясла ученый мир еще более сенсационным результатом: ей якобы посчастливилось обнаружить процесс превращения неживого в живое.

Все эти, по своему значению крупнейшие в истории науки обобщения, давались в руки и ей и всем пришедшим позже лысенкоистам играючи, весело, без натуги и свойственной якобы лишь неудачникам тягомотины с многолетними проверками и перепроверками, сомнениями да сравнениями. Вот как звучало в ее более позднем изложении открытие фундаментального научного принципа — образования живых клеток из мертвых неклеточных структур:

> «Это было в 1933 году. Я изучала оболочки животных клеток Желая изучить возрастные изменения оболочек, я решила проследить этот процесс на различных стадиях развития лягушки. И что же я увидела? Я увидела желточные шары самой разнообразной формы... Внимательно изучив несколько таких препаратов, я пришла к мысли, что передо мной картина развития какой то клетки из желточного шара.
>
> Развитие клетки — это совсем ново! Вирхов*, а вслед за ним и большинство современных биологов

* Рудольф Вирхов (1821—1902) — выдающийся немецкий ученый, основатель современной патологической анатомии. Вирхов обосновал тезис, что каждая клетка может возникнуть только от предшествовавшей ей клетки путем деления. Это правило сейчас строго доказано и не имеет ни единого исключения.

> считают, что всякая клетка происходит только от клетки.
>
> Но я вспоминаю, что Энгельс говорит совершенно другое: «Бесклеточные начинают свое развитие с простого белкового комочка, втягивающего и вытягивающего в той или иной форме псевдоподии — с монеры»[37].

Произносилось это таким тоном, будто и впрямь Энгельс — это авторитет биологической науки, а не публицист, пытающийся уяснить для себя наиболее доходчивые факты современной ему науки. Будто за его словами кроются данные длительных и точных экспериментов, предопределивших прогресс в биологии на многие десятилетия вперед.

Да и метод обнаружения Лепешинской великого открытия (иначе его не назовешь!), перечеркивающего все, что известно науке о клетках, до обидного примитивен. Оказывается, тысячи умудренных и грамотных ее предшественников не удосужились обратить внимание на то, что бросилось ей в глаза при разглядывании всего-то «нескольких препаратов».

Как нечто само собой разумеющееся (хотя и отвергнутое задолго до нее наукой) она утверждала:

> «Клетки размножаются не только почкованием. прямым и непрямым делением, но и путем выбрасывания клетками большого количества ядерного вещества, из которого образуется много клеток»[38].

И, отвергая ложную скромность, делала эпохальный вывод:

> «Значение этих работ заключается в том, что они еще больше приближают нас к изучению вопроса о переходе вещества к существу, к разрешению широчайшей проблемы происхождения жизни»[39].

Статья Лепешинской «К вопросу о новообразовании клеток в животном организме» была написана в 1934 году[40], и в тот же год автор сумела издать ее краткий вариант[41]. В то время было отлично известно, насколько сложна клетка, как точно в ней пригнаны разнообразные структуры. Вполне понятно было и другое: как легко сломать клетку даже при самом нежном прикосновении. А Лепешинская уверяла, что можно растереть в ступке желтки яиц птиц до кашицеобразного, бесструктурного состояния, затем оставить эту суспензию на время — и в кашице зародятся снова живые яйца таких же птиц!

Особенно странно выглядели ее утверждения в свете того, что она сама писала восемью годами раньше, когда дискутировала с А. Г. Гурвичем[23]. Его опыты с центрифугированием клеток в свое время решительно не понравились Лепешинской, и она не без ехидцы вопрошала:

> «Итак, что хочет сказать здесь проф. Гурвич? Очевидно, что жизнь не зависит от структурных изменений протоплазмы, что жизнь идет своим чередом вне связи с материей (как будто Гурвич материю аннигилировал! — *В.С.*), с ее химическими и физическими изменениями. Как хочешь нарушай протоплазму яйцевой клетки, а все-таки клетка жива»[42].

Теперь же, начисто забыв свой «материалистический» окрик в адрес Гурвича, не убивавшего «материю клеток», а лишь центрифугировавшего ЦЕЛЫЕ, неповрежденные клетки, она пошла много дальше. В полном соответствии со средневековым рецептом она растирала клетки яиц или клетки гидр в ступке и протирала кашицу сквозь сито. Она утверждала, что все клетки при этом разрушались, и тем не менее из бесформенной массы, якобы прямо у нее на глазах, снова возникали живые клетки гидр!

Свои манипуляции Лепешинская гордо именовала опытами, публикуемые заметки — научными статьями, а собрания заметок в одной книжке — монографиями. Но ничего в этих опытах, статьях и монографиях не было от науки.

Вспомним требования, предъявляемые к любому опыту: наличие хорошо продуманной схемы эксперимента, базирующейся на глубоко проработанной теории; проведение строго поставленного контроля, отличающегося от опыта лишь одним (или немногими) четко регистрируемым фактором, повторяемость и возможность воспроизведения результата всяким другим ученым, однозначность в трактовке результата.

Ни одному из этих требований «труды» Лепешинской не отвечали, да она, видимо, и не понимала этих требований*. Нечего было говорить и о том, чтобы ее «опытам» предшествовала теория. То есть она, конечно, постоянно твердила как заклинания слова типа «наши теоретические предпосылки», «согласно теории» и т. д., но, во-первых, она просто не умела предложить

* Наверное, многие бы удивились, узнав, что «лаборатория» Лепешинской располагалась в ее же квартире. Она жила в комплексе мрачных серых домов для высшего московского начальства на берегу Москвы-реки (рядом с кинотеатром «Ударник»), описанных Ю. Трифоновым в «Доме на набережной». Здесь же была квартира Т. Д. Лысенко. В этих же домах в 70-х годах поселили другого героя этой книги, с которым мы встретимся ниже, В. Д. Тимакова — будущего президента АМН СССР.

сколько-нибудь разработанные идеи, которые следовало подтвердить или опровергнуть экспериментами: вместо них выдвигался самый примитивный (и потому чаще всего — антинаучный) домысел, который и в голову не мог прийти специалисту. Во-вторых, не обладая даже начальной подготовкой ни в одной из научных областей, Лепешинская была не способна овладеть используемыми в науке методами исследований, организовать хотя бы простенькую проверку своих «идей». Она любила твердить: «физические методы измерения», «выявление химической природы» и т. п., но за этими научными терминами стояли истинно кухонная самодеятельность, бессилие и убожество. Так что у всякого специалиста опустились бы руки, вздумай он что-то вслед за Лепешинской экспериментально проверить или опровергнуть.

Она же все более настойчиво утверждала, что в природе существует особое живое вещество, которое до нее никто даже не замечал, а, оказывается, из него могут возникать живые нормальные клетки! Само это вещество бесструктурно, но в любых мало-мальски сносных условиях эта субстанция начинает изменяться... и из нее возникают живые клетки!

VI

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР СО СТАЛИНЫМ И ПОДДЕРЖКА ИМ ЛЕПЕШИНСКОЙ В БОРЬБЕ С КРИТИКАМИ

Добрые гении пролагают железные пути, изобретают телеграфы, прорывают громадные каналы, мечтают о воздухоплавании, одним словом, делают всё, чтоб смягчить международную рознь; злые, напротив, употребляют все усилия, чтобы обострить эту рознь. Политиканство давит успехи науки и мысли и самые существенные победы последних умеет обращать исключительно в свою пользу.

Мелочи жизни
М. Е. Салтыков-Щедрин

Естественно, что на первые же публикации Лепешинской об образовании клеток из бесструктурного вещества последовала спокойная, но уничтожающая критика таких корифеев науки, как академик Н. К. Кольцов[43], профессор-биохимик А. Р. Кизель и других. Временно Лепешинская притихла.

Но в середине войны с фашистской Германией Ольга Борисовна преуспела в другом. Она сумела каким-то образом «протолкнуть» к Сталину свои рукописи. Сталин посмотрел их и вмешался в споры ученых, как это он уже неоднократно делал. Тем более что экспертом в биологических вопросах он считал себя давно. Еще в 1906 году он смело обсуждал проблемы развития живой природы и общества в работе «Анархизм или социализм?»[44], не обладая, как и Лепешинская, никаким специальным образованием (Сталин учился в Тифлисской духовной (православной) семинарии, из которой его исключили 29 мая 1899 года).

Хотя некоторые историки, такие, как Лорен Грэм[45] и Жорес Медведев[46], уверяли, что Сталин в этой работе привел лишь «одну единственную фразу... имеющую отношение к биологии, и эта фраза не очень значаща»[47], на самом деле, центральное место в первой части его книги, части, озаглавленной «Диалектический метод», было уделено обсуждению проблем развития живого. Он искал параллели и противоречия между эволюционным развитием и революционной борьбой, оперировал понятиями «эволюция», «движение развития природы» (?! – *В.С.*), «ламаркизм» и «дарвинизм» (равно как и «неоламаркизм» и «неодарвинизм»), «катаклизмы Кювье» и т. п. Его основной вывод, сделанный после разбора этих биологических проблем, гласил:

«Эволюция подготовляет революцию и создает для нее почву, а революция завершает эволюцию и содействует ее дальнейшей работе»[48].

Нельзя, впрочем, не заметить, что, берясь за обсуждение проблем развития живого мира (чтобы показать этим обсуждением глубину заблуждений его более образованных коллег по партии и революционной борьбе, которых он нещадно критикует и безосновательно пытается поставить на место). Сталин отчетливо демонстрирует, что работ Дарвина, Ламарка, Кювье он и в руки не брал, что судит о них понаслышке, ибо приписывает названным авторам то, что далеко от их истинных взглядов Насколько он примитивен и вообще далек от знания биологических закономерностей, показывают, например, его высказывания относительно природы дарвинизма:

«Дарвинизм отвергает не только катаклизмы Кювье, но также и диалектически понятое развитие, включающее революцию, тогда как с точки зрения диалектического метода эволюция и революция. количественные и качественные изменения, — это две необходимые формы одного и того же движения»[49].

О том же свидетельствует поверхностное понимание им поступательного хода эволюции, с одной стороны, и примата материи над сознанием — с другой:

«Еще не было живых существ, но уже существовала так называемая внешняя, «неживая» природа. Первое живое существо не обладало никаким сознанием, оно обладало свойством раздражимости и первыми зачатками ощущения. Затем у животных постепенно развивалась способность ощущения, медленно переходя в сознание, в соответствии с развитием строения их организма и нервной системы. Если бы обезьяна всегда ходила на четвереньках, если бы она не разогнула спины, то потомок ее — человек - не мог бы свободно пользоваться своими локтями и голосовыми связками, и, таким образом, не мог бы пользоваться речью, что в корне задержало бы развитие его сознания. Или еще: если бы обезьяна не стала на задние ноги, то потомок ее — человек — был бы вынужден всегда ходить на четвереньках, смотреть вниз и оттуда черпать свои впечатления; он не имел бы возможности смотреть вверх и вокруг себя и, следовательно, не имел бы воз-

можности доставить своему мозгу больше впечатлений, чем их несет четвероногое животное. Все это коренным образом задержало бы развитие человеческого сознания...»[50]

Выходит, что развитию идеальной стороны, развитию сознания предшествует развитие внешних условий: сначала изменяются внешние условия, сначала изменяется материальная сторона, а затем существенно изменяется сознание, идеальная сторона»[51] (подчеркнуто в оригинале. – *В. С.*).

Гипотетичность, выражаясь мягко, основных положений, высказываемых Сталиным в качестве абсолютно справедливых, и совершенно ясная специалистам, проходит мимо его сознания. Он манипулирует терминами и строит логические схемы событий исходя из твердой убежденности, будто и на самом деле все обстояло именно так и только так. Столь же нездоровым апломбом объясняется, что Сталин и позже возводил в абсолют любые из своих незрелых допущений. С таким же багажом знаний подошел Сталин и к рассмотрению работы Лепешинской. Вспоминая о помощи, пришедшей от Сталина, Лепешинская, как мы помним, писала:

«В самый разгар войны, целиком поглощенный решением важнейших государственных вопросов, Иосиф Виссарионович нашел время познакомиться с моими работами еще в рукописи и поговорить со мной о них»[52].

Уже после смерти Сталина Лепешинская добавила некоторые детали относительно ее беседы с вождем:

«Весной 1943 года, в самый разгар войны, Иосиф Виссарионович Сталин нашел время познакомиться с моими работами еще в рукописи и по телефону сообщить мне о своем положительном отношении к моим работам. Слова эти поддержали во мне уверенность, что я стою на правильном пути»[53].

В условиях любого демократического государства устный благоприятный отзыв сколь угодно высокого лица из администрации страны не смог бы переломить определенно отрицательного заключения авторитетных ученых в сфере науки. Но Лепешинская отлично понимала, где она живет и какова цена даже одного слова Сталина. Обходя все установленные правила, те-

перь уже бесстрашно пренебрегая нормами научной этики, а лишь спекулируя на факте поддержки ее Сталиным (она писала: «Внимание товарища Сталина... влило в меня неиссякаемую энергию и бесстрашие в борьбе с идеалистами всех мастей, со всеми трудностями и препятствиями, которые они ставили на пути моей научной работы»[54]), Лепешинская сумела в 1945 году издать книгу «Происхождение клеток из живого вещества и роль живого вещества»[55]. Этот пухлый том вышел в самом солидном научном издательстве – Издательстве Академии наук СССР. Предисловие к книге согласился подписать Лысенко (текст его совместно подготовили сама Лепешинская и И. Е. Глущенко — *личное сообщение последнего автору книги в 1982 году*). Никаких новых результатов и описания более совершенных экспериментов в книге представлено не было. Лепешинская собрала свои старые статьи, не раз становившиеся объектом нелицеприятной и суровой критики, никоим образом замечания не учла, а издала в том же виде, как было раньше. Это не помешало тем не менее Лысенко подписаться под следующими словами:

> «Многолетняя успешная экспериментальная работа Ольги Борисовны Лепешинской представляет большой вклад в теоретические основы нашей советской биологии.. И можно быть уверенным, что научно-практическая значимость работы О. Б. Лепешинской будет с годами только возрастать»[56].

Изданная спешным образом книга была тут же представлена в Комитет по Сталинским премиям на соискание самой высокой в стране научной награды.

Параллельно с этой книгой Лепешинской удалось в другом издательстве, Медгизе, напечатать еще одну книгу — «Оболочки животных клеток и их биологическое значение»[57].

При поверхностном ознакомлении с обеими книгами они могли показаться вполне солидными научными трудами. Например, в книге об оболочках клеток была вводная глава «Исторические данные по вопросу об оболочках животных клеток», глава II — «Значение проблемы оболочек»... глава VIII – «Химическая природа оболочек животных клеток», глава IX — «Физическая природа оболочек животных клеток» и т. д., вплоть до XXI главы — «Выводы» и списка литературы. Из «Предисловия» читатель узнавал о солидных намерениях автора. Оказывается, книга эта — плод многолетних исследований, обобщение экспериментов, вытекающих из пионерской ТЕОРИИ автора, и, естественно, читатель ждал, как того требуют строгие каноны науки, систематического описания целей и задач исследования,

применявшихся методик, полученных результатов. Но стоило заглянуть в книгу, почитать перемежающиеся ссылки на Энгельса и каких-то допотопных авторов (то ли ученых, то ли популяризаторов науки?), смешанных в кучу, как чувство почтения испарялось и становилось ясно, насколько этот труд отличается от допустимых в науке.

Сквозь витиеватые наслоения фраз и категоричные выпады в адрес «идеалистов всех мастей» выплывала вообще странная вещь: возрождая в середине XX века представление о наличии у животных клеток массивных оболочек, Ольга Борисовна, оказывается, хорошо знала, что уже к середине XIX века наука от этого представления отказалась как от неверного. Но Лепешинская решила твердо установленные истины во внимание не принимать.

Чтобы не показаться голословным в отношении непонимания Лепешинской, как надо доказывать неверность тех или иных научных положений, я приведу здесь лишь один пример. Он же хорошо иллюстрирует стиль ее публикаций. В главе III книги об оболочках животных клеток она писала:

> «На мой метод окраски... я напала до известной степени случайно. Я присутствовала на докладе т. Мошковского, когда он говорил о новом методе окраски крови, который может почти полностью заменить дорогую заграничную окраску Гимза... Мошковский указывал, что вокруг клеток часто оставалась голубая каемка, портящая весь эффект окраски. «Если бы не эта каемка, — говорил Мошковский, — то краска полностью могла бы заменить краску Гимза». Анализируя этот процесс окраски, я пришла к выводу, что лиловый цвет эритроцитов получается после окраски потому, что тут имеется смесь красок двух цветов — синего и красного, которые вместе и должны давать лиловую окраску*. То обстоятельство, что после таннина эритроциты становятся красными, я объяснила тем, что таннин, очевидно, удаляет то, что было окрашено синим цветом, а это могло быть только нечто, лежащее на поверхности, т. е. оболочки. Таннин, очевидно, сорвал их и освободил тело эритроцита, окрашенное

* Нельзя не обратить внимания на страсть Лепешинской к передержкам. Ни о какой лиловой окраске Мошковский не говорил, а сообщал, что часто ГОЛУБАЯ каемка портит дело. К тому же ей не составляло никакого труда найти в любом справочнике, что наложение синей и красной краски не дает лиловой окраски. Известно, что при совмещении синего цвета (длина волны 480—490 нм) и красного (605—730 нм) получается пурпурное окрашивание с длиной волны 730—760 нм.

эозином в красный цвет, а узенькая голубая каемка, которая так огорчала т. Мошковского, является не чем иным, как остатком оболочки эритроцита... На другой же день я приступила к опытам и сразу же получила картину частичного разрыва оболочек с вытеканием протоплазмы, т. е. полное подтверждение моих предположений (табл. 1, рис. 1)»[58].

Читаешь такое и не перестаешь удивляться, как легко стать ученым! В одно мгновенье изложенное заносчивым тоном и не доказанное положение объявлено единственно возможной научной истиной, а добытые учеными факты, без всякого на то основания, отброшены как ошибочные. Оказывается, бедный Мошковский ничего не понял, а ведь как все просто. Нужно только ДОПУСТИТЬ, что: (а) красный и голубой цвета смешались; (б) «таннин, очевидно, удаляет то, что было окрашено синим цветом» и (в) удаляться может только «нечто, лежащее на поверхности». А что же еще может «ЛЕЖАТЬ» на поверхности, как не оболочка клеток. Вот и все ОТКРЫТИЕ: ее-то, оболочку, таннин и удалил!

Но где же доказательства? Ведь с конца прошлого века[59] известно, что таннин ничего не срывает, а, напротив, — укрепляет, откуда и название (от французского tanner — дубить кожу), что таннин — это «смесь фенольных соединений, обладающих способностью образовывать прочные связи с белками и некоторыми другими природными полимерами (целлюлоза, пектиновые вещества)»[60]. Не знать свойств таннина, равно как и того, какие краски что образуют, Лепешинская вроде бы не могла. Попросту не имела на то права, раз назвалась ученой.

Она старалась быть похожей на ученых, как известно, любящих ссылаться на доказательства. Поэтому она привела примеры своих экспериментальных доказательств — упомянула рисунок 1 и таблицу 1. Посмотрим, что же за данные включила она в таблицу 1 своей работы? А, оказывается, никаких! Вместо таблицы на странице книги, озаглавленной «Табл. I», размещено несколько несовершенных карандашных рисунков клеток. Ничего доказать эти сделанные от руки рисунки не могли. Точно такие же примитивные эскизы были представлены и на рис. 1. Таким образом, ни таблица первая, ни рисунок первый ничего не выясняли, а, напротив, — затемняли, и незачем было на них ссылаться в подкрепление своих рассуждений. Точно такими же были и все другие таблицы и рисунки в толстой книге. Воистину — легко стать ученым!

И все-таки, несмотря на постоянные упоминания Лепешинской о том, что ее поддерживает лично товарищ Сталин, на за-

явления о наличии настоящих оболочек у клеток *животных* ученые с ней не согласились. Аналогично отнеслись они и к книге о происхождении клеток из «живого» вещества. Стоило начать обсуждение ее кандидатуры на получение за эту книгу Сталинской премии, как посыпались аргументированные возражения многих специалистов. При голосовании выяснилось, что за присуждение премии высказался только один член комитета. Им был Т. Д. Лысенко.

Неудача не обескуражила Ольгу Борисовну. Она не стала переделывать заново эксперименты, чтобы убедить всех новыми, более прочными данными, искать новые аргументы и доказательства в свою защиту, а, обозлившись, зачастила в Центральный Комитет партии, стала искать любые лазейки для давления на несогласных с нею. Она решила, что, используя политические обвинения, навешивая политические ярлыки на противостоящих ей ученых и одновременно настаивая на своей непреклонной верности марксизму-ленинизму и партии большевиков, своего добьется.

Однако группе самых уважаемых специалистов в области клеточной теории, в основном ведущих научных сотрудников ленинградских академических институтов и Ленинградского университета, удалось добиться публикации 7 июня 1948 года обращения к ученым в газете «Медицинский работник»[50]. В числе подписавших письмо были академик Н. Хлопин, члены-корреспонденты АН и АМН СССР В. Догель, Д. Насонов, П. Светлов, профессор В. Александров и другие. Характеристика, данная ими книге О. Б. Лепешинской, была уничтожающей:

> «...автор весьма слабо знаком с биологией вообще и с особенностями изучаемых ею объектов в частности... Выдавая совершенно изжитые и потому в научном отношении реакционные взгляды за передовые, революционные, Лепешинская вводит в заблуждение широкого читателя и дезориентирует молодежь... Ненаучная книга Лепешинской — досадное пятно в советской биологической литературе»[62].

Такая оценка, да еще высказанная со страниц советской газеты, к тому же исходящая от группы авторитетов, привела «новаторшу» к крупным неприятностям. Ольга Борисовна на время потеряла работу - была вынуждена выйти на пенсию (женщина она была сильно немолодая — ей шел уже 77-й год), и только через несколько месяцев, в начале 1949 года, она была неожиданно для всех зачислена в штат Института экспериментальной биологии Министерства здравоохранения СССР, где еще недав-

но директором был А. Г. Гурвич, тот самый Гурвич, которого в 1926 году Лепешинская «разоблачила» и которого призывала «посадить под колпак».

До 1948 года этот институт был ведущим научным учреждением страны в своей области, имел высокую репутацию и по стилю работы даже отдаленно не напоминал Тимирязевский институт изучения и пропаганды естественнонаучных основ диалектики, в котором Лепешинская в 1929 году начала свой путь в науке. К 1949 году подмоченная научная репутация старой большевички Лепешинской слишком хорошо была известна в среде отечественных биологов, и попасть в такой первоклассный научный коллектив, да еще на лидирующую роль заведующей лаборатории, ей по конкурсу не удалось бы ни за что.

Но на сентябрьской 1948 года сессии Академии медицинских наук СССР, на которой вслед за разгромом биологии на Августовской сессии ВАСХНИЛ того же года, пришел черед гонений на медицинские научные и учебные учреждения (см. главу VIII). На сессии было принято решение уволить с работы Гурвича.

Начался поиск человека из «своих», коим можно было заместить «виталиста и мракобеса» Гурвича. Так появился новый директор Института экспериментальной биологии - Жуков-Вережников*. Между собой генетики звали его «любовно» Жуковым-Навозниковым.

* Николай Николаевич Жуков-Вережников (1908 1981) окончил МГУ в 1930 г., до 1948 г. работал в Саратове и Ростове-на-Дону. В 1948 г. стал академиком АМН СССР и быстро выдвинулся в организаторы здравоохранения на высшем уровне, рассматривая себя как специалиста по особо опасным инфекциям, а позже с такой же легкостью возомнив себя экспертом по генетике человека. Был он и главным редактором Медгиза, и вице-президентом АМН СССР (1949—1953), и заместителем министра здравоохранения СССР (1952—1954), одновременно заведуя все эти годы лабораторией экспериментальной иммунологии Института экспериментальной биологии (в 1948 г. его назначили директором этого института). Он с особой готовностью восхвалял Лепешинскую, Бошьяна и им подобных. В научных кругах Жуков-Вережников был «славен» глубокой невежественностью. Вот некоторые из его одиозных достижений. Во время Корейской войны 1950—1953 гг. он собрал «доказательства» применения американской армией бактериологического оружия, осмеянные во всем мире и даже в СССР позже не упоминавшиеся. Из Сибири он доложил правительству о ликвидации лично им очага чумы (всю жизнь он считал себя крупным специалистом именно по чуме, о чем упоминается во всех его автобиографиях, словарях и энциклопедиях). Телеграфный рапорт опередил самого борца с чумой, ехавшего в Москву с комфортом в поезде. За это время стало известно, что никакой чумы в Сибири не было, а была вспышка туляремии (этот просчет стоил ему поста зам. министра). Затем, ничего не понимая в генетике, он ввел в Государственный план по науке проблему «Исправление испорченной генетической информации у человека путем направленного воздействия на испорченные гены». В те годы это даже фанфаронством назвать было нельзя, ибо не существовало никаких путей решения данной проблемы. В последние годы жизни он был введен в состав руководства Советским фондом мира и Советским комитетом защиты мира.

Как выбор пал на этого человека, догадаться нетрудно. Параметры, по которым шел отбор, вовсе не включали наличия первоклассных научных работ, прочного авторитета в научной среде в своей стране и за рубежом. Это было время, когда доселе неизвестные в научной среде люди в одночасье всплывали благодаря другим качествам, оценивавшимся одновременно в партийных кабинетах и в кабинетах нуворишей, близких к людям типа Лысенко.

Жуков-Вережников проявил недюжинные способности во взаимодействии с начальством, и в особенности с людьми из лысенковского клана. Бывший выпускник одного из лучших российских высших учебных заведений — Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, он долгое время работал на периферии, но затем сумел-таки зацепиться в Москве и сразу быстро продвинулся по административной линии, одновременно был удостоен высоких научных званий, пользуясь которыми, стал продвигаться выше и выше. Первоначально его «провинциальность» ему заметно помогала, многие из китов, командовавших советской медициной (такие, как В. Д. Тимаков, Н. Н. Блохин и другие), стали близко с ним взаимодействовать (дочь одного из них поделилась со мной в 1962 году рассказом о том, как ее отец с первого взгляда влюбился в этого энергичного человека и помог ему быстро перебраться из провинции в столицу и сразу занять высокое начальственное кресло).

Однако особые человеческие качества таких выдвиженцев проявлялись быстро: в короткий срок в среде как отечественных биологов, так и особенно ученых-медиков новый начальник успел приобрести недобрую славу поверхностного, авантюрного и крикливого человека, притом недобросовестного в науке специалиста. Последовавшие за высоким назначением поступки вконец испортили его репутацию в научной и педагогической среде, но нисколько не повлияли на последующее продвижение по службе. То, за что других людей мгновенно бы и без сожаления выставили на позор (или, хуже того, отправили бы в края, куда «Макар телят не гонял»), Жукову-Вережникову сходило с рук. Казалось, чем более нелепыми были выходки и поступки таких выдвиженцев, тем легче в целом все сходило им с рук. Непотопляемость таких людей, сильных одним — преданностью так называемым идеалам и спаянностью духом с власть предержащими, стала знамением времени.

Вот он-то и решил заполучить в свой институт столь «ценного кадра», как Ольга Борисовна Лепешинская.

VII

КРИТИЧЕСКАЯ ПОРА В ЖИЗНИ ЛЫСЕНКО

Район, который обнимал кругозор этого идиота, был очень узок.

История одного города
М. Е. Салтыков-Щедрин

Путь к вершине административных научных постов был для Лысенко внешне гладким, и он сумел обойти в рангах послужного списка Ольгу Борисовну.

После того как в 1929 году Лысенко занял должность заведующего лабораторией Одесского института генетики и селекции, он стал часто появляться на всевозможных заседаниях важных государственных органов, выступать на конференциях и семинарах. Вскоре, не без наушничества лысенкоистов, директор и создатель института Сапегин был арестован и помещен в тюрьму за мнимое вредительство. Сразу после этого Лысенко поменял название института на Селекционно-генетический институт, задвинув слово «генетика» на задний план.

Два момента резко отличали деятельность Лысенко и Лепешинской. Благодаря стараниям наркомов земледелия Украинской ССР А. Г. Шлихтера и СССР Я. А. Яковлева для Лысенко был создан специальный журнал (научный по статусу) «Бюллетень яровизации» (позже переименованный в «Яровизацию», а после войны выходивший под названием «Агробиология»). В силу этого у Лысенко не было тех неимоверных трудностей с публикацией своих работ, с коими постоянно сталкивалась Лепешинская. В своем журнале, начавшем выходить в 1932 году, где он был главным редактором, Лысенко публиковал все, что ему заблагорассудится. Там же он постоянно печатал письма тех, кто некритически, но восторженно воспринимал любые его новации. В частности, в «Яровизации» появились отрывки из выступлений самоучки-земледела, бригадира звена из колхоза «Заветы Ильича» в деревне Шадрино, Терентия Мальцева, в которых он апологетически захваливал Лысенко и возмущался недалекостью и упрямством генетиков, толковавших о каких-то генах, которых и быть-то в природе не может.

«По-моему, тысячу раз прав Т. Д. Лысенко, что он новыми методами своей работы, построением своей новой революционной теории, систематически, как

камни в застоявшуюся воду бросает вызов за вызовом представителям старой генетики[63].

...Я часто теперь задаю себе вопрос. Что было бы с генетикой и генетиками, если бы их не тревожили такие люди, как Т. Д. Лысенко. Нашли ли бы генетики выход из того тупика, в который их завела гипотеза независимости генов. Генетика... утверждает, что на каждый признак, или группу признаков, есть «ген» или группа «ген». Я и спрашиваю, сколько же может быть у организма, тем более многоклеточного, признаков? Я думаю, что вряд ли можно для их подсчета набрать достаточно цифр, могущих выразить число, перевариваюшееся в человеческой голове... И вот, когда задумываешься над такими вопросами, то поневоле удивляешься фантазии генетиков, которые ведь должны принимать такое количество ген в хромосомах, которого не выдерживает никакая фантазия»[64].

Второй решающий момент в судьбе Лысенко был связан с оценкой (или, вернее, некритическим захваливанием) его гипотез таким крупным в научном мире человеком, как академик Николай Иванович Вавилов. Если Лепешинскую привечали партийные верхи, но жестоко критиковали специалисты в ее области, то Лысенко был обласкан в обеих сферах. Конечно, более трезво мыслящие биологи и селекционеры критиковали агронома Лысенко, но авторитет Вавилова, который поверил в самобытность мышления его выдвиженца и одновременно выдвиженца коммунистической партии. сбросить со счетов было нельзя. Вавилов последовательно и неутомимо протежировал Лысенко, выдвигая его кандидатуру в члены-корреспонденты, а затем и действительные члены (академики) влиятельных академий — Всеукраинской и Союзной, представлял его на соискание Ленинской премии, печатно и устно в СССР и за рубежом хвалил лысенковскую яровизацию, его летние посадки картофеля, «теорию» стадийного развития растений и многое другое. Бывали и размолвки, но доброжелательность и интеллигентность Вавилова брали верх, он продолжал чуть ли не до 1939 года верить, что у Лысенко — своеобразный ум, недюжинная смекалка, хотя ему и не хватает порой знаний и образованности.

Был в вавиловском поведении наверняка невыказываемый, но важный политический подтекст. В 1935 году отношения Вавилова со Сталиным испортились. А именно в 1935 году Лысенко дважды выступил в Кремле перед Сталиным во время его встреч с колхозниками-ударниками и уже в первую же

встречу в октябре блестяще сыграл свою роль. Он нашел такой тон, который сразу расположил к себе уже почти всесильного диктатора: о себе говорил не просто скромно, а даже уничижительно («Я уверен, что я чрезвычайно плохо изложил затронутые мною вопросы по генетике и селекции. Я не оратор. Если Демьян Бедный сказал, что он не оратор, а писатель, то я не оратор и не писатель, а только яровизатор»[65]), о своих достижениях также не распространялся, но представил дело так, что всем было ясно — без него не прокормиться великой стране. Вавилова он в двух словах похвалил, но зато своих научных противников обвинил такими фразами, каковыми никто еще до него в стране не изъяснялся. Он заявил Сталину то, что тот только и хотел услышать:

> «Товарищи, ведь вредители-кулаки встречаются не только в вашей колхозной жизни. Вы их по колхозам хорошо знаете. Но не менее они опасны, не менее заклятый и для науки. Немало пришлось кровушки попортить в защите, во всяческих спорах с так называемыми «учеными» по поводу яровизации...
>
> Было такое дело... вместо того, чтобы помогать колхозникам, делали вредительское дело. И в ученом мире, и не в ученом мире, а классовый враг — всегда враг, ученый он или нет.
>
> Вот, товарищи, так мы выходили с этим делом. Колхозный строй вытянул это дело. На основе единственной научной методологии, единственно научного руководства, которому нас ежедневно учит товарищ Сталин, это дело вытянуто и вытягивается колхозами»[66].

Сталин, воодушевившись цветистой речью «яровизатора», по окончании ее вскочил и закричал в зал: «Браво, товарищ Лысенко, браво!» Фраза эта была напечатана во всех советских газетах, что было публичным объявлением Лысенко победителем в научных дискуссиях.

В 1934 году его провели в академики Всеукраинской академии наук. Как уже упоминалось, за два года до этого директора и создателя Одесского института генетики и селекции профессора А. А. Сапегина арестовали. Тут же неученый Лысенко (можно сказать, человек не уважающий науки и презирающий ученых) был назначен научным руководителем института. Директором он стал в 1934 году. В 1935 году он был назначен правительством СССР академиком ВАСХНИЛ, в 1938 году — президентом этой академии. В 1939 году его вместе со Сталиным

избрали академиком АН СССР. В 1940 году после ареста Вавилова он занял кресло директора Института генетики этой академии. Лысенко занимал одну из высших позиций в Верховном Совете СССР, год за годом получал новые и новые государственные награды и премии. Он для отвода глаз именовался беспартийным, но был приглашаем на съезды партии как свой, а при Хрущеве и выступал на этих съездах и даже участвовал в работе мандатных и ревизионных комиссий съездов КПСС.

Однако жизнь временщиков всегда таила и таит в себе не одни лишь удовольствия, и каждому из них приходилось во все времена крутиться и изворачиваться, чтобы не упасть. При Сталине, деспотично отправлявшем на казнь не только врагов, но и еще недавно столь им явно обласкиваемых клевретов, все были временщиками.

Перед началом Второй мировой войны число репрессированных агрономов, животноводов, селекционеров, агрохимиков, руководителей сельского хозяйства исчислялось тысячами, если не десятками тысяч. а дела в сельском хозяйстве не шли лучше. Теперь ответственность за провалы в сельском хозяйстве естественно ложилась на Лысенко.

В соответствии с этим в 1947 - начале 1948 годов обстановка вокруг Лысенко стала накаляться. Вопреки его многолетним обещаниям создать срочно что-то такое, что сразу же повело бы к революции в сельском хозяйстве, после чего само собой наступило бы всеобщее благоденствие, дела шли все хуже. Было уже совершенно очевидно, что проекты яровизации ничего не дали С треском провалились летние посадки картофеля. Из сверхскоростной селекции пшеницы, предпринятой специально для того, чтобы посрамить генетику, ничего не вышло. Лысенко менял предложения, прибегал к отчаянному самобахвальству, но как мыльные пузыри лопнули разрекламированные в печати, кино и на радио переопыление сортов, посев озимых по стерне в Сибири, борьба с клопом-черепашкой (предлагалось пускать на поля цыплят, чтобы они клевали клопов, и вся недолга) и все до единой остальные выдумки...

В конце концов секретарь ЦК ВКП(б) Андрей Александрович Жданов высказался в 1947 году за то, чтобы заменить Лысенко на посту президента ВАСХНИЛ[67]. С осени 1947 года Отдел науки ЦК партии в открытую стал приглашать к себе видных противников Лысенко и выслушивать их соображения. Это стало известно Лысенко, и он вынужден был предпринимать оборонительные действия. А надежно защитить себя в условиях тоталитарного государства можно было только заручившись поддержкой главного фюрера страны — Сталина.

Началась эта история с того, что Сталин в 1946 году передал из рук в руки Лысенко мешочек семян ветвистой пшеницы. В мешочке было 210 граммов этой якобы чудо-пшеницы. Сталину семена привезли из его родной Грузии. Срочно в Государственную книгу регистрации новых сортов (как водилось в сталинское время, без всякой предварительной проверки свойств нового «сорта») была внесена запись о сорте «Кахетинская ветвистая». Как стало ясно позже, никакого сорта не существовало, а была лишь плохо отселектированная линия ветвистой пшеницы. Причем и получена эта линия была не в Грузии, а в другом месте советской державы, но грузины торопились заполучить лавры. Отголоски межнациональной розни, связанной с чудо-пшеницей, попали даже в советскую печать. я разыскал газетные и журнальные публикации тех лет и подробно описал историю с «Кахетинской ветвистой» и роли Сталина и Лысенко в этом вопросе в книге «Власть и наука» (см. ссылку[68]).

Газетная шумиха вокруг необычной пшеницы (на самом деле известной еще во времена строительства египетских пирамид) прокатилась перед войной. Тогда, в 1936 1938 годах, журналисты писали об успехах колхозницы из Средней Азии Муслимы Бегиевой. Она привезла в Москву на Всесоюзную Сельскохозяйственную выставку несколько снопиков ветвистой пшеницы, которую тогда назвали по имени Муслимы (но почему-то с изменением одной буквы — возможно, для благозвучия) — «Муслинкой».

Как тогда писали газеты, два грузинских паренька — колхозники из Телавского района Кахетии, посетившие выставку в Москве, тайком отодрали несколько колосков от бегиевских снопиков и убыли с ними в Грузию. Там они вознамерились улучшить свойства сорта, чтобы выдать его уже за свой (в те годы машина советской пропаганды и вместе с ней Лысенко внедряли в умы людей, что любой колхозник, назвавший себя мичуринцем, может творить чудеса с сортами и выделывать с ними все, что его душа пожелает). Война отодвинула эти планы, а через восемь лет надежды горячих голов из Кахетии разгорелись снова. Сделать что-либо путное сами они не смогли, вот почему и понадобилось приобщить к делу еще одного умельца-чудотворца — Лысенко. Сталин вызвал его к себе, провел нравоучительную беседу о том, как надо улучшать сорт Кахетинской ветвистой (Лысенко сам об этом позже рассказал), и вручил ему мешочек с семенами.

Когда 15 лет назад я писал «Власть и науку», я уже обнаружил материалы о том, что Лысенко, получив от Сталина семена «Кахетинской ветвистой» и наказ резко поднять с ее помощью

урожайность пшеницы во всей стране, хорошо знал, что ничего путного из этой затеи выйти не может. Как я выяснил, еще в 1937—1938 годах никудышные свойства этой пшеницы стали известны Лысенко и его отцу — Денису Никаноровичу. Они высевали ветвистую пшеницу перед войной, но поняли, как это понимали до них за сто лет агрономы и селекционеры, что высоких урожаев эта пшеница дать не может: индивидуальные колосья оказывались огромными по виду только при сильно разреженном посеве, когда «колос от колосу не слышит голосу». Стоило посеять поплотнее, как в обычных посевах пшеницы, и колосья «гигантов» становились щуплыми, а то и бессемянными. Так что суммарный урожай с единицы площади всегда был у этой пшеницы особого ботанического вида — Triticum turgidum — ниже урожаев обычных пшениц.

Если бы Трофим Денисович был честным ученым, то должен был в ту же секунду поделиться со Сталиным своими знаниями и разубедить его в надеждах на улучшение дел с продовольствием в стране с помощью «чудо-пшеницы». Но тогда бы он утерял последнюю надежду на защиту его «отцом народов», почему и решил пойти на обман вождя. Он дал обещание всерьез заняться пшеницей.

Была еще одна причина такого поведения Тотальная коллективизация сельского хозяйства в 1929—1932 годах нанесла непоправимый урон экономике страны. Даже Сталин был вынужден признать на XVII съезде большевистской партии:

> **«Годы наибольшего разгара реорганизации сельского хозяйства — 1931-й и 1932-й — были годами наибольшего уменьшения продукции зерновых культур»** ([69]; выделено жирным шрифтом в оригинале. — *В. С.*).

На том же съезде партии председатель правительства В. М. Молотов привел конкретные цифры: средняя урожайность пшениц по стране составила 7,5 центнеров с гектара[70]. Как ни бились советские руководители в последующее десятилетие, урожайность зерновых выросла лишь на ничтожную величину. Люди, насильно согнанные в колхозы и совхозы, трудились так, что сравнивать их результаты с прежними — в индивидуальных хозяйствах — было нельзя.

Огромный урон нанесли также годы повторяющихся засух на всей территории земледельческой зоны СССР — от Украины и европейской части страны до Казахстана, Сибири и Приморья. В 1946 и особенно в 1947 году в СССР разразился небывалый голод, и Сталину приходилось теперь цепляться, как утопающему за соломинку, за любую, даже эфемерную возможность выйти из

этой зависимости от капризов погоды. Цена успеха в решении проблемы урожая зерновых культур была исключительно высокой, но и неуспех в уже данных обещаниях грозил ударить по человеку, ответственному за сельскохозяйственную науку, так, как ни один другой промах. Лысенко не мог этого не понимать и потому, видимо, решил, что отказываться от «соломинки», протягиваемой ему Сталиным, нельзя. Возможно, он надеялся, что сумеет все-таки что-то из ветвистой выжать, а может быть, он поступал как мудрый Насреддин, обещавший шаху научить осла говорить по-человечески за 20 лет, но уповал на время

Так или иначе, Лысенко поручил своим самым исполнительным сотрудникам — А. А. Авакяну, Д. А. Долгушину и И. Д. Колеснику — срочно заняться размножением семян ветвистой пшеницы, улучшением ее свойств и пропагандой результатов в печати.

От Юрия Андреевича Жданова — сына секретаря ЦК ВКП(б), я узнал в 1987 году, что Жданов-младший был в курсе интереса Сталина к поручению, данному Лысенко. Ю. А. Жданов просил нескольких генетиков (прежде всего, специалиста по пшеницам А. Р. Жебрака) снабдить его материалами об истинной ценности ветвистой пшеницы, но те ему нужных материалов так в срок и не предоставили. Возможно, хорошо известная специалистам несерьезность надежд на чудесные свойства ветвистой пшеницы казалась им самоочевидной.

Как мне рассказывал в январе 1988 года Д. Т. Шепилов, работавший в середине и конце 40-х годов в Идеологическом отделе ЦК (в Отделе пропаганды и агитации), Лысенко наобещал Сталину, что в течение нескольких лет он удесятерит урожаи пшеницы, и Сталин говорил многим из тех, кто его окружал: «Пусть товарищ Лысенко привирает, но нам хватит и 50%-ного увеличения». Шепилов считал, что, именно веря в этот грядущий успех, Сталин и дал в июле 1948 года разрешение на тотальный разгром генетики в СССР (Сталин вообще любил «тотальные разгромы»).

Но нюансы этих переговоров Сталина и Лысенко, предшествовавшая им интрига, завязанная Лысенко, так же как механика обмана им Сталина, оставались скрытыми в архивах ЦК партии. Сталин, разумеется, страстно желал быть обманутым, так как если бы его интересовала истина, то он обратился бы не к одному Лысенко, но и к его оппонентам-ученым. То, что магия цифр грядущих рекордных урожаев так заворожила прагматичного Сталина, об этом свидетельствует.

И вот недавно, спустя полвека после тех событий, тайна деталей того, как Лысенко последовательно, хоть и незатейливо, водил Сталина за нос, частично приоткрылась.

По просьбе сына академика Н. И. Вавилова — Ю. Н. Вавилова* в архиве президента Российской Федерации был учинен розыск бумаг, имеющих отношение к истории советской генетики. При этом были обнаружены три документа исключительной важности. Все три недавно полностью опубликованы Ю. Н. Вавиловым[71], поэтому я ограничусь лишь выдержками из этих документов.

Итак, осенью 1947 года Отдел науки ЦК ВКП(б) начал активно интересоваться мнениями генетиков и селекционеров о работе Лысенко, и тогда 27 октября 1947 года Лысенко направил объемистое послание Сталину почти на 20 машинописных страницах. В нем он прежде всего укрепил надежду вождя, что вскоре ветвистая пшеница позволит во много раз увеличить сборы зерна в стране и решить все ухудшавшуюся проблему с хлебом для людей, кормом для животных и сырьем для промышленности:

> «На экспериментальной базе Академии в Горках Ленинских тов. Авакян А. А... из 200 граммов высеянных семян получил урожай зерна 327 килограммов, т.е. в 1635 раз больше, чем было высеяно...
>
> ...нами намечено поставить опыт, с целью получения в 1948 году... под Москвой, среднего урожая в 100 центнеров с гектара. (Напомним, в те годы средний урожай по стране составлял около 8 центнеров с гектара — *В. С.*) Если это дело подтвердится (в чем я уверен не без оснований), то в 1949 году... можно будет такой же урожай получить с 100 гектаров... в 1950 году... засеять 15 тысяч гектаров... в 1951, засевая только 50 тысяч гектаров, можно будет иметь 500 тысяч тонн пшеницы для Москвы, выращенной на относительно небольшой площади в подмосковных колхозах.
>
> ...эта фантазия буквально меня захватила, и я прошу Вас разрешить нам проведение этой работы в 1948 году, а потом, в случае удачи этого опыта, помочь нам в деле дальнейшего развертывания этой работы»[72].

Лукавый царедворец Лысенко знал, что делал. Зачем, спрашивается, ему, президенту ВАСХНИЛ и директору «Горок Ленинских», у первого Секретаря ЦК ВКП(б) просить Сталина решить, проводить или не проводить ему в его хозяйстве опытный посев пшеницы на десяти или ста гектарах? Но какой же вождь

* Юрий Николаевич Вавилов — доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Физического института имени Лебедева Российской АН.

запретит взращивать курочку, которая того гляди начнет нестись золотыми яичками! Несись, курочка! Озолачивай! А, скорее всего, был и иной подтекст у этой просьбы. Ведь Лысенко вечно, по его мнению, мешали всякие там вейсманисты-морганисты. Разрешите проводить опыты - не означает ли это: разрешите проводить в такой атмосфере, чтобы кто-то опыт не загубил? Какие-нибудь менделисты-вейсманисты!

А чтобы будущий грандиозный проект не обернулся другой бедой чересчур большим успехом опытника-мичуринца, успехом, который может вызвать ревность единственного в стране «светоча» и «корифея», Лысенко в своем лукавстве шел дальше и давал понять, что на лавры в этом деле не претендует, скромен до предела и зарываться в самовосхвалениях не будет. Вот каким замечательным пассажем заканчивал он свое 20-страничное послание человеку, не закончившему даже Тифлисскую семинарию и никогда в жизни никакого касательства к агрономии или селекции не имевшему:

> «Дорогой Иосиф Виссарионович! Спасибо Вам за науку и заботу, преподанную мне во время Вашего разговора со мной в конце прошлого года по ветвистой пшенице.
>
> Этот разговор я все больше и больше осознаю.
>
> Вы мне буквально открыли глаза на многие явления в селекционно-семеноводческой работе с зерновыми хлебами.
>
> Детально изучая ветвистую пшеницу, я понял многое новое, хорошее. Буду бороться, чтобы наверстать упущенное и этим быть хоть немного полезным в большом деле — в движении нашей прекрасной Родины к изобилию продуктов питания, в движении к коммунизму.
>
> *Академик Т. Д. Лысенко*
> *27/X-1947»*[73]

В том же письме и столь же пространно Лысенко описывал еще одну идею — использование растений кок-сагыза и тау-сагыза (с которыми, кстати, много лет работали генетики-селекционеры и которые предлагал внедрять еще в 30-х годах Н. И. Вавилов) для получения так нужной стране резины. Затрагивал он и тему, вокруг которой уже развернул широкую пропагандистскую кампанию в печати и которая была такой же квазипанацеей, как и ветвистая пшеница. Он предлагал перейти в Сибири и Казахстане повсеместно к посевам по стерне озимой пшеницы и настаивал, что этот агроприем принесет огромные урожаи.

(Принес он огромные убытки, что позже вынуждена была признать и партийная печать[77]).

В заключительной части письма Лысенко писал то, чем и должно было заканчиваться обращение к главному палачу страны: призывом ввести идеологические запреты на генетику, якобы мешавшую Лысенко шаманствовать, и административными мерами (читай: запретом генетических исследований в научных учреждениях, выгоном с работы специалистов-генетиков и запретом на преподавание генетики в учебных институтах) остановить критику со стороны ученых из лагеря генетиков:

> «К сожалению, менделевско-моргановские воззрения, являющиеся, как я глубоко убежден, ложными и вредными, до сих пор преподаются почти во всех наших биологических и сельскохозяйственных вузах. Это является источником широкого распространения среди наших профессоров, биологов и ученых метафизического по своему существу учения о наследственности живых тел...
>
> Смею утверждать, что менделизм-морганизм, вейсманистский неодарвинизм, это буржуазное метафизическое учение о живых телах, о живой природе разрабатывается в западных капиталистических странах не для целей сельского хозяйства, а для реакционных целей евгеники, расизма и т. п. Никакой связи между сельскохозяйственной практикой и теорией буржуазной генетики там нет.
>
> Подлинная наука о живой природе, творческий дарвинизм – мичуринское учение строится только у нас, в Советском Союзе. Пусть эта наука из-за своей относительной молодости еще слаба, но она верна в своей основе. Она детище социалистического, колхозного строя. Поэтому она по своей теоретической глубине и практической действенности так сильна в сравнении с буржуазным лжеучением, что метафизикам менделистам-морганистам, как зарубежным, так и в нашей стране, остается только клеветать на нее, с целью торможения развития этого хорошего действенного учения.
>
> Дорогой Иосиф Висссарионович! Если мичуринские теоретические установки, которых мы придерживаемся и на основе колхозно-совхозной практики развиваем, в своей основе правильны, то назрела уже необходимость нашим руководящим органам образования и сельского

хозяйства сказать свое веское слово, внести резкий перелом в дело воспитания наших биологов, агрономов и животноводов...

Прошу Вас, товарищ Сталин, помочь этому хорошему, нужному для нашего сельского хозяйства делу»[75].

Другое положение, рассматривавшееся в заключительной части докладной записки Сталину, касалось вопроса, ставшего центральным для Лепешинской. На протяжении почти 15 лет Лысенко утверждал, что растения, животные и человек способны меняться адекватно тому, как меняется среда их существования. Проблема наследования приобретенных признаков, казалось бы, навсегда уже отброшенная наукой, снова возрождалась им и выдавалась за последнее слово марксистской диалектики. И снова он знал, что делает, ведь именно эти мысли были присущи Сталину, который высказал их в брошюре «Анархизм или социализм?» (см. ссылку[44]):

Дорогой Товарищ Сталин!...

Я являюсь поборником положения, что первопричиной новообразования пород растений и животных, а также закрепления свойств этих пород, является их измененный образ жизни в новых условиях внешней среды... в природе, даже без вмешательства человека, новые условия жизни раньше или позже, но обязательно ломают старый тип развития растительных и животных форм и создают новое построение этих форм, соответственно воздействию новых условий жизни»[76].

К этому утверждению теперь добавлялось нечто новое, по всей видимости заимствованное у Лепешинской: возможность перехода, как он писал, «элементов мертвой внешней среды... из мертвого состояния... в живое». Продолжим цитирование этого раздела:

«Растительные и животные формы только в единстве с необходимыми для них условиями внешней среды являются живыми формами. При нарушении этого единства они, или отдельные участки их тела, перестают быть живыми, становятся мертвыми. Наоборот, те элементы мертвой внешней среды, которые включаются в живое тело, ассимилируются живым телом, из мертвого состояния переходят в живое...»[77].

Самым срочным образом, уже на третий день после получения Сталиным докладной записки, вождь отвечает адресату теплым посланием, обращаясь к нему очень уважительно — по имени и отчеству, что, как справедливо замечает Ю. Н. Вавилов, Сталин почти никогда не делал (все в партии товарищи, так какие еще там имена и отчества!). Из одной фразы в письме можно понять, что находился он в это время даже не в Москве и потому произошла задержка на три дня, а то ответил бы даже скорее:

«АКАДЕМИКУ Т. Д. ЛЫСЕНКО

Уважаемый Трофим Денисович!

Вашу записку от 27. X. 1947 г. получил. Большое Вам спасибо за записку.

Очень хорошо, что Вы обратили наконец должное внимание на проблему ветвистой пшеницы. Несомненно, что если мы ставим себе задачу серьезного подъема урожайности пшеницы, то ветвистая пшеница представляет большой интерес, ибо она содержит в себе наибольшие возможности в этом направлении.

Плохо, что Вы производите опыты с этой ветвистой пшеницей не там, где это «удобно» для пшеницы, а там, где это удобно Вам как экспериментатору. Пшеница эта — южная, она требует удовлетворительного минимума солнечных лучей и обеспеченности влагой. Без соблюдения этих условий трудно раскрыть все потенции этой пшеницы. Я бы на Вашем месте производил опыты с ветвистой пшеницей не в Одесском районе (засушливый район) и не под Москвой (мало солнца!), а, скажем, в Киевской области или в районах Западной Украины, где и солнца достаточно, и влага обеспечена. Тем не менее я приветствую Ваш опыт в подмосковных районах. Можете рассчитывать, что правительство поддержит Ваше начинание.

Приветствую также Вашу инициативу в вопросе гибридизации сортов пшеницы. Это — безусловно многообещающая идея. Бесспорно, что нынешние сорта пшеницы не дают больших перспектив, и гибридизация может помочь делу.

О каучуконосах и посевах пшеницы по стерне поговорим в ближайшее время в Москве.

Что касается теоретических установок в биологии, то я считаю, что мичуринская установка является единственно научной установкой. Вейсманисты и их последователи, отрицающие наследственность приобретен-

ных свойств, не заслуживают того, чтобы долго распространяться о них. Будущее принадлежит Мичурину.

С уважением
И. Сталин
31.X.47»[78]

Из этого послания видно, как Сталина волновала проблема спасения страны от голода (не забудем эти страшные засушливые годы — 1946 и 1947). Удивительно также, каким мудрым психологом был Лысенко, как он понимал душевные императивы Сталина, когда просил дать ему советы в специальных вопросах агрономии и селекции. Ведь решительно ничего в этих вопросах не смысливший Сталин клюнул на удочку Лысенко, заглотил нехитрую наживку и принялся теперь учить «главного селекционера», где, что и как он должен сеять.

Но катастрофу, не просто надвигавшуюся на сельское хозяйство СССР, а уже охватившую страну, понимали, видимо, многие руководители рангом пониже Сталина. А. Н. Вознесенский — молодой член Политбюро и, как считали многие партийцы, экономически грамотный человек, владевший информацией, А. А. Жданов, А. А. Андреев, возможно, даже В. М. Молотов все чаще задумывались над промахами Лысенко и его роли в развале сельского хозяйства СССР. Их настроения, видимо, доходили и до Сталина. Возможно, этим объясняется, что, ответив срочно автору докладной записки, Сталин все-таки быстрого хода ей не дал. Только спустя месяц он направил своим сотоварищам по Политбюро записку (адресованную также министрам сельского хозяйства и совхозов, а также академику Н. В. Цицину) по этому поводу (впрочем, возможно, он еще не вернулся к этому времени в Москву, и затяжка была чисто технической).

«№1144 25 ноября 1947 года

Членам и кандидатам в члены политбюро ЦК ВКП(б):

тт. Андрееву, Берия, Вознесенскому, Ворошилову, Жданову, Кагановичу, Маленкову, Микояну, Молотову, Сталину, Хрущеву, Булганину, Косыгину, Швернику.

Секретарям ЦК ВКП(б) тт. Кузнецову, Попову, Суслову, тт. Бенедиктову, Скворцову, Цицину.

Ввиду принципиальной важности и актуальности затронутых в ней вопросов рассылается членам и кандидатам в члены Политбюро настоящая записка академика Лысенко от 27. X. 47 г. для ознакомления. В

свое время поставленные в записке вопросы будут обсуждаться в Политбюро.

И. Сталин»[79].

Хотя дежурную фразу о «принципиальной важности и актуальности» лысенковских вопросов Сталин вставил, но даже намека на строгие и однозначные выводы, содержавшиеся в его письме самому Лысенко (мичуринская биология — «единственно научная установка», генетики, «отрицающие наследование приобретенных свойств», — не заслуживают даже внимания, а «будущее принадлежит Мичурину»), отсутствовали. Более того, обсуждение этих вопросов отодвигалось на неопределенное время.

Видимо, такая осторожная постановка вопроса, так волновавшего и Сталина и Политбюро, объяснялась тем, что в окружении Сталина нашлись люди, которые его первый, вполне оптимистический отклик на обещания Лысенко пригасили.

Кое-какие отголоски именно такого отношения я слышал от нескольких людей. Ходила из уст в уста фраза, якобы оброненная Сталиным после чтения жалобы на Лысенко, направленной в ЦК ВКП(б) одной заслуженной специалисткой по селекции пшениц: «Надо научить товарища Лысенко полюбить критику». Поговаривали о том, что и в ведомстве Берии дела на нескольких крупных селекционеров и врагов Лысенко заглохли на стадии первых вызовов в НКВД. Ранее такие вызовы вели к одному — быстрому аресту и жестокой расправе.

Были и явные, совершавшиеся на публике дела, не запрещенные партийными органами. Так, в Москве, в МГУ, 3—4 февраля 1948 года прошла представительная (более тысячи участников) антилысенковская конференция, на которой идеи наследования благоприобретенных признаков были публично и вполне доказательно отвергнуты биологами, чьи имена ценили ученые в СССР и за рубежом: И. И. Шмальгаузеном, Д. Н. Сабининым, А. Н. Формозовым, М. М. Завадовским и другими. Из президиума конференции председательствующие несколько раз обращались к сторонникам Лысенко с приглашениями выступить с изложением их позиции, но лысенкоисты, хотя и посещали исправно конференцию, решили отмолчаться. Биологи в то время решили, что они победили, что у противной стороны просто нет аргументов в свою защиту, хотя нельзя исключить и более прозаического объяснения — лысенкоисты знали, что на самом верху у них есть усатый и рябой защитник с неограниченной властью, и потому полагали, что хорошо смеется тот, кто смеется последним.

Правда, сам факт проведения такой конференции в стране, где все находилось под тотальным контролем и было предопре-

делено, говорил о многом. Возможно, проведение такой конференции, на которой краеугольная идея Лысенко (а сейчас мы знаем — разделявшаяся и Сталиным) была публично раскритикована, стало возможным благодаря одобрению Юрием Андреевичем Ждановым — новым заведующим Отделом науки ЦК ВКП(б) и сыном влиятельнейшего члена Политбюро партии большевиков А. А. Жданова. Младший Жданов был дипломированным химиком, быстро защитившим после окончания Московского университета кандидатскую диссертацию. Он заступил в должность заведующего отделом ЦК в декабре 1947 года и сразу довольно открыто принял сторону генетиков. Вскоре он женился на дочери Сталина — Светлане.

А 10 апреля 1948 года Юрий Андреевич выступил в Политехническом музее в Москве, в одной из самых больших в стране аудиторий, на семинаре лекторов и пропагандистов обкомов и крайкомов партии с важным докладом. В нем он обвинил Лысенко в обмане народа, в зажиме научных оппонентов и провале многих его практических предложений. Такое выступление для любого функционера означало только одно: дни его сочтены.

Через неделю после лекции, 17 апреля, Лысенко направил Сталину и Жданову-старшему письмо, в котором униженно жаловался на то, что Жданов-младший его неверно понял, что враги, сами для практики палец о палец не ударившие, не дают ему работать и лишь вставляют палки в колеса, стоит ему что-либо ценное начать внедрять в практику, а теперь еще вот и оболгали его в глазах начальника Отдела науки ЦК. Звучал в письме и такой мотив: я, дескать, пугливый, беззащитный ягненок, никого никогда не задевавший, а меня Юрий Андреевич эдаким волком-живодером представляет, который и критику не признает и оппонентов силой подавляет:

> «Меня неоднократно обвиняли в том, что я, в интересах разделяемого мною мичуринского направления в науке, административно зажимаю другое, противоположное направление. На самом же деле это, по не зависящим от меня причинам, к сожалению (обратите внимание, читатель, на это сожаление. — *В.С.*), далеко не так.... Зажимать противоположное направление я не мог, во-первых, потому что административными мерами эти вопросы в науке не решаются, и, во-вторых, защита неодарвинизма настолько большая, что я и не мог этого делать»[80].

Центральное место в письме занимал, однако, вопрос, который дальновидный Лысенко хорошо обдумал и который только

и мог вызвать у Сталина ответные чувства. Он писал, что все провалы в его работе были обусловлены тем, что генетики — реакционеры и бесплодные фантазеры - мешают развивать единственно верное учение - мичуринскую (то есть его собственную лысенковскую) биологию. Если бы ему дали право расправиться с этими врагами прогресса, то он быстро бы привел сельское хозяйство страны к процветанию. Если же ничто не изменится, то его работа не даст тех больших результатов, которые могли бы получиться, обязательно бы получились. В конце письма он еще раз повторял эту мысль:

> «Я могу способствовать развитию самых разнообразных разделов сельскохозяйственной науки, но лишь мичуринского направления, направления, которое признает изменение живой природы от условий жизни, признает наследование приобретенных признаков...
>
> Я был бы рад, если бы Вы нашли возможным предоставить мне возможность работать только на этом поприще»[81].

Но ответа на письмо сразу не последовало. Тогда Лысенко отправляет еще одно письмо — министру сельского хозяйства СССР И. А. Бенедиктову. В гораздо более жестких выражениях он повторяет в нем, что Жданов-младший неверно осветил его деятельность, прикладывает даже страничку из своей работы, которая будто бы опровергает одно из утверждений, сделанных Ю. А. Ждановым в его лекции, затем повторяет, что способен работать плодотворно в качестве руководителя всей сельскохозяйственной науки страны только при условии, если генетикам перестанут оказывать даже минимальную помощь, и завершает письмо требованием освободить его от обязанностей президента ВАСХНИЛ, чтобы

> «дать возможность проводить научную работу... и этим... принести значительно больше пользы как нашей сельскохозяйственной практике, так и развитию биологической науки мичуринского направления в различных ее разделах, в том числе и для воспитания научных работников»[35].

Бенедиктов доложил об этой просьбе Сталину. Прошел еще месяц, один из самых тревожных в жизни Лысенко. Он понимал, что если Сталин от него отвернется — это будет не только концом его карьеры, но может стать и чем-то более страшным. Но пока все оставалось на своих местах, и за этот

месяц его не сняли с поста президента, хотя и ничем пока не обнадежили.

В эти самые дни в «Медицинском работнике» и было опубликовано «Письмо 13-ти» с критикой Лепешинской.

До той поры, пока не будут обнародованы архивы ЦК партии, пока мы не узнаем доподлинно, что творилось в этом месяце в высших коридорах власти, мы не сможем восстановить полную картину тех дней. Вряд ли Сталин делился своими мыслями с кем-то из приближенных, так что и с их стороны трудно ждать каких-то воспоминаний и разоблачений. Вряд ли рябой диктатор чисто по-человечески пожалел Лысенко, раньше таких «грехов» сентиментальности за ним не водилось. Скорее всего, на примете не было никого, кто бы лучше Лысенко умел раздавать обещания. Наверное, не последнюю роль сыграло и то, что уже полтора десятилетия Лысенко ходил в сталинских любимчиках и ни в чем предосудительном замечен не был.

Так или иначе, но неожиданно Лысенко вызвали к Сталину, и Трофим Денисович сумел и на этот раз подобрать ключик к вождю. Сталин не забыл лихого обещания колхозного академика: удесятерить производство пшеницы в стране, заменив ветвистой пшеницей традиционные виды этой культуры. Сталин был податлив на чары Лысенко и принял за чистую монету его заверения, что уж на этот раз «мичуринская» (читай: лысенковская) наука не подведет.

Во время разговора с вождем Лысенко каким-то внутренним чутьем унюхал, что отношение к нему лично Сталина не такое плохое, и пошел ва-банк. Все проблемы, по его словам, могли быть разрешены при одном условии: чтобы ему не мешали больше критиканы, всякие там теоретики и умники, не о благе отечества пекущиеся, а оглядывающиеся на Запад, молящиеся на иностранных богов. Спустя много лет мне удалось услышать от И. Е. Глущенко, что главными темами в том разговоре с вождем Лысенко избрал две: критику родоначальников генетики Вейсмана, Менделя и Моргана, которых он чохом обозвал немцами (что вскоре после окончания войны с фашистской Германией звучало очень зловеще) и врагами прогрессивной науки, а также обещание срочно вывести новую невиданную пшеницу из семян, незадолго до того врученных ему самим Сталиным.

Тезис о зловредной сути генетиков Сталину якобы очень пришелся по духу. Лысенко будто бы особенно напирал на то, что главным родоначальником генетики был даже не ученый, а немецкий (на деле австрийско-чешский) монах Иоганн Грегор Мендель. Он-де всю жизнь прослужил священником и даже умер будучи настоятелем монастыря. Сталину, натерпевшемуся в годы учебы от строгих учителей-священников, в конце концов

удаливших его из стен семинарии, такое объяснение очень будто бы понравилось. Он полностью воспринял предложение Лысенко относительно того, что неплохо будет исследования по генетике как идеалистической, буржуазной и крайне вредной для дела социализма науки прикрыть[83]. Так ли было на самом деле, с уверенностью сказать сегодня нельзя, но факт остается фактом, что согласие на организацию погрома в биологии Лысенко от Сталина получил.

28 июля 1948 года в «Правде» появилось сообщение, что Сталин без всяких лишних церемоний (выдвижения кандидатур, их обсуждения, положенного голосования) издал постановление о назначении новыми академиками Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина сразу 35 человек, большинство из которых были подручными Лысенко[84]. Благодаря этому шагу Лысенко, не пользовавшемуся достаточным уважением в среде академиков ВАСХНИЛ, удалось сразу заручиться большинством в этой академии и уже не обращать внимания на критиков из числа академиков.

А еще через два дня была срочно созвана сессия ВАСХНИЛ, вошедшая в историю под названием «Августовской». На ней генетику и родственные ей науки официально объявили реакционными, метафизическими и вредительскими. Тут же тысячи специалистов по всей стране были уволены с работы, Лысенко провозгласили спасителем родины от коварных врагов, все учебники и книги по генетике, цитологии, эмбриологии и ряду других направлений были изъяты. Над всей биологией в СССР нависла зловещая тень развала из-за политического вмешательства властей.

VIII

ЛЕПЕШИНСКАЯ НЕ УПУСКАЕТ СВОЕГО ШАНСА

Сколько умолкло, сколько поникло головами! Сколько, напротив того, выползло на свет Божий таких, которые и не надеялись когда-либо покинуть те темные норы, в которых они бессильно замышляли.

Литературное положение
М. Е. Салтыков-Щедрин

На сессии ВАСХНИЛ Лепешинская, отправленная после письма 13-ти ученых без почета на пенсию, не выступала. Но через месяц в Академии медицинских наук СССР в течение двух дней (9 и 10 сентября) проходило расширенное заседание Президиума этой академии, названное «Проблемы медицины в свете решений сессии ВАСХНИЛ». Ольга Борисовна быстро сориентировалась, явилась на это заседание, попросила слова, и в первый же день сессии вела себя как победитель. Она в самом начале сессии выступила с речью, в которой

> «...подчеркнула необходимость решительной борьбы со всеми и всякими идеалистическими извращениями, их конкретными носителями и проводниками. Она утверждает, что ей и ряду других научных работников не только не создавали условий для творческих изысканий. но и мешали и третировали. Она обвинила в неправильном к ней отношении и идеалистических шатаниях в теоретических вопросах академика Абрикосова, профессоров Хлопина, Насонова, Токина и др.»[85],

то есть назвала в основном тех ученых. кто подписал «Письмо 13-ти».

И хотя на следующий день академик Н. Г. Хлопин, обращаясь к Лепешинской и аудитории в целом, сказал:

> «...нельзя приклеивать обидные ярлыки всем тем, кто не согласен с вами, кто дискуссирует по поводу выдвинутых вами неверных теоретических положений. Я не согласился и не соглашусь с вашим мнением о том, что при существующих ныне условиях клетки могут возникать из какого-либо бесструктурного вещества»[86],

и хотя выступивший за ним член-корреспондент АН СССР Д. Н. Насонов, сохраняя завидное уважение к чести ученого,

> «...отметил, что проф. Лепешинская, щедро наделяя людей всевозможными эпитетами, не обосновывает серьезно свои обвинения»[87],

час лепешинских пробил.

Президиум АМН СССР принял постановление, опубликованное в газете «Медицинский работник», в котором содержался такой пункт:

> «Освободить проф. А. Г. Гурвича от обязанностей директора Института экспериментальной биологии и проф. Л. Я. Бляхера от заведования лабораторией того же института... Пересмотреть структуру и направления научной деятельности Института экспериментальной биологии с позиций мичуринского учения...»[61].

Были сняты с постов и другие выдающиеся ученые: профессор (в будущем академик АМН СССР) Георгий Францевич Гаузе, академик Лина Соломоновна Штерн (позже арестованная вместе с другими членами Еврейского Антифашистского Комитета, дожившая до смерти Сталина и выпущенная на волю), академик АМН СССР Сергей Николаевич Давиденков, также позже арестованный и сгинувший в заключении, и многие другие.

Наконец-то Лепешинская и ей подобные «ученые» расправились с теми, кто составлял гордость отечественной науки.

В то время Ольга Борисовна стала особенно активно использовать в полемике ударный аргумент: ссылаться на одобрение ее труда Сталиным.

Лепешинская выбрала подходящий момент для ссылок на не подлежащий сомнению авторитет Сталина. «Великий кормчий» во все большей степени «углублялся» в вопросы науки, судил с апломбом и о развитии общественных отношений, и о языкознании, и об экономике, и даже о «революции рабов» в Древнем Риме. В 1946—1947 годах по указанию Сталина были проведены погромы (их называли «дискуссиями») в философии (см. доклад А. А. Жданова по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии» 24 июня 1947 года[89]), литературе (доклад Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград»[90]), музыке (доклад того же Жданова в 1948 году[91]). В результате подверглись осуждению выдающиеся писатели А. А. Ахматова и М. М. Зощенко, крупнейший композитор современности Д. Д. Шостакович, дру-

гие деятели культуры и науки. Печально знаменитая «ждановщина» — давление на многообразные формы литературной, общественной и научной жизни — была тем фоном, на котором разворачивались лысенкоизм и лепешинковщина*. Ссылки на благосклонное внимание САМОГО СТАЛИНА оказывались в этих условиях эффективнее отрицательных отзывов специалистов. Сталина перестали называть «великим ученым» и «отцом всех наук», а именовали уже «корифеем наук». В соответствии с этими изменениями пирамида, на вершине которой горделиво красовалась фигура усача в шинели, нуждалась в расширении основания, почему, в частности, и было выказано правительственное благоволение таким «трудам», как труды Лысенко, Лепешинской и подобных им в других науках. Следствием такой поддержки были «триумфальная» августовская сессия ВАСХНИЛ, одобренная лично товарищем Сталиным, и возвышение до уровня выдающихся ученых людей типа Трофима Лысенко и Ольги Лепешинской.

* 24 февраля 1986 года к 90-летию со дня рождения А. А. Жданова в газете «Правда» появилась статья В. Глаголева «Из поколения большевиков», в которой говорилось:

«Велики заслуги А. А. Жданова в годы послевоенного социалистического строительства. Видный теоретик, пропагандист идей научного коммунизма, он много сделал для улучшения идеологической работы партии...

...Он был страстным публицистом. Его выступления отличали принципиальность, не допускающая никаких отклонений от генеральной линии партии, никаких компромиссов с враждебной советскому народу идеологией, жгучая ненависть к классовому противнику»[92].

IX

НОВЫЕ «ЗАКОНЫ» ЛЫСЕНКО

> Везде мы встречаемся с несомненными сивыми меринами, которые пропагандируют несомненно полоумные фантазии и бреды и, не обинуясь, присваивают им наименование политических и административных реформ.
>
> *Пестрые письма*
> *М. Е. Салтыков Щедрин*

Не следует думать, что только одна Лепешинская, используя сложившуюся в СССР политическую систему, пыталась взойти на «научный Олимп» ценой махинаций и обмана. Таких, как она, было много, а поскольку каждый из этих псевдоученых тщился выдать себя за реформатора науки, то в разных областях знаний то и дело появлялись диковинные «открытия», которым мог бы позавидовать барон Мюнхаузен.

Не мог остановиться и Лысенко, который на смену одного провалившегося мифа выдвигал другой. Он не переставал будоражить биологический мир подобными «открытиями». Например, на сессии ВАСХНИЛ в 1948 году он объявил об открытии нового закона, идущего на смену учению Дарвина[93], «закона биологического вида», согласно которому один вид может запросто превращаться в другой вид, минуя всякие промежуточные стадии. Спекулируя на философском определении перехода количества в качество, Лысенко уверенно декларировал, что в природе якобы постоянно наблюдается не постепенное эволюционное развитие, а революционные скачки, при которых один вид превращается в другой. Дарвиновскую теорию происхождения видов он именовал теперь «плоской эволюцией», заявляя:

> «В результате развития нашей советской, мичуринского направления, агробиологической науки по-иному встает ряд вопросов дарвинизма. Дарвинизм не только очищается от ошибок, не только поднимается на более высокую ступень, но и в значительной степени, в ряде своих положений, видоизменяется»[94].

Кто после таких громких деклараций мог недооценить Трофима Денисовича, если он исправил ошибки, допущенные самим Дарвиным, поднялся выше Дарвина.

Вместе с тем никаких данных экспериментального изучения фантастического перехода одного вида в другой в докладе не приводилось. Лысенко просто заверил слушателей, что

> «...путем перевоспитания... после двух-трех-четырехлетнего осеннего посева (необходимого для превращения ярового в озимое)... твердая 28-хромосомная пшеница превращается в различные разновидности мягкой 42-хромосомной пшеницы, причем переходных форм между видами... мы при этом не находим. Превращение одного вида в другой происходит скачкообразно»[95].

Разговоры о превращении озимой пшеницы в яровую он вел еще в 1936 году, поучая великого биолога Николая Ивановича Вавилова, что-де он, Вавилов, проморгал выдающееся открытие, не заинтересовавшись таким переходом. Но теперь старая идея обрела совсем уж диковинные очертания. «Превращения» видов друг в друга, как оказалось, запросто происходят в Армении, где вроде бы имеются особые условия, способствующие таким переходам. Наслушавшись речей Лысенко, некто М. Г Туманян еще в 1941 году сообщил в лысенковском журнале «Яровизация»[96] о превращении твердой пшеницы в мягкую. По его описаниям, завозимая из Грузии твердая пшеница Татух превращалась за несколько лет культивирования в Армении в мягкую пшеницу Гюльгяни.

Семь лет это «выдающееся открытие» оставалось без должного к нему внимания, как вдруг, словно по команде, во многих контролируемых лысенкоистами журналах были опубликованы статьи об аналогичных чудесах. Первым «подтвердил» Туманяна В. К. Карапетян[97]. Именно на него ссылался Лысенко в своем докладе на Августовской сессии ВАСХНИЛ, когда говорил о превращении одного вида пшеницы в другой вид.

В. К. Карапетян пришел к такому заключению, работая под непосредственным началом Лысенко в Горках Ленинских под Москвой с 1944 по 1947 год. Научное описание его экспериментов так никогда и не было опубликовано (из статей Карапетяна, в том числе и из той статьи, которая была опубликована в «Агробиологии» и которую и Карапетян и Лысенко постоянно упоминали как главную научную работу, ничего понять было нельзя). Получалось, что лысенкоисты просто констатировали факт превращения, при этом даже отсутствовало ботаническое описание свойств растений нового вида.

Однако именно эти умозаключения, как сам Лысенко признался в 1950 году[98], были положены в основу тезиса о доказан-

ности перехода «скачком» одного вида в другой в его докладе на Августовской сессии.

Зачем же Лысенко понадобилось говорить о «превращении видов друг в друга»?

Его новая идея имела первопричиной, конечно, отнюдь не задачу творческого развития дарвинизма, а сугубо практическую цель. Хотя сам Лысенко этого не афишировал, некоторые из его особо рьяных адептов нажимали на то, что новая «теория» поможет объяснить причину массового распространения сорняков в посевах культурных растений.

Почему вдруг проблема сорняков приобрела такое важное значение для лысенкоистов? Дело в том, что одним из последствий их многолетнего засилья в сельском хозяйстве стала анархия в семеноводстве. Научные принципы репродукции чистосортного материала были отвергнуты. Вместо этого получили распространение приемы, приводившие к засорению. Ничего иного и не могло следовать из попыток Лысенко и Долгушина* увеличить продуктивность сортов путем принудительного переопыления (того, что И. И. Презент назвал «браком по любви»). Лысенко часто ссылался на опыты А. А. Авакяна, проведенные еще в 1937 году, как на научные доказательства перспективности этих методов[99]. Но уже в 1938 году ошибочность этого заключения была отмечена известным селекционером академиком В. Я. Юрьевым[100]. Несмотря на это (так же как на возражения многих других ученых — П. Н. Константинова, А. П. Шехурдина и др.), переопыление приказным путем внедрили в практику, открыв дорогу порче сортов, а отмена скрупулезного контроля за качеством семенного материала привела к распространению сорняков в колоссальных масштабах.

Нужно было искать благопристойный выход из положения, и Лысенко решил свалить все на природу. Если сорняки возникают сами собой, без вмешательства извне, то нечего бояться обвинений в порче семенного материала. Раз пшеница сама порождает рожь, а рожь — овес, а овес, в свою очередь, – овсюг и т. д., то что же обвинять кого бы то ни было в нарушении законов семеноводства и сортоиспытания.

Лысенко, естественно, постарался теоретически обосновать превращение вида в вид, порождение сорняков культурными растениями (а заодно противопоставить вавиловскому учению о

* Донат Александрович Долгушин (1903—1995) начал работать с Т. Д. Лысенко в 1927 году, принимал главное участие в рекламе переопыления. Он же на протяжении всей поры лысенковского владычества в биологии занимал самую реакционную позицию в отношении большинства научных вопросов, публиковал статьи и книги в поддержку всех лысенковских предложений. В 1948 году Сталин ввел его без выборов в состав действительных членов — академиков ВАСХНИЛ.

центрах происхождения культурных растений идею порождения одними культурными растениями других культурных растений). Обоснование было следующим:

«Теория Дарвина исходит из признания только количественных изменений, только из увеличения или уменьшения и упускает из виду обязательность и закономерность превращений, переходов из одного качественного состояния в другое. А между тем без превращения одного качественного состояния органических форм в другое их качественное состояние нет и развития, нет превращения одних видов в другие, а есть только увеличение или уменьшение количества, есть только то, что обычно называют ростом»[101].

Эта цитата взята из статьи Лысенко, опубликованной в 1949 году. В том же году он выпускает — к семидесятилетию Сталина — статью «И. В. Сталин и мичуринская биология», в которой прямо говорит о том, что идея о порождении одних видов другими вытекает из мировоззрения партийного[102]. Он упрямо настаивает на том, что Дарвин ошибся в своих рассуждениях о факторах, способствовавших эволюции. Он повторяет снова, что, отталкиваясь от сталинских взглядов на природу скачкообразных изменений, он внес в биологию новое понимание законов эволюции, а именно, доказал возможность скачкообразного порождения одних видов другими.

Рассуждая таким образом*, Лысенко противоречил самому себе. Всего несколько лет назад, в 1941 году, он писал:

«Эволюционная теория Дарвина прекрасно объясняет, как создаются новые органические формы путем естественного отбора в природе, искусственного — в сельскохозяйственной практике»[103].

Даже не вспоминая о своем недавнем признании учения Дарвина, Лысенко теперь утверждал, что дарвинизм — это лишь «плоская эволюция», что дарвинисты не учитывают качествен-

* Если бы это было так, то натуралисты, биологи, агрономы, селекционеры не могли бы не описать это явление за сотни лет многообразного изучения растений и в природе и в культурных посевах. Однако ничего подобного никто не замечал. Случаи заноса сорняков в посевы имели место, но засорение - вещь известная, и при надлежащей культуре земледелия его всегда удавалось свести к минимуму. *Массовое же засорение посевов в годы лысенковского засилья* объяснялось вовсе не природным свойством «самозасоряться», а другими, более прозаическими причинами — разрушением основ семеноводства и пренебрежением законами генетики.

ных изменений, что без признания «зарождения нового в недрах старого, без дальнейшего развития нового качества как иной совокупности свойств» обойтись нельзя[104]. Ссылаясь на свое фактически голословное утверждение о порождении видов как на решающее доказательство, Лысенко писал:

> «Учение о диалектике, о развитии дало советским биологам возможность вскрыть пути превращения растительных видов в другие. В 1948 г. в докладе «О положении в биологической науке» на сессии Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина мною уже кратко указывалось, что 28-хромосомная пшеница (Тритикум дурум) при подзимнем посеве через два-три поколения превращается в другой вид — 42-хромосомную пшеницу (Тритикум вульгаре)... Этим самым были сняты всякие сомнения в происхождении растений мягкой пшеницы, полученных из семян твердой пшеницы. Отпали подозрения, допускавшие возможность в данных опытах случайных, незамеченных механических примесей мягкой пшеницы»[105].

Так «краткие» упоминания, сделанные в устном докладе, в другой речи трансформировались уже в «прочные доказательства», отвергающие всякие сомнения (читай — всякую научно обоснованную критику).

После этих выступлений на поиск новых диковинных перерождений бросился их «первооткрыватель» — М. Г. Туманян, временно уступивший пальму первенства Карапетяну. В 1949 году он напечатал статью, в коей сообщил, что нашел в посевах пшеницы примесь растений ржи, а в посевах ржи — растения овсюга![106]. Неунывающий В. К. Карапетян вместе с М. М. Якубинцером и В. Н. Громачевским сообщили в том же году, что они без труда нашли в естественных условиях — в предгорьях Кавказа — зерна ржи в колосьях пшеницы: дескать, теперь уже все становится понятным — зерна нового вида зарождаются прямо в колосьях вида старого[107]. Н. Д Мухин перещеголял своих армянских коллег. Ему «посчастливилось» дополнить их пшеничные превращения еще одним открытием: из мягкой пшеницы им была получена пшеница ветвистая[108].

Затем аналогичные «открытия» посыпались одно за другим. В. К. Карапетян «доказал» порождение пшеницы однозернянки (полбы) твердой пшеницей, А. А. Авакян — порождение пшеницы Тритикум полоникум ветвистой пшеницей Тритикум тургидум, Л. В. Михайлова — капустой — брюквы и рапса. Ячмень

в руках лысенкоистов оборачивался пшеницей, рожь — ячменем, горох превращался в вику, а вика — в чечевицу!

Неизменно упоминая любимый Сталиным «закон» перехода количества в качество, лысенкоисты объясняли, что все эти новообразования — отражение единого процесса: возникновение сорных растений из растений культурных и лишь иногда одних культурных растений, правда, рангом похуже — из других культурных растений, происходящее из-за постепенного накопления чего-то нехорошего в каких-то недрах.

Деградация природы — вот к чему ведет неправильная, не подчиненная канонам мичуринской (лысенковской) биологии агротехника — стращали они. Находились умельцы, объяснявшие появление заразихи на подсолнечнике тем, что подсолнечник порождает свой особый сорняк — заразиху, а С. К. Карапетян (не путать с В. К. Карапетяном) обнаружил вещь совсем занятную: оказывается, деревья граба могут «порождать» ветви лещины[109]. К. Я. Авотин-Павлов дополнил список порождений, найдя ель, которая якобы породила сосну[110], а Ф. С. Пилипенко нашел, что одни виды эвкалиптов порождают другие их виды. Эти сообщения тут же были расширены: нашлись «доказательства» порождения березы ольхой, а граба — дубом.

Но больше всех «преуспел» сам Лысенко. Сразу на нескольких конференциях, совещаниях и лекциях он сообщил, что **кукушку порождает пеночка!**

Я слышал это собственными ушами в Большой биологической аудитории биолого-почвенного факультета Московского государственного университета имени Ломоносова из уст Лысенко, распространявшегося о том, как лентяйки-кукушки подкладывают яйца в гнезда бедняг-пеночек, потому что им, кукушкам, неохота долго сидеть на яйцах. Вот и приходится пеночкам из-за «закона жизни биологического вида» расплачиваться за свою доброту: вместе с чужими яйцами «кукушкиного рода» и свои яйца высиживать по «типу кукушкиных». При этом и их собственные яйца превращаются в кукушьи!

Пожалуй, горше всего осознавать, что в момент, когда Лысенко глубокомысленно вещал студентам старейшего университета России о чудовищных домыслах, в зале не стоял гомерический хохот, и что студенты в подавляющем большинстве верили правдоподобности всего, что говорил с кафедры великий академик. Лишь немногие из них (а может быть, кто-то из преподавателей) пытались робкими записками выразить сомнения в истинности сказанного.

На помощь видопеределыщикам растений срочно шли микробиологи. Уже через 10 дней после окончания Августовской сессии ВАСХНИЛ В. Д. Тимаков и Н. Н. Жуков-Вережников

опубликовали статью[111], в которой утверждали, что и в мире мельчайших обитателей планеты идет процесс «порождений»: одни виды бактерий и вирусов якобы порождают другие виды. Через месяц после сессии на заседании Президиума Академии медицинских наук СССР эти взгляды поддержал как передовые известный ученый-онколог Л. А. Зильбер, обвинивший западных ученых в том, что они не пожелали признать приоритет советской науки в этом вопросе и «даже утверждали, что русские ученые получили не превращение [видов], а загрязнение эксперимента»[112]. Возможно, Зильбер, которого трижды арестовывали и который много лет провел в застенках, решил больше не испытывать судьбу и не перечить власть имущим хоть в этом вопросе. Но ведь другие люди говорили подобное вполне искренне и не без горячего блеска в глазах.

В 1949 году Г. М. Бошьян (ниже мы расскажем о его деятельности более подробно) описал превращение не видов или родов, а, ломая все «предрассудки» ученых, переход вирусов (неклеточных форм) в микроорганизмы (клеточные формы) через стадию кристаллов[86]. Возможность перехода одних видов микроорганизмов в другие излагалась и в брошюре С. Н. Муромцева — микробиолога и кадрового офицера НКВД, лично избивавшего академиков Л. А. Зильбера и П. Ф. Здродовского во время их «отсидки» под его началом и проводившего на заключенных «эксперименты», в ходе которых на людях испытывали смертельные яды. Вся работа была строжайшим образом засекречена, и мы узнали о поисках ядов с целью их дальнейшего использования для умерщвления политических противников и для диверсионных операций только в конце 80-х — начале 90-х годов из нескольких публикаций в российской печати. Позже Муромцев был переведен из разряда тюремных начальников в начальники иного рода: его сделали директором академического Института имени Н. Ф. Гамалея, а в 1948 году он без выборов получил из рук Сталина и Лысенко звание академика ВАСХНИЛ. Теперь он отрабатывал гонорар академика публикуя бредовые измышления[114].

Использовали лысенкоисты также заблуждения биохимиков. Профессор Московского университета А. Н. Белозерский (в будущем вице-президент АН СССР) опубликовал статью, в которой сообщил, что на определенных этапах развития клеток в них вроде бы исчезают молекулы ДНК (как стало ясно позже, ДНК — носители наследственных структур, генов), а вместо них появляется другой тип нуклеиновых кислот — РНК[115]. Лысенко тут же публично расхвалил эту работу как вполне подтверждающую его выкладки на новом — биохимическом уровне: дескать, вот и одни типы молекул могут превращаться в

другие типы. (Позже вывод о замене ДНК молекулами РНК не подтвердился.)

Замахнувшись на дарвинизм как на отсталое и неверное в своей сути учение, Лысенко внес путаницу в умы тех многочисленных научных деятелей в СССР, которые привыкли за годы советской власти безоговорочно подхватывать любую «истину», исходящую от официальных авторитетов, даже если в глубине души и не очень-то в нее верили. Многие сразу же поспешили сообщить, что эволюционное учение Дарвина «в данное время представляет лишь исторический интерес» (Веселовский, 1952); что «эволюционная теория происхождения новых видов путем медленных, постепенных изменений отвергнута советской наукой на основе замечательных исследований академика Лысенко, разработавшего новую теорию видообразования» (П. Г. Иванова, 1953); что «Ламарк и Дарвин глубоко заблуждались» (С. Аверинцев); что «нет никаких оснований давать учащимся эту часть теории Дарвина. Учащиеся должны изучать новую теорию видообразования» (Мельников, 1952) и т. д., и т. п.

X

«КОРИДОРЩИК»

Мы, русские, очень часто употребляем такие выражения, которые в благоустроенных странах уже давно вышли из употребления... Так, например, сплошь и рядом случается в нашем домашнем быту слышать: такой-то «выскочил», а следом за тем: такой-то «полетел»; или: такой-то «пролез», и потом — такой-то «шарахнулся».

И это говорится в применении не к грибам или клопам, а в применении к так называемым «баловням фортуны».

Из книги «Круглый год»
М. Е. Салтыков-Щедрин

Прием протаскивания своих клевретов в большие начальники применялся всеми временщиками испокон веку. Использовал его, как мог, и Лысенко. Когда в 1948 году готовился Сталинский план преобразования природы — гигантский проект посадки лесов на территории европейской части СССР (так и не оправдавший сталинских надежд на спасение от засух с помощью закладки лесов), Лысенко использовал некоего Е. М. Чекменева для пропаганды и внедрения приказным путем предложенного им метода «гнездовых посадок леса». Лысенко удалось тогда протолкнуть его на должность начальника Главного управления полезащитного лесоразведения при Совете Министров СССР. Должность эта была равноценна посту министра.

Теперь, спустя два года, Лысенко снова прибег к тому же нехитрому приему: для насильственного утверждения правоты идеи о порождении одних видов другими был возведен в высокую должность еще один лысенкоист — В. С. Дмитриев. Он был продвинут на высокий пост начальника Управления планирования сельского хозяйства Госплана СССР.

В распространении лысенковских нововведений Дмитриев в конце 40-х — начале 50-х годов играл решающую роль. Его должность была исключительно важной. По рангу своему она превосходила ранг министра, так как начальник отдела Госплана СССР курировал сразу несколько министерств и они зависели от него, а не наоборот. Было известно, что даже в тех случаях, когда против каких-либо деталей планов Лысенко робко возражали другие руководители сельского хозяйства,

Дмитриев неизменно приходил к нему на выручку. Поэтому сам Лысенко без помощи Дмитриева и подобных ему мало что мог бы сделать, а значит, ответственность за все промахи в сельском хозяйстве ложилась на них в еще большей мере, чем на Лысенко — президента ВАСХНИЛ (данный пост по «табелю о рангах» приравнивался лишь к заместителю министра).

Дмитриев был связан с лысенковским кланом много лет. На Августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года он выступил с речью, в которой под аплодисменты вновь назначенных академиков клеймил и генетиков (в особенности И. А. Рапопорта), и эволюционистов (И. И. Шмальгаузена), и почвоведов (А. А. Роде и В. А. Ковду), и лесоводов (противников гнездового способа посадки леса), и картофелеводов (возражавших против летних посадок по методу Лысенко), и противников травопольной системы земледелия Вильямса, и тех, кто возражал против подзимних посевов зерновых по стерне в Сибири, и даже тех, кто не понимал «преимуществ» ветвистой пшеницы по сравнению с обычными пшеницами и замены озимых пшениц яровыми на Украине и яровых озимыми в Сибири, где, впрочем, последние дружно вымерзали[116].

Дмитриев призывал к тому, чтобы Академия сельхознаук обратилась к «Академии наук СССР с просьбой посмотреть на свои институты, освежить явно затхлую и реакционную атмосферу, которая образовалась в некоторых институтах Академии наук»[117], что и было претворено в жизнь и, как известно, закончилось массовым террором в биологии.

В годы, когда в СССР повсеместно ощущались последствия страшного голода военных лет и послевоенных неурожаев, Дмитриев, знавший лучше, чем кто-либо, положение дел с продовольствием, говорил с трибуны Августовской сессии ВАСХНИЛ:

> «Несмотря на огромные трудности, связанные с большими потерями сельского хозяйства во время войны и сильной засухой 1946 года, сельское хозяйство добилось больших успехов; достигнуты огромные успехи в послевоенном восстановлении сельского хозяйства. Это убедительно говорит о том, что социалистический строй нашего современного земледелия, созданный Лениным и Сталиным, — это самый передовой и прогрессивный строй из всех, которые когда-нибудь знала история мирового земледелия...
>
> ...Перед нами, как указывал товарищ Сталин, в перспективе ближайших пятилеток стоит задача создания

изобилия предметов потребления в нашей стране, необходимого для перехода от социализма к коммунизму. Эта величественная задача налагает на деятелей сельскохозяйственной науки особую ответственность»[118].

Свою собственную особую ответственность большевик и крупный советский начальник Дмитриев реализовал вполне оригинально: через год после Августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года он был принят (по совместительству, то есть не отрываясь от важного начальственного кресла в Госплане СССР) в докторантуру лысенковского Института генетики АН СССР. Докторантам по положению создавались условия для планомерного и быстрого выполнения исследований, необходимых для написания диссертации на степень доктора наук и защиты этой диссертации. Нелепость зачисления экономиста по образованию и кандидата наук, защитившегося по экономике, в докторантуру для получения степени доктора биологических наук понятна и неспециалисту. Но делалось это неспроста. Судя по рассказам нескольких руководителей ВАСХНИЛ, которые я слышал в 70-е годы, когда работал в Президиуме ВАСХНИЛ ученым секретарем Научного Совета по молекулярной биологии и генетике, Лысенко старательно выдвигал экономиста по образованию Дмитриева по «научной» части, нисколько не тяготясь тем, что в биологии Дмитриев — совершенный профан*.

Рассказ о том, как Лысенко попытался приспособить Дмитриева к решению собственных задач важен по ряду соображений. Два обстоятельства выдвигают фигуру Дмитриева на передний план и заставляют изучить его деятельность внимательно. Во-первых, случай Дмитриева важен тем, что он позволяет выполнить редчайшую операцию: познакомиться на документальном материале с процессом внедрения в высшие эшелоны научной олигархии человека из «коридоров власти». Во-вторых, работа, выполнявшаяся для Дмитриева**, касалась сердцевины

* Лысенко не только всячески использовал высокое положение Дмитриева, но и вынашивал план выдвижения Дмитриева в вице-президенты ВАСХНИЛ. Ему представлялось, что такой человек, безоговорочно восхвалявший любые его предложения, может быть использован лучшим образом именно как прямой заместитель Лысенко (исключалась вроде бы возможность внутренних распрей). Устраивал этот план и Дмитриева, желавшего обеспечить себе безбедное существование. Но для этого Дмитриев из кандидатов экономических наук должен был выбиться в доктора наук, затем его следовало провести в академики, и лишь затем он мог быть выбран в Президиум ВАСХНИЛ (сообщение академика Н.В.Т.).

** Ему самому заниматься экспериментами и оформлением законченных работ было недосуг, к разряду слишком высоких государственных чиновников он принадлежал. Поэтому он лишь ставил подпись под написанными вместо него статьями, так же как он подписывал любые другие бумаги, приносимые ему для визирования или утверждения.

лично лысенковских построений — возникновения сорняков в «недрах культурных видов». Отнюдь не случайно Лысенко давал задания своим сотрудникам, чтобы они быстрее делали за Дмитриева эксперименты, необходимые для написания диссертации, писали за него статьи, а затем саму диссертацию. Закономерно, что Трофим Денисович сам стал официальным научным руководителем работы Дмитриева, то есть собственноручно стремился вывести его на первые роли.

Мы часто встречаемся с упоминанием о том, что тот или иной высший чиновник отягощен не только титулом из табели о рангах, но и еще научными степенями и званиями. О реальном вкладе в науку «коридорщиков» никогда и речи не идет, а вот регалии часто присутствуют. Как удается их раздобыть? Какова механика обретения высоких титулов номенклатурными чинами, получающими степени кандидатов и докторов с такой же легкостью, с какой «Милый друг» Мопассана заработал (заслужил?) орден Почетного Легиона? Ведь заслужил же!

Характерологическая сущность истории Дмитриева тем и ценна, что на примере этого высшего клерка можно познакомиться с тем, как система номенклатуры удерживает попавших в нее людей разными способами, в том числе и с помощью «остепенения». История Дмитриева помогает также познакомиться с реальным уровнем компетенции «высших клерков» и понять, почему исходящие от них распоряжения, многочисленные инструкции, имеющие силу закона, столь часто непродуманны, безлики и инертны, несмотря на все потуги их авторов выглядеть реформаторами и радетелями о благе народном.

Вся история с зачислением госплановского начальника в докторантуру была чистым надувательством, так как сам докторант для выполнения исследований по докторской диссертации палец о палец не ударил. Осенью 1950 года для дмитриевской диссертации руками сотрудников Горок Ленинских был заложен опыт по доказательству реальности перерождения видов. Весь опытный участок занимал 700 квадратных метров, и для того, чтобы поставить растения в неудобные для роста условия (Лысенко считал, что в этом случае один вид будет принужден переходить в другой вид), участок разместили в «нижней части склона, прилегающего к перелеску, где грунтовые воды выступают на поверхность почвы»[119]. Через два года после закладки первого опыта Дмитриеву уже заканчивали писать диссертацию, готовили таблицы, печатали текст.

В 1952–1953 годах от его имени были опубликованы статьи о порождении рожью растений другого ботанического вида — костра ржаного[120]. В подписанных им единолично статьях говорилось и о якобы имевшем место порождении овсюга овсом, а

возможно, и пшеницей, полбой и рожью, а также плоскосеменной вики — чечевицей[121]. В целом Дмитриев пытался подвести базу под будто бы неспровоцированное лысенкоистами засорение посевов[95].

Столь действительно ответственный вывод подкреплялся никудышными данными. Согласно описаниям в статье, подписанной Дмитриевым, делянки засевались «чистосортными семенами, перебранными по одному зерну, затем весь урожай просматривался».

> «Схема опыта была построена таким образом, чтобы резко ухудшить условия жизни для ржи. С этой целью применялись поздние сроки посева, избыточное увлажнение, ухудшение плодородия почвы, загущенный посев, посев щуплыми семенами и т. д. Никакого ухода за посевами, ПО УСЛОВИЯМ ОПЫТА, не велось[123] (выделено мной. — *В. С.*).

В указанных посевах, ухода за которыми не было никакого, «наряду с растениями ржи получено 12 растений костра ржаного. Все эти растения появились на делянках, где было создано избыточное увлажнение»[124].

Этими нехитрыми фразами исчерпывались доказательства появления растений иного рода из ржи. Вовсе не упоминалась возможность заноса двенадцати щуплых семечек костра ветром, птицами, мелкими животными. Детальный анализ ботанических. физиологических, биохимических и прочих свойств растений, выращенных из «экзотических» семян, даже не планировался. В трех предложениях, как будто само собой разумеется, говорилось, что в клетках ржи иногда находили «как бы в виде вкраплений крахмальные зерна, характерные для костра ржаного», что у части семян ржи заметили «пленчатый тип прорастания», а в корешках 150 растений ржи обнаружили два раза клетки с 28 хромосомами вместо 14 хромосом, присущих ржи[125]. Явление самопроизвольного увеличения числа хромосом (спонтанной полиплоидизации) не упоминалось, да и вряд ли автор статьи знал что-либо об этом элементарном генетическом процессе. Никаких методик исследований не приводилось, данные статистически не обрабатывались. И это публиковалось в научном издании Академии наук СССР — «Журнале общей биологии» (редактировавшемся, правда, в основном лысенкоистами: главный редактор А. И. Опарин, заместитель главного редактора Н. И. Нуждин, в составе редколлегии — Д. А. Долгушин, Х. Ф. Кушнер, В. Н. Столетов; не из их компании был лишь эколог из МГУ А. П. Шенников).

Конечно, не один Дмитриев был готов подписаться под статьями, якобы доказывающими правоту Лысенко в этом вопросе. Список тех, кто «прославился» таким способом, был опубликован в 1954 году в «Ботаническом журнале»[126]. Ранее много имен было названо. Дополним список «видопеределыщиков». Среди них были и самый старый сотрудник Лысенко, переехавший вместе с ним из Ганджи в 1927 году в Одессу, Д. А. Долгушин, который теперь «открыл» образование ржи овсом, Б. М. Смирнов, «подтвердивший» порождение овсюга овсом и овса — овсюгом, Н. В. Мягков (порождение пшеницей ржи), А. К. Фейцаренко (ячменем пшеницы), Е. И. Чиркова (пшеницей ржи), М. М. Кислюк (очередное подтверждение того, что овес порождает овсюг). П. К. Кузьмин «открыл», что щетинник порождается просом посевным, так же как куриное просо возникает обязательно в посевах проса посевного и засоряет эти посевы. С. А. Котт обнаружил такие порождения: овсом ржи, горохом вики, плоскосеменной викой вики мелкосеменной и так далее, и тому подобное.

«Замечательный» закон находил подтверждение в работах все новых и новых «замечательных» ученых!

XI

ТРИУМФ ЛЕПЕШИНСКОЙ

> Законы физики торжествуют; легкие тела поднимаются вверх, тела плотные и веские остаются в низменностях. Золотари стоят триумфаторами по всей линии и во всех профессиях; они цепляются друг за друга, подталкивают и выводят друг друга, и в конце концов образуют такую плотную массу, сквозь которую нельзя пробиться даже при помощи осадных орудий.
>
> *Легковесные*
> *М. Е. Салтыков Щедрин*

В короткий срок после объявления Трофимом Лысенко на Августовской сессии ВАСХНИЛ об открытии им «нового закона биологического вида» нашлось, как видим, много людей, поспешивших подкрепить своими публикациями новый «закон». Благо, прочного заслона непроверенным работам никто и не собирался возводить.

В то же время сообщения о «превращениях видов», поступавшие из разных лабораторий со всей страны, придавали еще больше лихости главе «мичуринской» биологии. Он теперь постоянно, во всех своих выступлениях, настаивал на бесспорном подтверждении его «закона», вещал о все новых случаях зарождения новых видов в «недрах старых видов». В ставшем для него привычным и единственно допустимым тоне — победном — Лысенко писал:

> «Нашей мичуринской биологией уже безупречно показано и доказано, что одни растительные виды порождаются другими ныне существующими видами...
>
> Теперь уже накоплен большой фактический материал о том, что рожь может порождаться пшеницей, причем разные виды пшеницы могут порождать рожь. Те же самые виды пшеницы могут порождать ячмень. Рожь может также порождать пшеницу. Овес может порождать овсюг и т. д. Все зависит от условий, в которых развиваются данные растения»[127].

Вместе с тем большинство биологов (даже кое-кто из ближайшего окружения Лысенко) отлично сознавали, что эти «порождения» всерьез не доказаны, что никакого безупречного фактического материала в руках Лысенко нет, а что «факты»

подбрасывают ему мошенники и шарлатаны[128]. Не мог не понимать этого и Трофим Денисович*.

В самом деле, если клетки пшеницы внезапно, в одно мгновение превратятся в клетки другого вида или рода, то это должно означать, что все макромолекулы в клетках, все внутриклеточные структуры исходного вида или рода станут иными. Как ни был неграмотен Лысенко, но все-таки кардинальные трудности в объяснении таких превращений он не мог не осознавать.

И вдруг до него дошло, что это препятствие можно обойти. Лепешинская уверяет, что кроме клеток есть еще особое, бесклеточное вещество. Оно не живое, но «как бы живое», во всяком случае, при каких-то ему не очень ясных, но Лепешинской вроде бы известных условиях, оно может стать живым. И тогда из этого вещества, как из живой воды в сказках, могут возникать живые клетки. Так, может быть, вид превращается в другой вид через стадию живого вещества?

Как только Лысенко оценил великую для него практическую выгоду, исходящую от идеи Лепешинской, он возликовал и принялся за дело. Что-либо проверять, убеждаться в том, что за словами Лепешинской стоят не одни артефакты, он, естественно, не стал. Он уже убедился на своем примере, как надо поступать: нужно использовать партийные органы, чтобы по их команде авторитет Лепешинской был бы закреплен «на века» этим апробированным способом.

---

* К этой мысли я пришел во время одной из бесед с Лысенко. Как-то он с жаром заговорил об этом своем любимом детище, и, чтобы переломить мой скепсис, встал с кресла, отодвинул его от стены, и пригласил посмотреть стоявший позади кресла застекленный стенд, на котором был размещен и укреплен вырытый из земли «куст» пшеницы.

Из переплетения корней торчало около десятка стеблей, заканчивавшихся колосьями разной формы. Тут были колосья явно разных видов пшеницы.

— Вот, видите, — сказал Лысенко. — Все эти разные виды выросли из одного зерна. Причем это не на показ сделано, а для себя.

— Вы это сами сделали? — полюбопытствовал я.

— Нет, — возразил Лысенко. — Это мне мои ученики преподнесли.

Так откуда же известно, что все это выросло из одного зерна и что это одно растение? Ведь корневая система так переплетена, что ничего не разберешь!

Надо заметить, что я уже знал к тому времени, что один из преклонявшихся перед Лысенко студентов биофака МГУ А. Синюхин «отличился» — склеил на препарате нужные части двух видов, но был пойман и изобличен, так что способ производства таких «муляжей» был мне в принципе известен.

— Говорят вам, из одного семени, значит, из одного...

— Ну так дайте мне по зерну из каждого колоса, я высею их в условиях, исключающих переопыление, и тогда посмотрим, что из них вырастет, — предложил я.

Лысенко это предложение, видимо, не устроило. Он сразу замолчал, снова придвинул кресло к столу, уселся и перешел к другой теме, как будто тема предыдущая была целиком исчерпана.

22—24 мая 1950 года в Москве собрали специальное совещание биологического отделения Академии наук СССР совместно с руководством Академии медицинских наук и ВАСХНИЛ по проблеме живого вещества и развития клетки[129]. Приказ о его созыве и команда биологам о необходимости обеспечить триумфальное признание Лепешинской поступили из ЦК партии. Как вспоминала Ольга Борисовна:

> «В самый тяжелый момент, когда последователи немецкого реакционера, идеалиста в науке Вирхова, перешли к аракчеевским методам борьбы... ко мне на помощь пришел отдел науки ЦК ВКП(б), под руководством которого Академией наук СССР было созвано совещание биологического отделения...»[130].

Председательствовал почти на всех заседаниях академик-секретарь биологического отделения АН СССР Александр Иванович Опарин, получивший известность после публикации в 1924 году книги «Происхождение жизни», в которой излагалась его гипотеза о том, как могла возникнуть жизнь на Земле. В президиуме совещания восседал Лысенко. Опарин, занявший кресло академика-секретаря биоотделения АН СССР после завершения Августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года, когда крупнейшего ученого А. А. Орбели удалили от руководства наукой, хорошо понимал правила игры и всеми силами Лысенко угождал. Он всегда демонстрировал на публике, что разделяет все взгляды Лысенко и безоговорочно поддерживал любые его предложения. Полная управляемость Опарина была хорошо известна и в партийных верхах.

Открывая совещание, Опарин в первых же фразах дал установку, вполне укладывающуюся в русло господствовавшего в официальных кругах разделения наук на прогрессивные и отсталые:

> «Среди биологов капиталистических стран господствующее положение и сейчас еще занимает механистический метод познания жизни... Эта точка зрения при своем логическом развитии неизбежно заводит исследователя в тупик идеализма, что было блестяще доказано в докладе Т. Д. Лысенко на сессии ВАСХНИЛ...»[131].

Рефреном повторялись слова о преимуществе социальной системы, при которой только и возможны такие высоты в постижении жизненных процессов. Об этом твердо сказал Опарин:

«...такая постановка вопроса возможна только в Советском Союзе. Нигде в капиталистическом мире принципиально не могут быть осуществлены такого рода попытки, просто уже вследствие определенной идеологической установки, определенных подходов к самой проблеме жизни»[133].

С этого же тезиса начала свой доклад и Ольга Борисовна:

«Большевистская партийность в науке требует боевой направленности в изучаемых вопросах, требует борьбы против идеализма и метафизики в науке...»[134]

Та же общая установка прозвучала в выступлениях Г. К. Хрущова, И. Е. Глущенко, С. Л. Брайнеса и других.

Лепешинскую представили как автора выдающегося открытия, которое стало возможным только благодаря тому, что автор стоит на позициях единственно правильной методологии — диалектического материализма и марксистско-ленинской философии в целом. Все обсуждение проходило под прикрытием лозунга Сталина: «Ломать старые традиции, нормы, установки, когда они превращаются в тормоз для движения вперед»[132].

Длинным было выступление Т. Д. Лысенко. Эту речь он потом несколько раз перепечатывал в разных изданиях[135].

«Нам ясно, — говорил Лысенко, — что когда произносишь слово «развитие», то это всегда должно связываться с тем, что все, что способно развиваться, имеет начало и конец. По старой же теории, которая утверждает, что клетка развивается только из клетки, начала клетки якобы не бывает, она всегда происходит из клетки. Такое представление не научно, оно не соответствует действительному развитию не только живой природы, но и вообще всей природы.

Для работников биологической науки, которые стоят на позициях марксистской теории развития, ясна ложность положения, утверждающего, что растительные и животные клетки развиваются только из клеток.

Правильное теоретическое представление, что клетки могут развиваться и из вещества, не имеющего клеточной структуры, теперь экспериментально обосновано работами Ольги Борисовны Лепешинской. В этом большая заслуга Ольги Борисовны»[136].

Как видим, Лысенко очень обрадовало, что Лепешинская подставила подпорку под шаткую конструкцию его собственных умозрительных гипотез. «Теория» живого вещества, нужная Лысенко как воздух для подведения «научной» базы под провал в практике сельского хозяйства, вызванный его собственной деятельностью, его очень ободрила. Не ухватиться за помощь, исходившую от Лепешинской, он не мог. Поэтому он уверял:

> «Теоретическая основа данного фактического материала та же, что и для материала, добытого Ольгой Борисовной Лепешинской...
>
> Каким путем это происходит? Можно ли себе представить, что, например, клетка тела пшеничного растения превратилась в клетку тела ржи?
>
> Этого я себе не могу представить. Этого быть не может.
>
> Мы себе представляем это дело так: в теле пшеничного растительного организма... зарождаются крупинки ржаного тела. Но это зарождение происходит не путем превращения старого в новое, в данном случае клеток пшеницы в клетки ржи, а путем возникновения в недрах тела данного вида, из вещества, не имеющего клеточной структуры, крупинок тела другого вида. Эти крупинки вначале также могут не иметь клеточной структуры, из них уже потом формируются клетки и зачатки другого вида.
>
> Вот что нам дают для разработки теории видообразования работы Ольги Борисовны Лепешинской.
>
> Научные положения О. Б. Лепешинской вместе с другими завоеваниями науки войдут в фундамент нашей развивающейся биологии»[137].

В ходе совещания коренной трансформации подверглась история борьбы Лепешинской с критиками ее взглядов. Принципиальность ученых, выступавших против поверхностности ее суждений, требовавших чистоты научных доказательств, боровшихся с прожектами, кои лишь носили оболочку новаторства, а по сути были возрождением давно отвергнутых наукой положений, была теперь объявлена происками реакции и результатом буржуазного перерожденчества. Один из руководителей медицинских учреждений В. Д. Тимаков заявил о раскритикованной учеными книге Лепешинской:

> «Вся ее книга пронизана идеями Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и является образцом партийности в науке»[138].

Совершенно иначе характеризовали теперь и личность Лепешинской. Если раньше о ней отзывались отрицательно, то с этого момента ее негативные стороны вдруг стали подавать как неоспоримо позитивные. Особенно странно было слышать, как известный русский патолог, интеллигент старой выучки, академик А. Д. Сперанский* обелял многолетнюю некрасивую борьбу Лепешинской с учеными и так говорил о ней:

> «Можно прямо сказать, что О. Б. Лепешинская долгое время несла на своем исследовательском пути крест поношения. Она, однако, не потеряла оптимизма в данном деле... Только старый большевик, каким является О. Б. Лепешинская, в состоянии был преодолеть эти насмешки и подойти к такой форме доказательств, которые могут убедить и других. Лично мне было бы печально, если бы из-за методических недостатков дело О. Б. Лепешинской, дело нашей, советской науки было бы дискредитировано, если бы наша наука подверглась насмешливому к себе отношению со стороны лиц, всегда готовых к подобным издевательствам»[139].

Академик Сперанский был озабочен тем, как теперь следовало вести себя коллегам Лепешинской. И снова рецепт поведения строился не на научных основах, а на ином базисе:

> «...в первую очередь ей должна быть оказана помощь идейно-политическая. Мы должны признать себя ответственными за дело О. Б. Лепешинской и облегчить тяжесть, которая пока висит на плечах нашей милой Ольги Борисовны»[140].

Всеми этими разговорами Совещанию был придан особый характер. В условиях безоговорочного одобрения политической линии, занятой Лепешинской, и одновременно полного подавления всякой научной критики можно было сообщать любые невероятные факты, голословно уверяя, что они доказаны в ходе самых совершенных научных изысканий.

---

* Алексей Дмитриевич Сперанский (1887—1961) — советский патолог, окончил в 1911 г. Казанский университет, с 1920 г. — профессор Иркутского университета, в 1923—1928 гг. — ассистент выдающегося русского физиолога, лауреата Нобелевской премии И. П. Павлова. С 1928 года работал заведующим отделом патофизиологии Института экспериментальной медицины в Ленинграде и с 1934 г. — заведующий отделом общей патологии Всесоюзного института экспериментальной медицины в Москве. В 1945 г. занял пост директора Института общей и экспериментальной патологии, с 1954 г. — заведующий отделом общей патологии в этом же институте, преобразованном в Институт нормальной и патологической физиологии, лауреат Сталинской премии, академик АН и АМН СССР, орденоносец, член КПСС с 1943 г.

В опытах дочери Лепешинской — Ольги Пантелеймоновны клетки якобы развивались из чистого белка (совсем по Энгельсу: «Что такое жизнь? Жизнь есть способ существования белковых тел». Будто ни нуклеиновых кислот, ни липидов, ни углеводов, ни других типов молекул небелковой природы со времен Энгельса в клетках не нашли!). Муж Ольги Пантелеймоновны — В. Г. Крюков настаивал на том, что глобулярные белки образуются быстрее под влиянием добавления извне препарата нефракционированных нуклеиновых кислот (вот оно — расширение научного поиска!). В конце своего доклада Крюков пришел к обобщению такого рода, которое вообще выходило за рамки науки:

> «Мы стоим очень близко от возможности получения живого из неживого, от постановки проблемы оживления»[141].

Конечно, когда Лепешинская и ее подопечные вещали о глобулярных белках, о нуклеиновых кислотах, мышечных клетках, — надо было, разумеется, трезво к этому относиться и понимать, что отличий белков от нуклеиновых кислот они не знали, ни тех, ни других изучать не могли, потому что не владели необходимыми для этого методами и знаниями.

Несомненно, это было понятно многим из присутствующих в зале. Было от чего встревожиться. Но никому из тех, кто мог бы выступить против псевдоноваторов, опошляющих науку, и сразиться с ними в принципиальном споре, слова не предоставили.

У стороннего наблюдателя могло сложиться впечатление, что никто из присутствующих в зале вообще не обращал внимания на то, что говорят с трибуны авторы удивительных открытий, и что никто не придает значения собственным речам. Но это было не так. Все все понимали, но были запуганы, деморализованы, душевно опоганены всей предшествующей жуткой реальностью, когда несогласных беззаконно гнали с работы, а то и арестовывали...

Президент АМН СССР, генерал-лейтенант медицинской службы, по специальности патолог (то есть сугубый профессионал в той области, где шаманствовала Лепешинская), Николай Николаевич Аничков выступил на совещании с цветистой речью, в которой восхвалял достижения Ольги Борисовны. Когда он вернулся домой, то на даче, расслабившись, признался своему приятелю В. М. Карасику:

> «Давление сверху было такое большое, что пришлось все эти пакости с улыбкой произносить. Я потом три дня рот полоскал...»[142]

Известный цитолог М. А. Барон, по его словам иногда помогавший Лепешинской, прочувствованно разглагольствовал о том, как он любит вечерком зайти к Ольге Борисовне домой и поболтать о ее открытиях, звал присутствующих ознакомиться в перерыве между заседаниями с ее препаратами, выставленными для обозрения.

> «С полной ответственностью я подтверждаю техническую доказательность этих препаратов»,

— заверил этот вполне грамотный специалист по клеткам[143].

Затем многие выступили с сообщениями о ничуть не менее захватывающих открытиях. М. М. Невядомский утверждал, например, что из вируса саркомы образуются лимфоцитоподобные клетки. Предвидя возможные возражения, он загодя парировал их так:

> «Ничего неожиданного мои данные не представляют. Почему? Путем электронной микроскопии при увеличении в 28—50 тыс. раз ясно видно, что при большом увеличении вирус становится очень похожим на опухолевую клетку»[144].

Нужно было обладать поистине особым зрением, чтобы увидеть, как безъядерная, до крайности просто устроенная структура вируса, имеющего лишь белковую оболочку и свернутую внутри спираль нуклеиновой кислоты, стала бы при любом увеличении похожей на чрезвычайно сложную клетку высшего животного с десятком типов специализированных внутриклеточных органелл.

Другой кудесник — К. А. Лавров якобы отчетливо различил клетки, сформировавшиеся внутри других клеток.

> «Вот рак губы, — говорил он. — В раковой клетке располагается другая клетка»[145].

Ближайший лысенковский сотрудник Н. И. Нуждин обрадовал присутствующих еще одним сенсационным наблюдением. Живое вещество, о котором даже сама Лепешинская говорила довольно невнятно, удалось будто бы рассмотреть этому члену-корреспонденту АН СССР. В свое время он прошел школу классической генетики, но «вовремя» переметнулся в лагерь Лысенко, без помех затем защитил докторскую диссертацию и был особенно ценим Лысенко. Недаром Нуждин стал заместителем Лысенко на посту директора Института генетики АН СССР (ког-

да я думаю об этих людях, мне часто приходят на ум некрасовские строки о том, что ученик не может не нести обязанности чтить учителя, «преклонять колени» перед одним лишь именем учителя; так вот, учителем Нуждина был в числе других учителей и Н. И. Вавилов, но стоило временам смениться, как Нуждин не то чтоб колени преклонил, а своим предательством помог уничтожить физически своего учителя. Вспомним и другого поэта: «О, времена. О, нравы»). По словам Нуждина, его опыты продемонстрировали, что в природе имеет место «...постоянное ежеминутное происхождение живого из неживого»[149].

Еще глубже проник умом в сущность живого Н. М. Сисакян*. Вместе с сотрудниками ему будто бы посчастливилось «воссоздать из осколков белковые тела, обладающие рядом жизненных функций»[150].

Конечно, для такой работы нужен был особый — партийный подход, возможный только там, где науку делили на «нашу — пролетарскую» и «чуждую — буржуйскую», о чем и заявил без обиняков Сисакян:

> «Задача искусственного создания молекул белков... чужда по своей идейной направленности ученым капиталистических стран»[151].

---

* Норайр Мартиросович Сисакян (1907 -1966) стал важной фигурой среди лысенкоистов и большим чиновником среди функционеров советской науки

Впервые в советской прессе его расхвалили еще в 1938 году[146] как типично го выдвиженца: в 14 лет он еще не умел не то что писать, но даже ни одной буквы алфавита не знал. Однако в этом возрасте (в 1924 году) он вступил в комсомол и попал под начало другого яркого выдвиженца, гордо именовавшего себя «бывшим беспризорником», — Эзраса Асратовича Асратяна, позже ставшего академиком АН АрмССР и устроившего погром в физиологии высшей нервной деятельности (вместе с К. М. Быковым) в 1950 году. Асратян за год обучил Сисакяна армянской азбуке. Еще за год учитель и ученик показали, что значит творить настоящие чудеса: сверхталантливый Сисакян ухитрился за это время получить документ о сдаче экстерном экзаменов за восьмилетнюю школу! Сам Сисакян признавался, что при этом он еще читал с трудом, но с гордостью заявлял: «Комсомол сделал из меня не только ученого, но и человека»[147].

В комсомоле он научился главному — методам борьбы с инакомыслием: «В 1927 году, при очищении комсомольской организации от троцкистов, Сисакяна ввели в уком. Борьба с политическими врагами под руководством большевистской партии закалила молодого комсомольца и многому его научила»[148].

Закаленный и обученный Сисакян, не зная ни слова по-русски, не убоялся трудностей, раздобыл путевку в комитете комсомоле и приехал с ней в Москву, чтобы учиться в Тимирязевской академии. В 1932 году он закончил ее и попал в престижный институт Д. Н. Прянишникова. Но здесь надо было серьезно работать, и потому пришлось ему перейти в 1935 году в Институт биохимии под начало А. Н Баха Там в 1937 году он вступил в партию и возглавил партийную организацию института. В 1938 году он защитил кандидатскую диссертацию и тут же устроился исполняющим обязанности профессора МГУ О дальнейшей головокружительной карьере Н. Сисакяна мы еще будем иметь возможность говорить позже.

Однако эта мешанина домыслов с вымыслом была тепло встречена академиками трех академий — Академии наук СССР, Академии медицинских наук СССР и ВАСХНИЛ. Среди самых именитых и титулованных жрецов советской науки нашлось немало покровителей оригинального таланта О. Б. Лепешинской и примкнувших к ней. Прознав о ВЫСОЧАЙШЕМ одобрении ее «идей», многие академики решили, что посты и звания стоят дороже принципов и чести. Лепешинская их стараниями получила теперь возможность повторять в своих похожих друг на друга книгах и брошюрах*:

> «Выдвинутые и обоснованные нами на совещании положения привлекли широкое внимание его участников: генетиков (Лысенко, Глущенко, Авакян, Нуждин), патологов (Аничков, Сперанский, Давыдовский, Невядомский), цитологов (Студитский, Хрущов, Барон, Лавров), микробиологов (Имшенецкий, Бошьян, Жуков-Вережников, Тимаков), зоологов (Павловский), биохимиков (Опарин, Сисакян, Северин) и др.»[152].

Те, кто активно «поработал» на Августовской сессии ВАСХНИЛ, проявили себя на славу и на этом совещании. Не зря Лепешинская на первое место ставила Лысенко и его команду — Глущенко, Авакяна и Нуждина, не зря она поминала добрым словом Сисакяна, выступившего с биохимическими «доказательствами» правоты Лысенко в вопросах яровизации на сессии ВАСХНИЛ в августе 1948 года и теперь спешившего погреть руки и на живом веществе. Не случайно перечисляла Ольга Борисовна таких ярых лысенкоистов, как посредственный гистолог, но ловкий партийный функционер А. Н. Студитский, или микробиолог, ставший за год до этого директором Института микробиологии АН СССР и в 1946 году членом-корреспондентом АН СССР А. А. Имшенецкий, или Г. М. Бошьян, или Н. Н. Жуков-Вережников. Все они не выступили на сессии ВАСХНИЛ вовсе не потому, что были «по ту сторону» лысенковских баррикад, а потому, что их не позвали, обидев этим.

Спешили порадеть за новых героев биологической науки даже те, кто вроде бы имел или, во всяком случае, мог иметь свой собственный голос в науке: академик АН СССР В. Н. Пав-

* Книга Лепешинской о происхождении клеток была опубликована в полном объеме шесть раз на русском языке, много раз на языках народов СССР и на румынском, польском, венгерском, чешском, английском, немецком, французском языках (естественно, все издания были выполнены в Советском Союзе), а также была опубликована в урезанном виде 18 раз в виде брошюр. Все издания практически не отличались друг от друга, и автор лишь перетасовывала абзацы и придумывала брошюрам новые названия.

ловский и пытавшийся десятилетиями играть роль неподкупного рыцаря науки академик С. Е. Северин, много лет заведовавший кафедрой биохимии животных Московского университета, грамотно читавший лекции студентам, то есть человек, доподлинно знавший, что, выступая за Лепешинскую, он лжесвидетельствует. В качестве доказательства правоты лепешинковщины С. Е. Северин ссылался на работу М. Г. Крицман, А. С. Кониковой и Ц. Д. Осипенко[153] о синтезе белков из молекул-предшественников. Однако позже В. Н. Орехович с сотрудниками доказали, что в упомянутых опытах происходило банальное бактериальное загрязнение[154].

Одними ссылками на артефакты дело не ограничилось. Северин обратился к Лепешинской с прочувствованными словами:

> «И. В. Давыдовский* принес благодарность О. Б. Лепешинской за свежую струю, внесенную ею в патологию. Я готов благодарить О. Б. Лепешинскую от имени биохимиков...»[155]

Хорошо рассчитал Сергей Евгеньевич цену такого возблагодарения: в 1953 году он стал членом-корреспондентом АН СССР, в 1968 году — академиком этой академии, а в 1971 году — Героем Социалистического Труда. Так что смотреть в корень и рассчитывать наперед эти люди умели и знали, ради чего следует пресмыкаться.

Их стараниями Лепешинская получила полное право писать:

> «По признанию совещания в Академии наук, работами цитологической лаборатории Академии медицинских наук СССР впервые разоблачены до конца идеалистические концепции Вирхова в этой области и, невзирая ни на какие трудности и препятствия, смело отброшены идеалистические положения Вирхова и его последователей, что открыло возможности для продвижения науки вперед»[156].

А чтобы всем стало окончательно понятно, в каком направлении будет теперь двигаться советская биологическая наука, Лепешинской в тот год преподнесли еще один щедрый пода-

* Ипполит Васильевич Давыдовский (1887 – 1968) окончил в 1910 г. медицинский факультет Московского университета, работал санитарным врачом. С 1930 г. — заведующий кафедрой патологической анатомии 2-го Московского медицинского института, в 1944 г. избран академиком АМН СССР, почетный председатель Всесоюзного общества патологоанатомов (с 1965 г.), Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии (1964), награжден двумя орденами Ленина и орденом Трудового Красного Знамени.

рок — долгожданную Сталинскую премию первой степени в размере 200 тысяч рублей! Сделано это было необычным способом. Лепешинскую выделили из числа прочих лауреатов. Не стали ждать очередного срока присуждения премий, а опубликовали в газетах экстраординарное сообщение о внеочередном вручении ей одной премии как ученому с величайшими заслугами[157]. Лепешинская и ее дочка «не стеснялись» объяснять всем встречным и поперечным, что распоряжение об этом поступило лично от Сталина (к слову сказать, в том же году, но в положенное время Сталинских премий были удостоены Жуков-Вережников и Глущенко).

В октябрьском номере журнала «Огонек» была помещена фотография счастливой лауреатки и статья о ее жизненном пути. Корреспондент журнала рассказала о том, как ее встретила дома новая героиня науки — «седая, коротко остриженная женщина с живыми, блестящими из-под очков глазами и строгим лицом»[158], сообщила, что Лепешинская «говорит... громким, немного резким голосом», что «родилась (она) в богатой семье... первое представление о социальном неравенстве получила в родительском доме». Корреспондент, конечно, не обошла стороной революционную деятельность Ольги Борисовны, ее знакомство с Лениным, даже о «партийной столовой для эмигрантов-большевиков (в Женеве)» было упомянуто, причем сказано, что «Ольга Борисовна сама стряпала, кормила товарищей», но ничего не рассказывалось о том, какое научное открытие сделала эта женщина. Зато особое место в очерке занимал рассказ дочери лауреата Ольги Пантелеймоновны о героических чертах характера ее матери.

> «Неутомимая у меня мать, — улыбается Ольга Пантелеймоновна, — настойчивая до предела. Когда ей было шестьдесят пять, она решила сдать нормы ГТО*. И сдала, представляете. Она плыла пятьдесят метров с гранатой в руке! Весь берег был усеян народом, и все волновались, когда увидели, что седая женщина поплыла, держа в вытянутой руке гранату. Усталая, но довольная и веселая, вышла она на берег и сдала совершенно сухую гранату»[159].

---

* Общеупотребительная аббревиатура комплекса спортивных испытаний («Готов к труду и обороне»), сдав которые во время специальных соревнований, устраивающихся во всех городах, поселках, деревнях, во всех школах, училищах, институтах и т. п., человек получал право носить значок ГТО. Для несовершеннолетних был комплекс БГТО («Будь готов к труду и обороне»).

XII

ЯРКАЯ ЗВЕЗДА ГЕВОРГА БОШЬЯНА

> Само собой разумеется, что западные люди, выслушивая эти рассказы, выводили из них не особенно лестные для России заключения.
>
> *За рубежом*
> *М. Е. Салтыков-Щедрин*

Среди «светил» науки, выдвинувшихся внезапно в эти годы, был Геворг Мнацаканович Бошьян. Чем же он обессмертил свое имя? Ветеринар по образованию, он вернулся после войны, в 1945 году, во Всесоюзный институт экспериментальной ветеринарии Министерства сельского хозяйства СССР (сокращенно, ВИЭВ), где до войны был аспирантом, а после войны в 1947 году занял должность заведующего отделом биохимии. Следует подчеркнуть, что биохимического образования он не имел и в науке себя проявить не успел. До войны, в 1940 году, им была опубликована короткая статейка, в которой автор оспаривал общепринятые методы диагностики анемии лошадей. Из-за войны пришлось сделать перерыв в научной деятельности, и следующая публикация Бошьяна увидела свет в 1947 году. Эта его работа (статья в журнале) была написана с видимой претензией на новизну, но ни к каким решительным переворотам в науке не повела.

И вдруг в 1949 году он опубликовал книгу, сразу привлекшую к себе внимание. Автор сообщал в ней фантастические вещи, противоречащие многому из того, что считалось в мировой науке твердо установленным[113].

Бросалось в глаза рекламное заявление о том, когда были сделаны открытия. Автор настойчиво повторял в книге одно и то же предложение, что его выводы (достижения, как он их именовал) есть плод длительной работы. Например, он писал:

> «Достижения эти являются следствием непрерывной десятилетней работы»[160].

На самом деле он мог работать над проблемами, обсуждаемыми в книге, от силы два года. При внимательном чтении можно было найти указание на это и в самой книге: он сам датировал первый опыт, приведший к открытиям, 17 марта 1948 года, а уже через три недели у него были готовы восемь из ряда вон выходящих открытий.

Такой кавалерийский наскок в науке не принят и неуместен, однако директор ВИЭВ Н. П. Леонов, сам защитивший на том же материале в 1949 году докторскую диссертацию, восторженно характеризовал труд Бошьяна в предисловии к книге и говорил, что это

> «новый ценный вклад в передовую советскую науку, незыблемо утверждающий приоритет нашей родины в крупном биологическом открытии»[161],

и уверял читателей, что

> «...нет никаких сомнений в том, что эта книга положит начало потоку новых исследований... которые не только подтвердят парадоксальные (с точки зрения современных представлений) факты, неопровержимо установленные автором, но и приведут в ближайшее время к дальнейшим открытиям первостепенного теоретического и практического значения. Многие из сообщаемых автором фактов полностью подтвердились при объективной проверке во Всесоюзном институте экспериментальной ветеринарии»[162].

Что же нового принесла науке деятельность первопроходца в новой области? Прежде всего Бошьян сообщал об открытии превращения вирусов – этих мельчайших образований, по примитивности устройства и мельчайшим размерам даже и несопоставимых с клетками бактерий, в самые настоящие бактерии, в «видимую под микроскопом микробную форму»[163] и об обратном переходе — из бактерий в вирусы. Бошьян объяснял, что, перед тем как микробной клетке превратиться в вирус (внеклеточная форма), микробы объединяются в кристаллы, а те уже распадаются на вирусы, и точно такая же кристаллизация непременно имеет место при обратном переходе – из вирусов в клетки. Превращения были будто бы обнаружены не только у вируса анемии лошадей, с которым работал Бошьян, но и у других вирусов и бактерий (эти «открытия» были сделаны его сотрудниками М. С. Шабуровым и М. П. Поповьянцем и — независимо от Бошьяна — С. С. Перовым, человеком, занимавшимся самыми разными научными вопросами на крайне примитивном уровне, но славным другим: по протекции самого В. М. Молотова он был принят в аппарат ЦК партии).

Бошьян заявлял, что все открытия сделаны им самостоятельно. Единственно, на кого он ссылался в качестве идейного предшественника, был И. В. Мичурин:

«В нашей социалистической стране учение великого преобразователя природы И. В. Мичурина создало принципиально новую основу для управления изменчивостью живых организмов»[164].

Ссылаясь только на Мичурина, Бошьян допускал промах, позже стоивший ему научной карьеры: он старательно не цитировал Лысенко и старался создать впечатление о своей самобытности. Помимо находки превращения вирусов в бактерии и обратно он. по его мнению, совершил много других фундаментальных открытий, касавшихся кардинальных положений биологии.

Надо заметить без всякой иронии, что если бы любому ученому посчастливилось сделать в жизни хотя бы одно из названных Бошьяном открытий, то его имя осталось бы навсегда прославленным в науке. Весь же набор «открытий», перечисленных им, был настолько уникален, что, без сомнения, книга Бошьяна должна была бы рассматриваться как самая выдающаяся во всей истории человеческих знаний. Поэтому волей-неволей нам придется хотя бы назвать все экстраординарные открытия Бошьяна, а чтобы не показаться голословными, лучше всего изложить их словами самого автора. Да и надо отдать должное Геворгу Мнацакановичу: он не ходил кругами, не юлил и не отягощал себя сомнениями, а четко, по-военному рапортовал о своих творениях. Итак, предоставим слово самому Бошьяну.

Открытие ПЕРВОЕ: «Установившееся у микробиологов представление, что переход вирусов в микробы невозможен, принципиально неверно и в своей основе метафизично. Результаты наших работ... опровергают это представление»[165]. «Микробная клетка состоит из тысяч вирусных частиц, каждая из которых может дать начало новой микробной клетке»[166]. «Добиться превращения вирусов в микроорганизмы далеко нелегко, для этого необходимо постепенное «приручение» вирусов к данной питательной среде»[167].

Открытие ВТОРОЕ: «Наши эксперименты показывают ошибочность утверждения, что вирусы могут развиваться только в присутствии живых клеток... вирусы с большим успехом развиваются в плазме крови, в сыворотке и соках тканей и органов»[168]. «Вирусы могут развиваться на искусственных питательных средах...»[169]

Открытие ТРЕТЬЕ: «До сих пор существовало представление, что бактерийные аллергены... являются мертвыми составными частями микробных клеток. Работая

с аллергеном — анемином, мы убедились, что из всех его серий... можно вновь выделить исходную микробную культуру возбудителя анемии лошадей»[170].

Открытие ЧЕТВЕРТОЕ: «Представление д'Эрреля о бактериофаге как о самостоятельном ультрамикроскопическом паразите бактерий оказалось ошибочным»[171].

Открытие ПЯТОЕ: «...современное представление о мертвой природе антибиотических веществ ошибочно и научно не обосновано. Антибиотические вещества представляют собой не что иное, как фильтрующуюся форму тех микроорганизмов, из которых они получены»[172].

Открытие ШЕСТОЕ: «...старое представление о стерильном иммунитете оказалось ошибочным. Всякий иммунитет против любой инфекции является нестерильным, инфекционным иммунитетом»[173].

Открытие СЕДЬМОЕ: «Из раковых опухолей выделены микробные клетки... Из... сыворотки крови трех больных с карциномой желудка и двух с карциномой слизистой рта и мочевого пузыря, а также фильтрата опухоли грудной железы была получена однородная культура мелких палочек»[174].

Открытие ВОСЬМОЕ: «Выделение живых микробов из считавшихся ранее стерильными препаратов... опровергает результаты известных опытов Луи Пастера по этому вопросу»[175].

Согласитесь, назвать второстепенными приведенные выше выводы никак нельзя. Отвергались представления, считавшиеся фундаментальными и в вирусологии, и в микробиологии, и в иммунологии, и в теории рака, и как следствие — в ветеринарии и многих других практических дисциплинах. Объявлялись безусловно ошибочными заключения армии ученых — биологов и медиков, и в их числе Луи Пастера и Феликса д'Эрреля — столпов науки, признанных во всем мире, и не просто признанных, а сформулировавших правила, положенные в основу современной медицины.

О всех открытиях Бошьян повествовал легко и непринужденно. Собственно, никаких аргументов в обоснование своих тезисов он не приводил. В книге отсутствовали такие разделы, как описание методов работы, не приводился список литературы, хотя автор сыпал фамилиями коллег и предшественников, и многие из этих ссылок были столь интригующими, что специалисты наверняка захотели бы посмотреть сами источники, на которые опирался Бошьян. Текст сопровождали неясные мик-

рофотографии, сделанные с помощью слабенького микроскопа, с изображением мелких пятнышек, кристалликов, каких-то темных частичек. Пояснения под снимками гласили, что это — микробные клетки, образовавшиеся из вирусов или еще находящиеся в процессе такого преобразования. На многих фотографиях вообще ничего нельзя было разобрать, но в подписях утверждалось, что перед нами «общий вид кристаллов микробной культуры, выделенной из вируса ящура», или «зернистая форма возбудителя инфекционной анемии лошадей». Обязательные для научной монографии (а книга Бошьяна именовалась именно так!) детали, методики обследования животных. отбора проб, приготовления препаратов, микроскопической техники, постановки соответствующих контролей и т. п. не сообщались*. Естественно, сколько-нибудь изощренных методов автор избегал. Например, в его работе вообще не предусматривалось применять обязательные для вынесения столь ответственных выводов методы физико-химии, электронной микроскопии**, типирования форм с применением сложных методов иммунохимии.

Однако столь явные огрехи не помешали Бошьяну в спешном порядке добиться получения степени доктора наук — высшей в СССР ученой степени. Его выводы были объявлены в советской печати совершенно правильными и, сообразно их значению, — выдающимися.

Начало восхвалениям было положено публикацией статьи самого Бошьяна в «Литературной газете» с добавлением «От редакции»[176] (в это время отделом науки редакции заведовал «без лести преданный» Лысенко полуфилософ Марк Борисович Митин — обладатель высокого титула академика АН СССР, приобретший большую силу благодаря участию вместе с П. Н. Поспеловым и другими в составлении биографии

---

* В описываемое мною время Бошьяну была предоставлена почетная возможность выступить с публичной лекцией в самой большой по тем временам аудитории — Центральном лектории Политехнического музея в Москве. Лектору было прислано много записок с вопросами, и в одной из них, подписанной весьма уважаемым ученым, имя которого Бошьяну, конечно, было хорошо известно, задавались каверзные вопросы о методических промахах его исследования. Бошьян пытался что-то возразить, но породил этим только еще большее число вопросов, выкрикиваемых теперь прямо с места. Кончилось это комично. Бошьян в сердцах произнес: «Что вы ко мне придираетесь? У меня есть официальная бумага с печатью министерства, в которой мои методы одобрены!»

** Первые просвечивающие электронные микроскопы были построены в 1938 году фон Арденне в Германии и в 1942 году В. К. Зворыкиным в США. В начале 50-х годов их успешно использовали для изучения вирусов. Ссылки на то, что у Бошьяна могло не оказаться доступа к таким микроскопам, несостоятельны, ибо без использования методов, абсолютно необходимых для того, чтобы сделать данный вывод, никто не в праве говорить о нем, как о доказанном.

И. Сталина[177]). В этой вводной заметке книгу Бошьяна аттестовали высоко, она якобы

> «...вызвала живой интерес... Положения, выдвинутые в этом труде, заставляют коренным образом пересмотреть существующие представления о природе фильтрующихся вирусов и микроорганизмов, об изменчивости микробов»[178].

Панегирик был опубликован в «Литературной газете» 20 апреля 1950 года, 6 мая восхваления Бошьяна в этой газете были продолжены, а уже 22 мая на совещании по живому веществу Лепешинская назвала Бошьяна среди тех, кто, по ее мнению, развил и расширил «учение о живом веществе». Лепешинская рассматривала его как революционера в науке, истинного продолжателя славных традиций, настоящего марксиста-ленинца. Она так усердствовала в прославлении Бошьяна, что не боялась ставить свое и бошьяновское имена в опасной близости от имен классиков марксизма-ленинизма:

> «Учение Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина помогает исследователю предвидеть возможные изменения в природе, строить те или иные гипотезы и предположения, проверять их и превращать в доказанную теорию.
>
> Руководствуясь учением этих великих гениев науки, мы реализуем теоретические положения Энгельса в повседневной экспериментальной работе. Мы работаем над проблемой происхождения клеток из живого вещества более пятнадцати лет, и до сих пор наши данные еще никем экспериментально не опровергнуты*, подтверждения же, в особенности за последнее время, есть (работы Сукнева, Бошьяна, Лаврова, Галустяна, Макарова, Невядомского, Морозова, Гарвея, Гравица**)»[179].

---

* Эта фраза «ЕЩЕ НИКЕМ экспериментально не опровергнуты» наводит меня на мысль, что Лепешинская в глубине души отлично знала истинную цену своим открытиям и жила в ожидании минуты, когда разоблачение наступит. Не отсюда ли проистекала ее неуемная страсть к постоянным ссылкам на классиков марксизма-ленинизма, которые, по ее мнению, никогда не будут отвергнуты и потому могут считаться лучше всякой палочки-выручалочки: соответствуют внешне твои высказывания марксизму-ленинизму — значит, ты прав во веки веков. Невдомек ей было, что и пяти лет не пройдет, как главного из ее защитников — Сталина вычеркнут из числа классиков марксизма-ленинизма вполне официально.

** Кое-кто из упоминаемых Лепешинской ученых вначале выступал против ее «открытий». Так, подпись профессора П. Макарова стояла первой в «Письме 13-ти» в газете «Медицинский работник» в 1948 году (см. прим. [61]). Но П. В. Макаров, так же как и другой упомянутый Лепешинской цитолог и гистолог Ш. Галу-

Еще через две недели, 8 июня 1950 года, в газете «Медицинский работник» была опубликована статья профессора Г. П. Калины — автора сходных с бошьяновскими представлений о превращении микробов. В ней Калина называл книгу Бошьяна «выдающимся явлением в научной жизни нашей страны, да, пожалуй, и в мировой науке»[180]. В июле о работах этого специалиста с большим воодушевлением писал в «Огоньке» корреспондент Н. Иванов[181]*, а в августе в журнале «Новый мир» появился очерк кандидата биологических наук Ю. И. Миленушкина «Новое в науке о жизни»[182].

В этом же году благожелательные рецензии на книгу Бошьяна появились в нескольких научных журналах. В превосходных тонах о его якобы огромном вкладе в науку писали медики (И. С. Грязнов), микробиологи (Я. И. Раутенштейн, Н. Д. Иерусалимский), и другие[183]. Правда, некоторые замечания в адрес разбираемой книги, как это всегда делается в научных рецензиях, были высказаны. Раутенштейну, например, не понравились рассуждения Бошьяна об антибиотиках как живых существах; Иерусалимский попенял Бошьяну за некритичность и «преждевременную канонизацию еще не вполне разработанных положений»; Ф. Гринбаум нашел несколько мелких недочетов. В целом же Бошьян мог купаться в лучах славы.

Однако решающим было то, что высочайшая оценка книге Бошьяна была дана в главном партийном журнале «Большевик»[184]. Все, о чем говорилось в этом издании, должно было рассматриваться как директива, как принципиальная установка. Поэтому как приказ звучали слова о срочной необходимости

> «...мобилизовать микробиологов на интенсивное изучение связей между миром вирусов и миром клеточных форм бактерий, отделенных до сих пор в науке друг от друга глухой стеной»[185].

Авторы статьи высказывались вполне определенно о том, что провозглашенные Г. М. Бошьяном закономерности незыблемы

стян, вывернулся на 180 градусов. Легко представить, с какой радостью Лепешинская вписывала их фамилии в перечень тех, кто солидаризировался с ней, отступив от правды. Силен же был напор, если так ломались души, забывалось понятие о принципиальности ученого, наконец, о чести и незапятнанном имени.

* В своей статье Иванов рассказывал о том, что Геворг Бошьян до 14 лет не был обучен грамоте, лишь в 20 лет закончил девять классов средней школы, затем четыре года учился в Ереванском ветеринарном институте, а потом какими-то хитрыми путями пробился в аспирантуру ВИЭВ Но все-таки по-русски он выражался складно и внешне производил вполне благоприятное впечатление (личное сообщение профессора Н. А. Магасаника): говорил спокойно, мог без видимого труда формулировать достаточно длинные предложения и вообще хищником не выглядел.

и навсегда вошли в сокровищницу научных знаний. Они утверждали:

> «Нет сомнений, что теперь... окончатся робкие блуждания вокруг этого вопроса»[186],

и выражали убеждение еще в одном — чрезвычайно важном для всех людей вопросе — скором изменении практики лечения людей и сельскохозяйственных животных на основе открытий Бошьяна:

> «Дальнейшее изучение этих (неклеточных. — *В.С.*) форм жизни имеет исключительное значение для практики здравоохранения, для изыскания новых методов профилактики, диагностики и лечения инфекционных болезней»[187].

XIII

РАЗРАСТАНИЕ ЛЕПЕШИНКОВЩИНЫ

> Мы переживаем время, которое несомненно представляет самое полное осуществление ликующего бесстыдства. Бессовестность, заручившись союзом с невежеством и глупостью, выбросила на поверхность целую массу людей, которые до того упростили свои отношения к вещам и лицам, что, не стесняясь, возводят насилие и хищничество на степень единственных жизненных регуляторов.
>
> *Чужую беду — руками разведу*
> *М. Е. Салтыков-Щедрин*

Сегодняшним читателям трудно, наверное, понять, зачем понадобилось людям типа академика С. Е. Северина восхвалять Лепешинскую и ее идеи, которые они, конечно, наедине с собой иначе как бредовыми называть не могли. Чтобы понять их, нужно объяснить, как слаб бывает человек, как влияла атмосфера тех лет на поступки людей и учила их уму-разуму, как страх потерять работу или, хуже того, оказаться в лагере диктовал многим из них соответствующий «модус вивенди». Кое-кто, оглядевшись внимательно вокруг, понимал, что для того, чтобы преуспеть в занятии «тепленьких» мест и в получении жизненных благ, нужно ловко, без особого нажима, но и планомерно приторговывать совестью, идеалами, знаниями Из среды таких людей отбирались директора институтов, заведующие кафедрами, которые потом уже сами присматривались к молодым, искали покорных и исполнительных. Так шел социальный отбор под присмотром партийных начальников. Так получалось, что находились люди, вполне готовые к тому, чтобы без раздумий и копания в душе восхвалять бредовые идеи.

В то же время второстепенные специалисты, не пригодные для нормальной исследовательской работы и генерирования продуманных идей, чувствовали себя в складывающихся условиях как хищная рыба в мутной воде. Примитивные домыслы Лепешинской, для усвоения коих не требовалась изощренная работа мозга, а для «подтверждения» годилась любая кухонная самодеятельность, стали богатой питательной средой для роста по всей стране «научных» центров по изучению живого вещества.

Весной 1952 года Лепешинская получила разрешение созвать второе Всесоюзное совещание по живому веществу. В его организации ей помогли вице-президент АМН СССР Жуков-Вереж-

ников и заместитель по институту И. Н. Майский[188]. 22 апреля 1952 года Лепешинская открыла это совещание докладом «Клеточная теория на новом этапе развития»[189]. В нем, как и раньше, упор делался на исходную и главенствующую для всех лысенкоистов позицию — внешнее соответствие господствующей в стране коммунистической идеологии. Утверждалось также, что «новая клеточная теория» повсюду победила и триумфально развивается[190], а в связи с этим давались задания представителям смежных дисциплин — биохимии, физиологии и др.[191]. Конечно, в поучениях Лепешинской содержался такой вздор (вроде «необходимости изучения образования нуклеиновых кислот в белке»; или: «более скрупулезного анализа перехода одних нуклеиновых кислот в другие» — в развитие «открытия» А. Н. Белозерского об исчезновении на некоторых этапах жизни клеток молекул ДНК и появлении вместо них молекул РНК), что грамотным специалистам становилось от этого не по себе. Но литавры гремели, трубы трубили, а под их звуки Лепешинская утверждала:

> «...нами получены бесспорные данные о происхождении клеток из живого вещества»[192].

Ее дочь за это время, по словам Лепешинской, также добилась огромных успехов, доказав существование в природе «кристаллизации бактерий и простейших»[193], хотя ни дочь, ни мать даже смутного понятия о том, как надлежит изучать процессы кристаллизации, не имели. Это не мешало, впрочем, делать радужные выводы:

> «Эти работы... открывают перспективы для изучения роли кристаллов в происхождении жизни»[194].

Попутно Лепешинская сообщала в том же лихом стиле о крушении многих «обветшавших», как она выразилась, «догм». В частности, она известила, что теперь отвергнут как заблуждение хорошо установленный (и, кстати, по сию пору незыблемый) факт исключительно трудного процесса образования заново нервных клеток в созревших организмах животных:

> «И. И. Римпан представил интересные данные о том, что нервные клетки размножаются в организме так же, как и все прочие клетки»[195].

И все-таки, несмотря на победный тон, которым были пропитаны многие выступления на втором совещании по живому

веществу, любому стороннему взгляду не могла не открыться одна поразительная черта этого научного форума. Хотя с момента «исторического поворота» к признанию «теории живого вещества» прошло два года, «учение» не изменило своей сути, не обросло более добротными фактами. Армия новообращенных в лепешинковщину предпочла расползаться плесенью по поверхности, а не стремиться к более углубленному изучению явлений. Те же некритические новации фигурировали и на этот раз.

У сотрудника Ленинградского университета К. М. Завадского молодые делящиеся клетки растений (меристематические клетки) якобы возникали из не видимого автору, но уверенно постулируемого им «живого вещества»[196]. У рязанского профессора Л. С. Сутулова никем не виденное живое вещество будто бы превращалось в лимфатические клетки, а из них далее формировалась соединительная ткань[197]. Одесский профессор, заслуженный деятель науки РСФСР В. В. Авербург поведал о том, как бациллы туберкулеза способствовали трансформации (превращению) других, непатогенных клеток в патогенные в присутствии живого вещества[198]. Член-корреспондент АМН СССР Н. И. Зазыбин из Днепропетровского медицинского института шел еще дальше и произносил явную нелепость о новообразовании нервных волокон из живого вещества[199].

Отдельное заседание было посвящено обсуждению новаторской по форме идеи о превращении живого вещества в раковые клетки. Участники этого заседания принялись с завидным единодушием твердить о будто бы вполне реальной и ими даже наблюдавшейся картине возникновения опухолей из «бесклеточного живого вещества»[200]. Особенно грустно отмечать, что, наряду с людьми, в науке пока не искушенными, те же абсурдные заключения были сделаны рядом вполне грамотных онкологов, ученых с именами и высокими титулами[201].

Кандидат биологических наук Л. П. Липчина сделала сообщение на еще одну «животрепещущую тему» — как могут возникать ядра клеток[202]. Она будто бы наблюдала в опухолевых клетках драматичный процесс: из хромосом выделялась часть вещества (было сказано, что это — нуклеопротеиды), затем исторгнутые из хромосом нуклеопротеиды выбрасывались из ядра в протоплазму клеток, а за сим следовало

> «новообразование ядер путем обособления содержащихся в протоплазме нуклеопротеидов»[203].

Разумеется, в 1950-х годах ученые не знали и сотой части того, что сегодня известно, например, о системе двуслойных

фосфолипидных ядерных мембран с встроенными в них белками — либо пронизывающими мембраны, либо прикрепленными к ним с двух сторон. Не было известно в деталях, как сложно устроены хромосомы, но уже и тогда объем накопленных данных и о самом ядре, и о находящихся в нем хромосомах, о хорошо изученном к тому времени механизме расхождения хромосом по полюсам ядра в период деления клеток (митоза и мейоза) не позволял даже во сне увидеть столь примитивную картинку, какую нарисовала Лина Пименовна Липчина в своем выступлении. Так непрофессионально объяснять процессы распада и образования заново ядер образованный ученый не мог. В то время Липчина считалась хорошим специалистом в своей области, и остается думать, что она была по меньшей мере неискренна в своих высказываниях и публикациях.

Когда такие высказывания читаешь сегодня, невольно начинаешь думать о степени морального падения, царившего в то время. Эта психологическая драма личности, принужденной волей обстоятельств заменять научные истины на выдуманные, только чтобы понравиться новой фаворитке Сталина и Лысенко (вместо того чтобы рискнуть, но попытаться отстоять научные взгляды, а с ними и чистоту своего имени), поразительна.

Во время работы над книгой «Власть и наука» я старался найти материалы, которые бы показали, каким было поведение разных людей во времена расцвета квазинаучного мракобесия под давлением партийного диктата. Анализ этот показал, что в, казалось бы, безвыходной ситуации всегда находились (пусть небольшое число, но находились!) люди, для которых чистота их репутации перевешивала страх возможных (они, наверное, понимали — неотвратимых) репрессий. Ни разу, ни при каких обстоятельствах Н. К. Кольцов, П. Н. Константинов, А. А. Сапегин, И. А. Рапопорт, В. П. Эфроимсон, В. Я. Александров, Д. А. Лебедев, В. С. Кирпичников и еще десятки и сотни других ученых не покривили совестью и с открытым забралом шли на бой с Лысенко и его сторонниками, на самых ответственных научных собраниях говорили правду, нелицеприятную правду, жестокую для ушей Лысенко правду.

Неожиданным для меня итогом этого анализа стал факт, что чем выше стояли в административном плане эти люди, тем прочнее они себя спасали от репрессий. Из приведенного выше списка биологов только Сапегин провел два года в тюрьме и Эфроимсон был трижды арестован и провел много лет в разных лагерях и тюрьмах. Остальные убереглись от тюрем, хотя многие из них, а может быть, и все были вызываемы на допросы и жили под страхом ареста годы и годы. Ведь то, что

они были в оппозиции к любимцам репрессивной системы, было всем известно. Значит, нельзя говорить о том, что «чаша сия неминуема» и что нельзя было избежать того, чтобы не покривить совестью.

И в истории лепешинковщины не все ученые легко шли на сделку с совестью. Ленинградский биохимик Соломон Абрамович Нейфах, тогда еще доктор наук (ныне член-корреспондент АМН СССР), боясь остаться без работы, решился принять участие в совещании лепешинковцев (видных ученых на него усиленно зазывали, все-таки это помогало укреплению престижа лысенкоистов), но сделал строгий и по форме и по существу доклад о действительно новых фактах[204].

В отличие от него другой крупный ленинградский ученый — цитолог Михаил Сергеевич Навашин в докладе «О живом веществе при процессе воспроизведения у растений» (равно как и в статье «О роли неклеточного живого вещества в процессе воспроизведения у растений»[205]) счел за благо отвернуться от своих прежних взглядов, предал ту науку, которой посвятил не одно десятилетие своей жизни, и принялся славословить Лепешинскую, приговаривая при этом:

> «Согласно господствовавшим до недавнего времени метафизическим представлениям, способность воспроизводительных клеток служить основой нового онтогенеза объяснялась наличием в них вечно юной и неизменной «зародышевой плазмы», не подвергающейся воздействию «бренного тела» организма... Не менее ошибочным было представление... о «редукционном» делении. Это представление не нуждается даже в критике, так как известны многочисленные виды растений, совершенно утратившие свойство редукционного деления»[206].

На деле никаких установленных фактов, подкреплявших его точку зрения, обнародовано не было. И если такое говорил признанный авторитет цитологии, то чего же было ждать от молодых людей, только входящих в науку? Правда, надо заметить, что устные и печатные выступления Навашина лишь злили Лепешинскую, и она продолжала, как и в давние времена (еще с 1937 года), нападать на новоявленного Иуду, обвиняя его, например, в недостаточном переходе на ее рельсы[207].

С восторгом были встречены на совещании действительно сенсационные «открытия», сообщенные доцентом Кишиневского мединститута Н. Н. Кузнецовым[208]. Он вшивал в брюшную полость собак и кошек куски брюшины, взятые из облас-

ти слепой кишки крупного рогатого скота. Перед вшиванием будущий трансплантат убивали — обрабатывали формалином, 70%-ным спиртом, затем стерилизовали в автоклаве и высушивали. Но живое вещество потому и живое, что его ничем не убить! Комплекс процедур, губительных для живых тканей, нисколько, по заявлению автора, не сказался на живом веществе, а, значит, позволил убитой брюшине через некоторое время ожить.

> «...она сохраняет... полную жизнеспособность... в ней возникают новые сосуды, которые через анастомозы переходят в сосуды подслизистой оболочки»[209].

По предложению Жукова-Вережникова[210], председательствовавшего на Совещании, в постановление, принятое собравшимися, был внесен отдельный пункт об этой работе, гласивший, что в ней установлено «важное значение биологической стабилизации чужеродной ткани... в чужеродном организме»[211]. (Не зря, видимо, в те годы ходила шутливая расшифровка аббревиатуры АМН — АКАМЕДИЯ!).

Другой первопроходец лысенкоизма — М. М. Невядомский пришел к иному «открытию»: обнаружил, что вирусы (то есть бесклеточные образования) способны с помощью живого вещества превращаться в «лимфоцитоподобные» клетки. Объясняя, что собой представляет такая «клетка», новатор говорил:

> «Она кругла, в ней нет никакой структуры и нет цитоплазмы»[212],

оставляя слушателей в неведении, что же это за клетки без цитоплазмы и без видимой структуры и чем они походят на лимфоциты. Чудеса на этом не кончались. По мнению Невядомского, из этих образований и возникают раковые опухоли.

Лепешинская выдвинула несколько новых требований к научной общественности[213]. Постановление совещания[214], содержавшее пункты о всех упомянутых выше антидостижениях, утвердил Президиум Академии наук СССР, издав свое постановление по поводу совещания и подчеркнув два момента:

> «Дальнейшее развитие новых принципов клеточной теории и борьбу с остатками вейсманистских, морганистских и вирховианских взглядов... необходимо считать одной из важнейших задач»[215]

и

> «Работа по живому веществу ведется недостаточно... Работа по перестройке цитологии, гистологии, эмбриологии, микробиологии, патологии и биохимии признана недостаточной»[216].

Многие журналы дали информацию об этом совещании[217].

Вскоре после совещания Лепешинскую еще раз восславил А. Н. Студитский — заведующий лабораторией в академическом институте и активный партийный функционер, работавший то в редакции газеты «Правда», то в аппарате ЦК партии. В 1949 году он приобрел и в СССР и на Западе популярность статьей о якобы вредительской сущности генетиков, названной «Мухолюбы — человеконенавистники». Теперь он писал:

> «Представление о живом веществе является одним из тех плодотворных научных представлений, которые обогащают материалистическую основу естествознания, сообщая могучий толчок его развитию»[218]*,

и с полным пониманием сути вопроса продолжал:

> «Таков важнейший результат могучего, руководящего, идейного влияния мировоззрения партии Ленина-Сталина»[221].

Еще после первого совещания 1950 года руководители науки Страны Советов пошли навстречу создательнице «новой теории». Президент АН СССР С. И. Вавилов, брат замученного в сталинских застенках великого биолога Николая Ивановича Вавилова (см. о нем книги Марка Александровича Поповского[222] и Семена Ефимовича Резника[223]), видимо, боявшийся ослушаться Сталина и потому благоволивший к лысенкоистам всех мастей и рангов (недаром А. И. Солженицын писал в «Архипелаге

* Как бы невзначай, мимоходом, этот «профессор» давал самому сложному в жизни клетки периоду – делению хромосом и ядра такую непрофессиональную даже для тех дней оценку:

> «...деление клеток тривиальнейший вопрос, в котором вирховианская догма искала главную опору»[219].

До начала 90-х годов А. Н. Студитский возглавлял редколлегию журнала АН СССР «Успехи современной биологии», публиковал статьи и книги, входил в состав редколлегий других изданий и т. п. В 1981 году в издательстве «Наука» он же издал книгу «Эволюционная морфология клетки», изобиловавшую огромным количеством ошибок и построенную на лысенковских догмах. Книга подверглась в печати уничтожающей критике[220], но когда во Всесоюзном обществе анатомов, морфологов и гистологов устроили ее обсуждение, и Л. И. Корочкин, Н. Н. Воронцов и В. Н. Сойфер выступили с разбором ошибок, Студитский, как в старые времена, стал пугать аудиторию и его критиков политическими выпадами.

ГУЛАГ» о душевной слабости этого человека и называл его «лакейским президентом»), поставил свою подпись под резолюцией, в которой были такие фразы:

> «...пересмотреть программы и учебники по общей биологии, гистологии, цитологии и другим дисциплинам с целью устранения идеалистических представлений в этих областях знаний[224]...
>
> ...предложить редакционным коллегиям биологических журналов АН СССР подвергнуть критике защитников вирховианства»[225].

Аналогичные приказы и распоряжения издали президент АМН СССР, министры высшего образования, просвещения, здравоохранения, сельского хозяйства и чины рангом пониже.

Теперь после второго Совещания ближайший сотрудник Лысенко — В. Н. Столетов, один из организаторов Августовской сессии ВАСХНИЛ, ставший в эти годы министром высшего образования СССР, подписал 13 августа 1952 года приказ № 1338, озаглавленный «О перестройке научной и учебной работы по гистологии, эмбриологии, микробиологии, цитологии и биохимии в свете теории О. Б. Лепешинской о развитии клеточных и неклеточных форм живого вещества».

И прежние и новые приказы требовали немедленного включения в учебные пособия и лекции студентам во всех биологических, медицинских, сельскохозяйственных и ветеринарных институтах данных и выводов Лепешинской, изменения всех учебников для школ, отмены всего, что хоть в малейшей степени не согласуется с утверждениями лысенкоистов.

Опять пошли массовые увольнения с работы лучших специалистов, чудом сохранившихся в пору чистки сорок восьмого года.

Не сдерживаемая более критикой грамотных ученых, Лепешинская развернулась во всю ширь. На опыты, на постановку новых задач, воспитание кадров времени уже не было, да она к этому и не тяготела. Теперь задача изменилась: одну за другой в самых разных издательствах страны она начала выпускать свои книги, содержавшие один и тот же текст, перетасованный лишь для видимости. Появились и славословящие ее книжки[226].

Конечно, небольшие коррективы в один и тот же «канонический» текст, в зависимости от обстановки, она вносила. Так, в книжку, изданную в серии «Библиотека солдата», она наряду с трафаретными фразами о том, как хорошо воспринимают ее учение в странах социализма и как «зажимают» ее

«труды» в капиталистических странах, вставила следующее размышление:

> «Подобная работа могла быть выполнена только в Советской стране, где передовая революционная наука окружена заботами партии и правительства и направляется нашим вождем, дорогим, всеми любимым, величайшим ученым товарищем Сталиным.
>
> В многочисленных письмах, получаемых из стран народной демократии и Китайской Народной Республики, видно, что новая теория встречена с большим интересом. Во всех этих странах переводится и издается книга «Происхождение клеток из живого вещества».
>
> Как сообщает профессор университета в Брно Ф. Герчик, в различных лабораториях Чехословакии – в Праге, Братиславе и Брно — с успехом удалось повторить наши эксперименты с яйцами птиц и гидрами.
>
> Совсем не то наблюдается в капиталистических странах. Фашиствующие мракобесы от науки не только в США, но и в Англии, Франции, Бельгии, Италии и других странах умышленно замалчивают выдвинутые советскими учеными проблемы биологической науки. Однако и через железные занавесы, искусственно создаваемые в странах, где над всем царствует доллар, просачиваются сведения о новом открытии советской науки»[227].

По всей стране в эти годы шел фильм «Суд чести», прославлявший героев типа Лепещинской и Бошьяна и клеймивший их «беспринципных гонителей», за каждым из которых угадывались черты действительно выдающихся ученых*. В театрах шла

* На Центральной студии научно-популярных фильмов режиссер В. А Шнейдеров (позже организатор и ведущий (1960 1973) «Клуба кинопутешествий» на Центральном телевидении) в 1951 году решил снять полнометражный документальный фильм «У истоков жизни» – о Лепешинской и Опарине. В это время молодой биолог А. А. Нейфах окончил аспирантуру Института морфологии животных, но не был оставлен в штате института, и тогда директор института член-корреспондент АН СССР Г К Хрущов рекомендовал его Шнейдерову на должность экспериментатора в съемочную группу фильма. Ему поручили воспроизвести опыты Лепешинской по зарождению клеток из растертых до кашицеобразного состояния гидр. Однако никакого «зарождения», сколько не повторяли, не получалось Просто на богатой питательной среде прекрасно размножались посторонние бактерии и грибы. Тогда Нейфах, чтобы спасти фильм и себя тоже, пошел на хитрость. В кашицу он капнул убивающий живое формалин... и тогда под микроскопом из-за протекания чисто физико химических реакций кашица начала просветляться, в ней стали проглядывать какие-то округлые скопления, оседавшие на предметных стеклах. Операторы засняли этот процесс, не имевший никакого отношения к зарождению живых клеток, и

пьеса «Когда ломаются копья» по пьесе Н. Погодина на ту же тему и о тех же героях. Писатель Вадим Сафонов, специализировавшийся на прославлении лысенкоистов (за книгу о Лысенко «Земля в цвету» он даже удостоился Сталинской премии), выпустил книгу «Первооткрыватели», отдельная глава которой «Бесстрашие» была посвящена Лепешинской. Главу открывали строки:

> «Прекрасна и поучительна жизнь Ольги Борисовны Лепешинской, старого большевика, гражданина города Москвы, замечательного ученого нашей страны»[228].

Лепешинская, как и многие другие лысенкоисты, старалась предложить себя в качестве деятеля государственного масштаба, в чем ей партийные власти пошли навстречу: ее внедрили в качестве депутата в Верховноый Совет РСФСР, ввели в состав многих важных государственных комиссий, ученых советов.

В это время особо пристальное внимание было обращено на переориентацию учителей-биологов и преподавателей высшей школы. Но нужных материалов под рукой не было. Известно, как медленно и натужно идет дело при издании книг, как уходят годы на то, чтобы вставить уже написанную книгу в план изданий, пройти этап редакционной подготовки рукописи, сколь долгим оказывается время набора текста в типографии и т. п. Но лысенкоисты проявляли настоящие чудеса. Под их напором сразу несколько книг для учителей, школ и вузов вышло в тот же год. В чем люди типа Лепешинской знали толк, так это в умении «чудесно» обходить все препоны, губительные для обычных ученых. Препоны вовсе для них не существовали.

Среди вышедших весной 1952 года пособий был объемистый том с материалами для преподавателей — «Внеклеточные формы жизни»[229]. В нем вслед за огромной статьей самой Лепешинской[230] шли статьи ее последователей. Лепешинская снова нападала на генетику и цитологию:

фальсификация была выдана за реальное происхождение клеток.

Когда Г. К. Хрущову, числившемуся научным консультантом фильма, показали отснятый материал, он искренне удивился (так как хорошо понимал, что видит фальшивку) и обратился к бывшему аспиранту Нейфаху:

— Саша, как же вы умудрились это заснять?

Нейфах решил разыграть популярную в СССР комедию с «секретами» и ответил:

— Григорий Константинович! Я при всех сказать не могу. Я тут использовал маленький научный секрет.

Конечно, воздействие такого кинофильма на широкие массы было огромным. Никому и в голову не приходило задуматься, а не обманывают ли их. (*Личное сообщение доктора биологических наук А. А. Нейфаха, декабрь 1986 г.*).

«Клеточная теория Вирхова легла в основу учений формальных генетиков Вейсмана, Менделя и Моргана, вреднейшего учения, на основе которого выросла человеконенавистническая расовая теория, оправдывающая все зверское поведение фашистов»[231].

Жившая на Западе несколько лет и знавшая немецкий язык Лепешинская не могла не быть в курсе того, что идеологи фашизма, такие, как Геббельс, нарочно обманывали обывателей, когда утверждали, что именно генетики (в особенности немецкий биолог Ленц) обосновали правильность принудительной стерилизации и истребления неполноценных наций. В послевоенные годы, как раз в то время, когда Лепешинская писала приведенные выше фразы, генетики — сторонники Вейсмана, Менделя и Моргана делали за рубежом все возможное, чтобы показать правительствам, широким кругам интеллигенции и общественности во всем мире, как ошибочен был курс на истребление наций (прежде всего евреев и цыган в фашистской Германии), якобы основанный на научных доказательствах. Ссылки на имеющиеся доказательства совпадения взглядов фашистов и представителей евгеники были также фальсифицированными, но повторение этих осуждений евгеников привели к тому, что сегодня само слово «евгеника» воспринимается в научном мире негативно.

В наши дни, когда благодаря достижениям генетики разработаны методы лечения наследственных болезней, применяемые уже на сотнях тысячах пациентов, когда сотни миллионов людей многократно в течение жизни проходят обследования, ставшие возможными благодаря прогрессу генетики, только разве как насмешками над идеалами коммунистов можно рассматривать те места в статье Лепешинской, где она в очередной раз утверждала уникальность определенных социальных условий, при которых единственно возможно появление «учений», подобных ее детищу, — «новой клеточной теории»:

«В Советской стране не может быть такого отношения к передовой науке, какое имеется в буржуазных странах с их реакционными командными центрами официальной науки. У нас наука пользуется всемерной поддержкой со стороны партии большевиков, нашего правительства и нашего гениального вождя товарища Сталина»[232].

Та же идея проводилась в статье Жукова-Вережникова и соавторов, серьезно заявлявших:

> «Тот путь, по которому идут империалистические страны, ведет к вырождению, к гибели и саму науку.
>
> Но на земле есть страна, которая является оплотом настоящей науки. Эта страна — Советский Союз... Мощное развитие передовой биологии стало возможным только в условиях советского строя»[233].

И все-таки, несмотря на поток бравурных реляций, исторгавшихся и самой Ольгой Борисовной и ее восхвалителями по поводу успехов «нового учения», не все шло так, как бы им хотелось. Например, во время основного доклада на втором совещании с уст Лепешинской сорвались слова, выдавшие ее внутреннюю неудовлетворенность и даже тревогу по поводу того, что продвинуть исследования живого вещества на более глубокие уровни не удалось и что до полного триумфа еще далеко. Она вопрошала:

> «Почему же наши биологи, биохимики, физикохимики все еще мало работают в этой области? Ведь основное препятствие, которое мешало им работать, а именно: идеалистические вирховианские догмы уже устранены!»[234]

Произнеся эти слова в середине доклада, она не удержалась и через несколько минут снова вернулась к мучившему ее вопросу, но кроме риторических призывов к объединению усилий на «дружеской основе» ничего предложить не могла.

XIV

ДОБИТЬ ЛЕЖАЧЕГО!

> Мне чудилось (не то во сне, не то наяву), что невидимая, но властная рука обвила меня и неудержимо увлекает в зияющую пустоту. Я осознаю себя беспомощным и даже не пытаюсь сопротивляться загадочной силе, словно нечто роковое ждет меня впереди.
>
> *Забытые слова*
> *М. Е.Салтыков-Щедрин*

В свой актив Лепешинская могла теперь записать такое существенное достижение, как подавление открытой критики ее направления. В условиях жестокого диктата всякое публичное отвергание ее «идей» или работа в противовес им как в центральных научных, так и тем более в периферийных учреждениях стали невозможными. Такая «канализация» деятельности привела к безоговорочному запрещению работы по темам, не укладывавшимся в русло лепешинковщины, несмотря на то что еще десятилетием ранее многие из этих работ советских исследователей-биологов принесли славу отечественной науке.

Но оставалась еще одна важная задача: сломить даже скрытое сопротивление, окончательно добить своих бывших оппонентов, коих Лепешинская, отвергая нормы научной этики и переводя научную деятельность в разновидность политической борьбы, именовала теперь не научными оппонентами, а кратким и оскорбительным для ученых словом «ВРАГИ». Нужно было (в соответствии с апробированным широко на политических процессах противников Сталина методом) заставить их публично покаяться и отречься от своих убеждений и знаний. Создатели «новой клеточной теории» понимали, что, подвергнув себя публично экзекуции, измазавшись в грязи, любой ученый станет менее опасен, ибо морально сломленный человек вряд ли найдет в себе силы снова стать на путь борьбы.

В атмосфере репрессий эта задача оказалась в основном посильной для разрешения, что дало Лепешинской право во время второго совещания произнести такую тираду:

> «А как ведут себя враги новой клеточной теории? В настоящее время все последователи Вирхова, слепо защищавшие его идеалистическую теорию, в большинстве своем осознали свои ошибки и честно заявили об этом как в печати, так и в своих выступлениях на со-

браниях ученых. Сейчас они работают, руководствуясь новой клеточной теорией»[235].

Эта же ломка принципов была главной в последовавшем затем докладе одного из организаторов совещания И. Н. Майского[236]. Давая оценку состоянию исследований в стране, перечисляя лиц, внесших особо, по его мнению, важный вклад в решение этой проблемы, Майский говорил с уважением о том, какой недюжинный героизм проявила Лепешинская:

> «Только благодаря большевистской настойчивости и принципиальности О. Б. Лепешинская... смогла до конца довести борьбу... В этой борьбе ее вдохновляла поддержка лучшего друга ученых, великого Сталина»[237],

и указывал на успешные результаты выкручивания рук несогласным:

> «После прошедшего в мае 1950 г. совещания многие исследователи... отказались от своих взглядов... Некоторые из них — Н. Г. Хлопин и др. — выступили с заявлениями в печати об ошибочности своих прежних взглядов... Известны также статьи и выступления... с признанием изменения своих взглядов на работы О. Б. Лепешинской П. В. Макарова, Б. П. Токина, В. Я. Александрова, В. А. Догеля, Д. Н. Насонова, В. Михайлова, Ю. И. Полянского, Н. Гербильского»[210].

Перечь имен в этом списке звучал устрашающе для любого специалиста в стране и в особенности для биологов на периферии. Возможно, перечисли Майский только лиц типа Макарова или Токина — людей, конечно, видных, но все-таки очень уж популярных своей хамелеонистостью, и список не производил бы такого гнетущего впечатления. Но такие киты, как Догель, Насонов, Александров*? Если уж и они!... Тогда пиши — пропа-

* Валентин Александрович Догель (1882 1955) — сын крупнейшего русского гистолога А. С. Догеля. В. А. Догель выдвинулся в число выдающихся отечественных зоологов. Член-корреспондент АН СССР (избран в 1939 г.). За книгу «Общая протистология», опубликованную в 1951 г. и разруганную вскоре лысенкоистами, получил посмертно (1957 г.) Ленинскую премию.

Дмитрий Николаевич Насонов (1895 1957) — сын Н. В. Насонова — крупнейшего зоолога, академика Российской АН (позже АН СССР). Будучи учеником выдающегося физиолога академика Н. Е. Введенского, Д. Н. Насонов посвятил свою научную деятельность исследованию внутриклеточных событий, происходящих во время возбуждения клеток, их секреторной функции, вместе с

до... Видно, с силушкой не совладать, плетью обуха не перешибешь.

Однако эта фраза, напечатанная в отчете о совещании, хоть и была нужна Майскому, чтобы ошеломить несогласных и колеблющихся, на самом деле была лживой. Ни Насонов, ни его друг Александров свои прежние взгляды ошибочными не называли и в признании правоты Лепешинской не расписывались. Все было иначе.

Имеющиеся в моем распоряжении документы тех лет — письма Насонова в ЦК партии, выписки из стенограмм заседаний Ученых советов — позволяют детально разобраться в этой истории и — что гораздо важнее — воссоздать механику давления на ученых в тот период, который в конце 80-х годов Владимир Яковлевич Александров интеллигентно называл «трудными годами советской биологии».

Итак, вернемся снова в пятидесятый год и восстановим события такими, какими они были на самом деле. После завершения совещания в АН СССР в конце мая 1950 года сторонники Лепешинской решили сделать все возможное для того, чтобы срочно подавить всякое несогласие с взглядами их лидера. Особенно важной в этой связи рассматривалась задача искоренения крамолы в среде ленинградских ученых, открыто выступивших против Лепешинской с «Письмом 13-ти».

Через три недели после окончания совещания в Ленинград приехали Жуков-Вережников и Майский с какими-то таинственными полномочиями. Проследовав сразу в Институт экспериментальной медицины АМН СССР (ИЭМ), где работали многие из подписавших письмо, столичные визитеры заперлись в кабинете директора и приступили к уговорам. Как писал вскоре после этого Д. Н. Насонов в ЦК партии:

> «Приехавшие товарищи... сразу же принялись за «подготовку» предстоящего заседания Ученого Совета. Через наше партийное бюро мне было официально передано, что на объединенном совещании трех академий указывалось, что ученых, несогласных с О. Б. Ле-

В. Я. Александровым разработал теорию паранекроза и белковую теорию повреждения клеток. Избран в 1943 г. членом-корреспондентом АН СССР и в 1945 г. академиком АМН СССР. Удостоен Сталинской премии (совместно с В. Я. Александровым) в 1943 г.

Владимир Яковлевич Александров (1906–1995) — крупнейший советский цитофизиолог, основные работы в области радиационной цитофизиологии, цитоэкологии, создатель теории конформационной приспособляемости клеток к изменению окружающей среды. Автор книг, изданных в СССР, США и других странах, лауреат Золотой медали им. Мечникова АН СССР (1972 г.) и Сталинской (Государственной) премии (1943 г.).

> пешинской, следует устранять от занимаемых ими должностей...
>
> Далее мне сообщили, что вопрос, поднятый О. Б. Лепешинской, считается уже разрешенным, и никакие дискуссии и возражения допущены не будут, а что нам, выступавшим с печатной критикой, придется в той или иной форме покаяться.
>
> Наконец, вечером, за день до заседания, по-видимому по поручению приехавших из Москвы, со мною специально говорил один из старших товарищей по институту (секретарь парторганизации института – личное сообщение В. Я. Александрова. — *В. С.)*, уговаривая меня не критиковать О. Б. Лепешинскую, а ограничиться кратким признанием ошибочности наших прежних критических выступлений в печати.
>
> Однако я твердо решил говорить только то, что думаю...»[239]

21 июня 1950 года заседание Ученого Совета ИЭМ началось. Трех заведующих отделами Института Н. Г. Хлопина, Д. Н. Насонова и Б. П. Токина и заведующего одной из лабораторий В. Я. Александрова обвинили в том, что они не просто проводники, но и проповедники вирховианства. После этого, в соответствии с «правилами игры», от обвиненных ждали покаяния.

Токин прекрасно сыграл свою роль: его голос звучал искренне, он побичевал свои досадные заблуждения, заверил в том, что больше вести себя плохо не будет, и с миром был отпущен с кафедры. Еще более «самокритично» выступил академик Хлопин. Наступил черед Насонова. Он согласился с тем, что взгляды Лепешинской «ломают... установившиеся в науке положения»[240], и что такая ломка

> «представляет собой самую настоящую революцию и коренной переворот в наших основных представлениях. Это является сменой вех, вызывающей пересмотр основных положений всех биологических и медицинских дисциплин»[241].

Далее он сообщил, что разделяет диалектико-материалистическую философию и что, стоя на позициях таковой философии, ни от одного вопроса, в том числе и от взглядов Лепешинской, отмахиваться априорно нельзя до тех пор, пока не будет найдено «убедительных фактов в пользу этого решения». Остановившись в связи с этим на «Письме 13-ти», он сказал:

«...я думаю, что мы правильно поступили, когда выступили с критикой О. Б. Лепешинской... эта критика принесла некоторую пользу...»

«...крупность, грандиозность проблемы, которую выдвинула Ольга Борисовна Лепешинская, требует больших и исключительно убедительных доказательств... те аргументы, которые Ольга Борисовна предлагала, тогда казались нам неубедительными, недостаточными, мы требовали новых фактов, новых данных для того, чтобы эти положения были бы приемлемыми, чтобы можно было взять (их) на вооружение советской науки.

В последнее время... происходила соединенная конференция трех академий... Я был приглашен на эту конференцию, но, к сожалению, не мог попасть из-за болезни. Но вот, как мы сегодня слышали и как я знаю, такие крупнейшие исследователи и ученые, как Ник. Ник. Аничков, академик Павловский, академик Сперанский, проф. Хрушов, действ. член Академии медицинских наук Северин подтвердили правильность тех данных и фактов, которые приводит Ольга Борисовна в защиту своей точки зрения, и утверждают, что выставленные ею новые препараты вынудили их признать правильность ее теоретических положений и утверждений.

Мы не имеем оснований сомневаться в правильности их заявлений, вот почему это событие нашей научной жизни заставляет нас самым серьезным образом обратить внимание, пересмотреть наши старые позиции и наши старые доктрины о невозможности происхождения клетки из неклеточных субстратов»[242].

Вот каким было вытянутое из Насонова и на самом деле чисто формальное признание того, что НОВЫЕ данные, представленные Лепешинской и убедившие крупных специалистов в их правильности, изменили ситуацию. Конечно, это была вполне объективная позиция ученого, который уважает мнение коллег, считает, что названные им серьезные ученые не могли говорить на совещании неправду.

Заканчивая свое выступление, он сообщил, что факты, на которых настаивает Лепешинская, собирается перепроверить экспериментально:

«Само собой разумеется, что в настоящее время все мы должны будем самым серьезным образом заняться этими вопросами...

> Само собой разумеется, что крупной ошибкой в наших прежних выступлениях была чисто словесная полемика, ссылка на уже имеющиеся в науке факты и на отсутствие стремления самим приступить к решению вопроса в том или ином направлении, в том или ином смысле.
>
> Само собой разумеется, что эту ошибку нам нужно исправить и этими вопросами заняться»[243].

Выступивший за ним Александров говорил уже в обстановке обструкции. Стенограмма его выступления пестрит ссылками на голоса из зала, шум, вопросы, задаваемые с места (особенно старался профессор С. И. Гальперин, кричавший, что Александров «вводит аудиторию в заблуждение»). Александров же решил не изменять своего поведения и сказал:

> «...я целиком и полностью присоединяюсь к тем словам и к той оценке положения, которая была дана в выступлении Дмитрия Николаевича (Насонова. — *В. С.*), и разделяю вместе с ним желание принять участие в разработке вопросов, связанных с изучением жизнедеятельности в неклеточных структурах»[244].

Такой подход мог не на шутку напугать лысенкоистов. Ведь самый замечательный «подарок», преподнесенный критиками Ольге Борисовне, как раз и заключался в том, что они, отлично понимая цену всем ее высказываниям, не собирались тратить время на опровержение в лаборатории ее «выводов». Если бы они — изощренные экспериментаторы и знающие теорию люди — взялись за перепроверку, все «выводы» полетели бы очень быстро.

Не скрою, для меня всегда было и остается наиболее мучительным осознание моральной ломки, которой подвергались люди в эти страшные годы. Я нисколько не сомневаюсь, что подавляющее большинство грамотных специалистов отдавало себе отчет в том, что собой представляют лысенки, лепешинские, и, заявляя о согласии с ними под нажимом, кое-кто в душе наверняка проклинал себя за слабость. Но сложившаяся в стране обстановка уже научила всех нормам поведения.

Я был двухгодовалым ребенком, когда был арестован мой отец, и, естественно, позже я много раз старался при удобном случае расспрашивать маму о том, как это происходило, как тогда жили люди, что испытывали.

Когда недавно одна наша знакомая стала вспоминать, как все жившие в их многоэтажном доме в центре Москвы не спали

с середины 30-х годов каждую ночь, вслушиваясь в коридорные звуки, со страхом ожидая, у чьей двери остановится очередной наряд НКВДэшников, являвшихся по ночам арестовывать новые жертвы, я не услышал что-либо для себя нового. Точно так же жили все эти годы мои родители и соседи в шестиэтажных унылых корпусах «Домов Коммуны» в Горьком, так же жили и во всех других домах по всей стране.

Когда дочь расстрелянного замнаркома земледелия СССР А. И. Гайстера рассказала мне о том, что из поселка «Сокол» на тогдашней окраине Москвы почти каждую ночь нескольких человек увозили навсегда машины чекистов, а наутро частенько оказывалось, что кто-то из жителей поселка (тогда в нем жили преимущественно военные) застрелился, не устояв перед мыслью о возможном аресте, я тут же подумал, что и герои моей книги не были каменными истуканами и жили под тем же, пожирающим душу страхом.

Труднее всего было тем, кто занимал высокие посты. Директорам институтов, заведующим лабораториями было во много раз тяжелее устоять, чем рядовым сотрудникам. Вторые могли отсидеться, отмолчаться, временно заболеть. Руководителям же выкручивали руки грубо и однозначно, до них добирались и в санаториях, и в отпусках, и в госпиталях. «Кто не с нами — тот против нас!» А с врагами разговор короткий: «Если враг не сдается — его уничтожают».

Один из первых читателей этой книги, Валентин Сергеевич Кирпичников, рассказал мне, как делил в ту пору людей на порядочных и непорядочных академик Лев Семенович Берг. Если человек сдавался под напором и соглашался в научных вопросах видеть черный цвет там, где окраска была белой, потому что у него семья, дети, незаконченная работа и т. п., но, сдавшись, никого не преследовал, то, значит, это — порядочный, честный человек. Если же другой человек сделал то же в отношении своих научных взглядов, но входил в роль и, наживая капитал на политиканстве, начинал преследовать ближних и на их костях делал карьеру, то только его следовало считать бесчестным.

Многие из людей старшего поколения высказывали схожие мысли. Например, В. Я. Александров, по прочтении одного из вариантов рукописи этой книги, сказал мне:

— Я бы указал еще на стяжательство. Если человеку нечем кормить семью, то о каких высоких материях нужно еще говорить. Но если человек использовал положение для стяжательства, коллекционировал музейный хрусталь, как делал мой институтский соученик Петя Макаров, по многу раз менявший «убеждения» в любую выгодную ему сторону, то тогда уже нечего задумываться над его душевными качествами. Все ясно.

Памятуя о сказанном выше, я много раз задумывался над тем, как же могли два друга — Насонов и Александров устоять. Какую силу за собой знали, чтобы не подличать, не кривить душой?

Сначала я предположил, что их мужество идет еще со времен войны, от их фронтового героизма. Оба, как только война подобралась к Ленинграду, ушли добровольцами на фронт. Оба воевали на страшном направлении — под Пулково в 13-й стрелковой дивизии: Насонов — командиром санитарного взвода, Александров — фельдшером медсанбата этого же взвода. Обоим приходилось почти все время проводить на передовой, под обстрелом, а мысли нет-нет, да и возвращались в другую, как оказалось, более страшную жизнь — в пору массовых арестов, массовых доносов друг на друга, вызовов в НКВД и «доверительных» бесед там, когда от страха, а часто побоев и пыток язык заплетался и мог начать нести такое... (никогда не забуду рассказ отца, как в казематах НКВД в городе Горьком ему зажимали мошонку между двух пластинок и начинали стягивать их резинками все туже и туже). В такой жизни верная дружба может стоить много. И Александров рассказал мне, как Насонов, по-домашнему звавший его Вильямом, а не Владимиром, в задумчивости проговорил как-то:

— Вильям, если бы вы меня предали, я бы застрелился.

Вот, подумал я, вот она — разгадка: вдвоем им не было страшно и в пятидесятом году. Но позже доподлинно узнал, что нет — одних этих чувств локтя было мало. Была наверняка нужна еще особая, впитанная с первых шагов в жизни система моральных запретов, которая могла формироваться только в атмосфере высокой порядочности, царившей в семье, и многое другое из той же сферы норм поведения, принятых данным социумом. Табу на непорядочность не могло возникнуть на пустом месте.

Затем мне пришла в голову мысль, что они оба могли считать себя более защищенными, так как в 1943 году их теория парабиоза была отмечена Сталинской премией. Все-таки лауреаты! Но сколько не менее крупных лауреатов отступали от истины. Нет, и этого было мало.

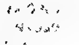
Кое о чем я догадался позже, и понял, что хоть и сходно вели себя оба друга, но не совсем сходно, и основания для героического — иначе это не назовешь! — поведения были у них разными, как разным был вес должностей и положение в обществе члена-корреспондента АН СССР, заведующего основным отделом института, потомственного дворянина Насонова и заведующего одной из многих лабораторий в том же отделе, всего лишь (!) доктора и чистокровного еврея Александрова.

Оказывается, незадолго до первого совещания по живому веществу и, не зная о том, что оно готовится, Насонов посетил заведующего отделом науки ЦК партии Юрия Андреевича Жданова, сына одного из вождей партии. Говорили о разных делах, заведующий отделом крупного академического института старался решить в ЦК партии многие вопросы, но непонятно было Насонову, почему Жданов сворачивал разговор на колею, Насонову неприятную: на «труды» Лепешинской. Жданов, не раз поддерживавший генетиков, уже знал об одобрении Сталиным безграмотной идеи Лепешинской, поэтому искал у ведущего ученого аргументы против лепешинковщины, с которой, как он сам понимал, совладать будет нелегко. Насонов охарактеризовал деятельность Лепешинской негативно, после чего Жданов настоятельно попросил Насонова изыскать время и силы на экспериментальную, самую тщательную перепроверку всего, о чем трубила Лепешинская, как о вполне доказанном.

Во время этой встречи Насонов устно заручился поддержкой Жданова. Вот почему он вел себя достаточно независимо на Ученом Совете. Вот почему заговорил об организации опытов по перепроверке выводов Лепешинской.

Тем не менее после Ученого Совета Насонов почувствовал, что положение остается напряженным и решил воспользоваться поддержкой, которую ему совсем недавно обещал самый крупный в стране партийный чиновник, управляющий наукой. Он послал письмо в ЦК партии Жданову.

> «...я признал, — писал Насонов в этом письме, — что с нашей стороны было бы ошибкой то, что мы ограничились чисто словесной полемикой... и что в дальнейшем эту ошибку следует исправить.
>
> Мое выступление встретило, однако, резко отрицательное отношение со стороны приехавших из Москвы товарищей, которые сразу же взяли по отношению ко мне тон судей. Мне были поставлены в пример выступления проф. Н. Г. Хлопина и проф. Б. П. Токина (также подписавшихся под критической статьей), которые полностью отказались от своей критики и признали ее ошибочной... Особенно негодовал по моему адресу присутствовавший на заседании инструктор горкома (партии. — *В.С.*) Бобовский, который потребовал, чтобы в постановление ученого совета был введен пункт, осуждающий меня и профессора В. Я. Александрова, полностью солидаризовавшегося со мною в своем выступлении. (В конце концов это не было сделано толь-

ко благодаря заступничеству нашего директора проф. Д. А. Бирюкова.)»[245]

Насонов заканчивал свое обращение в ЦК партии повтором тезиса о необходимости экспериментальной проверки «возможности самозарождения клеток». Он указывал:

> «Это тем более необходимо, что фактический материал, опубликованный до сих пор О. Б. Лепешинской, вызывает у меня и у многих других очень серьезные сомнения»[246].

Он также делился тревогой по поводу будущей судьбы руководимого им коллектива ученых:

> «Глубокоуважаемый Юрий Андреевич! Я очень прошу Вас верить мне, что вопрос, по поводу которого я решился писать Вам, волнует меня не по личным соображениям. Не упрямство и не страх перед возможными ущемлениями руководит мною, а тревога за ту область биологии и медицины, в которой я работаю и за которую наряду с другими несу ответственность»[247].

Отправляя письмо в ЦК партии, Насонов, видимо, не представлял, сколь серьезные кары, а не «ущемления» его ждут. Однако уехавшие в Москву Жуков-Вережников и Майский, равно как и их покровители, не оставили этого дела. Через непродолжительное время Президиум АМН СССР принял решение полностью ликвидировать Отдел общей морфологии ИЭМ, возглавлявшийся Насоновым (и, конечно, входившую в его состав Лабораторию цитофизиологии В. Я. Александрова).

Насонов, еще не потерявший веры в возможность помощи ему со стороны отдела ЦК партии, занимавшегося научными учреждениями и кадрами, отослал туда второе, более краткое письмо с описанием трагических последствий санкционированной в верхах победы Лепешинской. Он указал в начале письма на теоретические истоки исследований, проводившихся в его Отделе, на значимость для теории и практики уже полученных результатов, на факт присуждения именно за эти работы в 1943 году Сталинской премии. Он скромно (и жалостливо!) писал:

> «Этот отдел является моей единственной исследовательской базой... Вот почему закрытие Отдела... практически означает для меня прекращение работ моего направления»[248].

С тех пор, когда оригинал этого письма был отправлен в Москву из Ленинграда, минуло 48 лет. Пожелтела бумага на подписанной Дмитрием Николаевичем копии письма, кажется архаичным шрифт машинки — какого-нибудь дореволюционного «Remington»'а, но до сих пор эта бумага несет и передает тем, кто берет ее в руки, душевную муку, вырывавшуюся из строк, написанных (или продиктованных) выдающимся русским ученым, прославившим свое имя праведными трудами и принесшим славу своей стране. Ничтожные в науке, но умелые в плетении интриг и сведении счетов политиканы принудили гордого и независимого ученого униженно просить оградить его от посягательств на его детище, не позволить уничтожить его труд:

> «Глубокоуважаемый Юрий Андреевич, я обращаюсь к Вам с просьбой о заступничестве. Я прошу, если возможно, сохранить мой Отдел, хотя бы в сокращенном виде, в ИЭМ'е для дальнейшего развития моих работ, я надеюсь и в будущем быть полезным моей Родине в смысле развития на основе диалектического материализма как теоретических проблем общей физиологии, так и ряда проблем практической медицины.
>
> *Искренне уважающий Вас*
> *и преданный Вам*
> *Д. Насонов*»[249]

Заступничество не состоялось. Отдел Насонова закрыли. Александрова, крупнейшего ученого, лауреата Сталинской премии с 1 сентября 1950 года вышвырнули изо всех мест, где он трудился. Полтора года он оставался безработным. Насонов еще сохранял за собой руководство кафедрой общей и сравнительной физиологии в Ленинградском университете и лабораторией в Физиологическом институте имени А. А. Ухтомского при этом университете.

Добившись закрытия Отдела в ИЭМ'е, лепешинковцы дотянулись и до университета. 13 декабря 1950 года там состоялось заседание ученого совета. На этот раз Насонову пришлось каяться и отрекаться, чтобы спасти и себя и сотрудников. Но Александров решил стоять до конца. В своем выступлении он повторил сказанное раньше: единственная ошибка тех, кто подписал «Письмо 13-ти», заключалась в том, что они не предприняли работы по экспериментальному анализу положений Лепешинской.

> «Если бы мы раньше занялись этим делом, — сказал он, — так, вероятно, в настоящее время у нас были бы

> взгляды, основанные на собственном экспериментальном материале и, вероятно, мы не совершили бы той ошибки, которую сделали, подписав статью в «Медработнике» с априорными суждениями»[250].

После такого заявления против Александрова один за другим выступили Токин, С. Гальперин, М. И. Виноградов и другие.

Возможно, в судьбе Александрова отрицательную роль сыграло еще одно обстоятельство, получившее известность лишь гораздо позже и выплывшее из тайников случайно. При разборе бумаг, оставшихся после кончины профессора Т. В. Виноградовой, была обнаружена копия ее доноса (подписанная собственноручно этой дамой — истовой сторонницей Лысенко) в НКВД*. Главными объектами нападок были Насонов, Александров и Юрий Иванович Полянский. Донос был отправлен 15 февраля того же 1950 года. На трех страничках машинописного текста, напечатанного через полтора интервала, Виноградова очень умело накаляла страсти. В чем другом, а в этом лысенкоисты были крупными спецами. Из ее слов вытекало, что Насонов и Александров — ярые морганисты и метафизики (говорилось и о том, что они — закоренелые антимичуринцы), что их теория паранекроза только вредит стране:

> «...огромные государственные средства тратились на разработку никому не нужных и идеологически вредных «паранекрозов»... Насонов... идеалистическую теорию паранекроза считает за великую науку будущего нашей страны, а задачи социалистического строительства, стоящие перед нами сегодня — за «мелкие вопросы», не заслуживающие его высоко-ученого внимания»[251].

Она также «сигнализировала», что Насонов и Полянский побывали весной 1948 года в заграничной командировке, перечисляла их друзей, выписывая много еврейских фамилий, а потом добавляла:

> «Другом Насонова является и Александров, у которого (как и у самого Насонова) тесные связи с заграницей: его мать и брат живут в Палестине (Александров — еврей), а сестра — в Америке. Недалекое

* Таисия Васильевна Виноградова, ассистент Догеля, переметнулась на сторону Лысенко и благодаря этому (и, разумеется, не без помощи таких писулек) сумела занять место заведующей кафедрой в Ленинградском педагогическом институте им. Герцена после выгона с этой должности профессора Ю. И. Полянского.

морганистское прошлое этих друзей, в котором они не покаялись, их связи с заграницей, их «ученые» свидания на Мурманской станции и их энергичная борьба... против мичуринской перестройки... — все это несомненно звенья одной цепи, одной организации, ведущей политическую борьбу против советской науки... Как директор Мурманской станции Полянский, вероятно, имеет в своем распоряжении сведения секретного характера, касающиеся метеорологических условий нашего Севера, морских течений, карт, данных о ледовитости и т. п. При наличии друзей типа Насонова и Александрова... эти обстоятельства приобретают особый смысл. Мурманская станция несомненно имеет рацию и может связываться с заграницей»[252].

Все, что сообщала Виноградова в НКВД о «политической борьбе» и о личной жизни ученых, было враньем (включая сведения о матери Александрова, на самом деле скончавшейся в России — в блокадном Ленинграде 8 февраля 1942 г. и похороненной на русской земле, равно как и о несуществующих брате и сестре (брат у Владимира Яковлевича был, притом был коммунистом и сражался за идеалы коммунистов против белополяков, пал в бою в 1920 году, а сестры у него никогда не было), и пр., и пр Но знала секретный осведомитель НКВД, что там хотели бы услышать, поэтому врала она умело, подавала свои «сведения» в нужной аранжировке. Одна ссылка на рацию, иными словами, на шпионскую деятельность чего стоила!

Таким же враньем было перечисление имен в приведенной ранее цитате из выступления на 2-м Совещании по живому веществу Майского. Конечно, Майский отлично знал все перипетии судьбы ученых, которых он включил в свой список покаявшихся (за каждым шагом следили и доносили куда нужно и кому нужно многочисленные «старатели» из лысенковского лагеря). Но Майскому нужно было создать впечатление победного шествия лепешинковщины в советской науке, и потому он шел на откровенный подлог.

Правда, и в этот момент Майскому пришлось признать, что остались ученые, даже в этих условиях не вставшие на колени и сохранившие верность своим убеждениям:

«Просмотр литературы выявил, что отдельные гистологи, ведшие на протяжении многих лет решительную борьбу... с Лепешинской, до сих пор еще не перестроили свою работу»[253].

Уже в ходе Второго совещания к покаявшимся примкнули еще двое из тех, кто подписал в 1948 году «Письмо 13-ти» — А. Г. Кнорре[254] и член-корреспондент АМН СССР П. Г Светлов[255]. Последний уже успел отсидеть в сталинских тюрьмах, теперь ему грозили увольнением, а у него в это время были на иждивении жена, дочь и больная сестра-инвалид*.

Еще одним примером влияния среды на убеждения стала трансформация взглядов ученика академика Г. А. Надсона — А. С. Кривиского (учитель к этому времени уже погиб в сталинских застенках). Прекрасно разбиравшийся в мировой литературе и все хорошо понимавший Александр Самсонович дополнил своей персоной ансамбль хористов, исполнявших нескончаемую здравицу Лысенко и компании. Теперь он выдавал «на-гора» такие писания:

> «Замечательные исследования О. Б. Лепешинской показали, что даже клетки высших организмов образуются не только путем деления уже предсуществующих клеток, а также путем развития из живого белка... Белковые частицы, способные развиваться в целые клетки, наделены всеми атрибутами жизни»[256].

Тем временем, пока многочисленные последователи Ольги Борисовны разжевывали ее идеи, которые она теперь без ложной скромности именовала «учением о живом веществе», сама Лепешинская глумилась над старыми критиками, в особенности теми, кто подписал «Письмо 13-ти», и повторяла во всех своих книжках одни и те же строки:

> «...к сожалению, это была не научная и не дружественная критика. Она не принесла пользы ни науке, ни читателю, ни автору книги»[257].

---

* В. Я Александров при чтении первого варианта рукописи этой книги настаивал на том, чтобы я особо отметил высокие нравственные качества П. Г. Светлова, проявлявшиеся на протяжении всей его жизни. В тот момент, когда его буквально принудили к выступлению с признанием якобы совершенной им ошибки, у него было действительно невыносимое положение дома, и, окажись он под ударом, три самых близких ему человека могли просто погибнуть. Александров указывал также на необходимость учета разных градаций «признаний»: одно дело согласиться с «правотой» так называемых «открытий» Лысенко и Лепешинской и другое — вынужденно бичевать свои «ошибки».

XV

НОВЫЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛИ ЛЕПЕШИНСКОЙ

Все это очень нравилось искателям принципов, которые все-таки канкан ценили выше всего на свете.

Помпадуры и помпадурши
М. Е. Салтыков-Щедрин

Итак, к концу 1952 года Лепешинская пришла с вполне утешительными итогами. Вторая конференция по клеточным и неклеточным формам живого была разрекламирована в прессе[217], старые недруги в большинстве своем затихли и смирились с поражением, люди типа П. В. Макарова стали перевертышами и во всю ее прославляли*. этим «корифеям» вторила молодежь. Особенно важную для Лепешинской работу, выполненную в той области, которая ей была не под силу и откуда она непрестанно зазывала специалистов в свой лагерь, — биохимии, опубликовал недавний студент Тимирязевской Академии и тогда еще сторонник Лысенко Жорес Александрович Медведев[258]. Он рассмотрел биохимические «основы обновления клеточных форм».

Но, наверное, наибольшую радость приносили Лепешинской не перебежчики из лагеря науки (во все времена предатели вызывали чувство брезгливости и у тех, кого они предали, и у тех, кому продались, хотя в годы. описываемые мной, нормы морали стали иными), а истинные революционеры, прокладывавшие дорогу в неизведанное, открывавшие никому ранее неведомые УДИВИТЕЛЬНЫЕ факты.

В числе таковых прежде всего следовало назвать Г. А. Мелконяна. В статье, написанной без тени юмора и отнюдь не в предвкушении первого апреля, автор поведал об открытии невероятном. Статью поместил на своих страницах солидный журнал Академии наук СССР «Успехи современной биологии» (благодаря этой и схожим публикациям ученые между собой называли этот журнал «Потехи современной биологии»). Мелконян объяснял, что иногда в организме человека поселяются паразиты — ленточные черви эхинококки. Затем он сообщал, что однажды кому-то (возможно, даже не ему) «посчастливи-

* П. В. Макаров в 1948 году подписал «Письмо 13-ти», но сразу после Августовской сессии ВАСХНИЛ начал свой отход от науки. Так, в 1949 году он выступил в Ленинграде с публичной лекцией «Несостоятельность цитологических основ вейсманизма-морганизма» и издал текст ее в виде брошюры в том же, 1949, году (редактор Н. В. Турбин).

лось» извлечь эхинококк из большеберцовой кости человека, после чего эхинококковые пузыри поместили на несколько лет в формалине (ядовитом для всех живых клеток растворе формальдегида и метилового спирта; его использовали для сохранения музейных образцов и предотвращения роста случайно просочившихся из воздуха клеток бактерий или грибов). Далее следовало его собственное открытие: оказывается, после многолетнего пребывания пузырей эхинокка в формалине из этих пузырей развились, в полном соответствии с открытым Лепешинской законом перехода неживого в живое, живые, растущие кости[259]. Из червя — кость! Да еще и живая!

> «Факты упрямая вещь, — писал Мелконян, повторяя известную фразу Сталина, так популярную в те годы, — и с ними нельзя не считаться и игнорировать их, иначе и прогресса в науке не может быть... Этому соблазну отрицания и игнорирования чуть было не поддались и мы... когда, заметив факт образования костной ткани в банке вместо хранимого в ней музейного препарата, сочли вначале это озорничеством со стороны кого-либо из больных, подменивших препарат костями... Только более трезвое обсуждение... нас остановило от решения выбросить банку с костями и искать виновника «озорничества»... Вскоре в той же банке и в той же жидкости (в формалине! — *В. С.*) после извлечения всех костей стали вновь образовываться все новые и новые кости, что дало нам право уверовать в достоверность наблюдаемого факта»[260].

Можно было бы посмеяться над подобной писаниной, так как анекдотичность утверждений Мелконяна, хотя он и работал профессором в Ереване, была кристально ясна, но на этом анекдоте можно проиллюстрировать как направленность мышления лысенкоистов, так и их умение добиваться своего, невзирая ни на что, ждать часа, соваться со своими домыслами в любые дыры, к любым неучам, отвергая советы и выводы знающих людей.

Началась «костяная одиссея» Мелконяна еще до войны. Как писал он в статье «Необычный тип остеогенеза вне организма», оставшейся неопубликованной, но сохранившейся в виде рукописи в архиве профессора В. Я. Александрова:

> «В январе 1938 года в госпитальную хирургическую клинику Ереванского мединститута поступила больная С-ян В., у которой рентгенологически был диагностирован эхинококк правой большеберцовой кости... Боль-

ной провели трепанацию кости... и из костномозговой полости удалили в огромном количестве дочерние эхинококковые пузыри»[261].

Чтобы демонстрировать студентам достаточно редкие экземпляры эхинококков, добытые из кости, пузыри зафиксировали и хранили в 5%-ном растворе формалина. Несколько лет эхинококк оставался эхинококком, но, как писал автор:

«В конце августа 1945 года, после моего возвращения из отпуска, я по своему обыкновению осмотрел препараты музейного шкафа и заметил экстраординарное явление: в банке, где были эхинококковые пузыри, удаленные из кости, жидкость помутнела, стала коричнево-бурого цвета; на поверхности жидкости был слабый налет плесени и торчавшие из жидкости какие-то плотные образования, которые после извлечения их оказались различной величины спонгиозного строения костями»[262].

Слово «спонгиозный» расшифровывать не стоит: это строгий медицинский термин, а все, что стало происходить позже, никакого отношения к медицине не имело.

Профессор Мелконян потерял покой. Он стал бегать от одного профессора к другому, умоляя помочь ему. И друзья помогали: банку на время передали профессору Алексаняну... и, о чудо! он признал, что, пока банка была у него, «опять произошло в банке образование костей». Алексанян якобы определил «бактериальную флору и произвел эксперименты с жидкостью на морских свинках». Включились в работу и другие ученые мужи: заведующий лабораторией патанатомии доцент В. Т. Габриелян, заведующий лабораторией нормальной гистологии профессор А. Г. Чахмахчян, заведующий кафедрой биохимии профессор Бунатян. Кто-то из них делал гистологические анализы костей, кто-то определял бактериальную флору, кто-то проводил химические анализы. Искали

«коллагеновые волокна в поляризованном свете, — серьезно повествовал Мелконян, — и обнаружили двойное лучепреломление Николя, характерное для присутствия коллагеновых волокон. Лучи интерференции также дали положительный результат»[263].

Во время всех этих «высоконаучных» занятий случился казус, о котором Мелконян также пространно писал высоким сти-

лем. «Произошло постигшее нас несчастье», здание Анатомикума затопило, и «кафедры гистологии и патологической анатомии, находясь в Анатомикуме, очень пострадали».

Но Мелконян нашел сухой выход из воды. Он сделал доклад на III съезде хирургов Закавказья 30 сентября 1947 года, после чего отправился в Москву. Фортуна была к нему благосклонна не только на знойном юге, но и в прохладной Москве. Его с распростертыми объятиями встретил большой начальник — председатель Ученого Медицинского Совета Министерства здравоохранения СССР Л. Н. Федоров и, расчувствовавшись, выдал Мелконяну отпечатанное на фирменном бланке Министерства обращение к ленинградскому гистологу Ш. Д. Галустяну. Этот маленький шедевр бюрократического стиля стоит того, чтобы воспроизвести его целиком.

«СССР. Министерство здравоохранения. Ученый Медицинский Совет. 28/XII 1948 г. № 08/29-М

Проф. ГАЛУСТЯНУ. Ленинград. Кировский проспект 69/71. Институт экспериментальной медицины

Дорогой Шаварш Давыдович!

Обращаюсь к тебе с совершенно необычной просьбой. Твой земляк профессор МЕЛКОНЯН Гаспар Акимович наткнулся на поразительный факт остеогенеза *ин витро* (то есть вне организма. — *В. С.*). Факт настолько очевидный, что я ни секунды не сомневаюсь в том, что проверка подтвердит эту замечательную находку.

Ввиду огромного принципиального значения этого факта, прошу тебя лично и как председателя Ученого совета немедленно оказать всемерное содействие в постановке исследований, использовав для этого все возможности Института экспериментальной медицины, вплоть до микрокиносъемки.

Через Кондратьева и дирекцию обеспечь проживание проф. Мелконяна в общежитии столько времени, сколько будет нужно для завершения исследований.

С искренним приветом и уважением
Л. Федоров»[264]

С этим направлением Мелконян поехал еще севернее — в морозный Ленинград. Там 3 января 1949 года его направили к разным светилам, которые, однако, отнеслись к пришельцу-южанину без должного энтузиазма. В частности, в справке,

подписанной 8 января заведующим лабораторией цитологии ИЭМ АМН СССР проф. В. Я. Александровым, которому Мелконян принес две банки с мутным содержимым, говорилось, что «живых костных или остеогенных клеток» в содержимом не найдено. «В жидкости находились в большом количестве бактерии и плесневые грибы и отдельные осколки кости... Проф. Мелконяну дан совет представить для обследования жидкость в тот момент, когда в ней будет происходить процесс образования костной ткани»[265]. Столь же несговорчивыми и черствыми оказались и еще несколько ленинградских специалистов.

Конечно, никаких новых банок с жидкостью или пузырями он никому больше не привез. Он вернулся в Ереван и продолжил борьбу за то, чтобы его статью опубликовали без всяких экспертиз и доказательств.

И, наконец, все мытарства остались позади. В контролируемом лысенкоистами журнале «биологических потех» его «труд» напечатали!

Статья Мелконяна наделала так много шума, что любой лысенкоист на его месте ходил бы гордым из-за внимания к его персоне. И не беда, что большинство серьезных биологов и медиков рассматривало его работу как безумную. Много они понимают! Зато внимание такое живое!

Не менее захватывающее дух открытие сделала доцент Ростовского университета Ф. Н. Кучерова, заведовавшая кафедрой гистологии. Она растирала — что бы вы думали? — ПЕРЛАМУТРОВЫЕ пуговицы. Порошок вводила в организм животных. И наблюдала: из порошка ВОЗНИКАЛО ЖИВОЕ ВЕЩЕСТВО.

— А что особенного? — объясняла доцент Кучерова. — Перламутр-то из раковин добывают, а раковины ведь раньше живыми были! Вот они и сохранили свойство живого.

И защитила на этом материале Кучерова кандидатскую диссертацию[266]. И положенный кандидатам диплом ВАК ей вручил! Еще бы, ведь заместителем председателя биологического и медицинского совета ВАК был Жуков-Вережников.

По-видимому, Кучерову считали в университете перспективным педагогом, так как, когда кафедру гистологии закрыли, ее перевели доцентом... на кафедру физики, и в 70-е годы она защитила докторскую диссертацию, причем не где-нибудь, а в самом МГУ.

А иркутский «биолог» В. Г. Шипачев, которого высоко ценили и в Москве (он состоял членом Ученого совета Министерства здравоохранения РСФСР и обладал высоким титулом Заслуженного деятеля науки) издал книгу под будоражащим ум

материалистическим названием «Об исторически сложившемся эволюционном пути развития животной клетки в свете новой диалектико-материалистической клеточной теории»[267]. Предисловие к книге написала Лепешинская. Автор книги сообщал читателям, что если зашить животным в брюшину семена злаковых растений, а потом, спустя некоторое время, разрезать им живот и исследовать развившиеся в брюшине вокруг инородных тел воспаления (естественно, гнойные), то можно «без труда» наблюдать, как растительные клетки распадаются и образуют живое вещество Лепешинской, а затем из него формируются нормальные животные (а не растительные!) клетки. Чем не триумф учения Лепешинской!

Правда, выяснялась совсем уж дремучая безграмотность Шипачева. Он не знал элементарных понятий. К своей книге он ниспослал эпиграф, заимствованный у великого И. П. Павлова — Нобелевского лауреата: «Что ни делаю, постоянно думаю, что служу этим, сколько позволяют мои силы, прежде всего моему Отечеству». Высокие слова Павлова выглядели издевкой в данном случае.

В. Я. Александров в изящно написанном памфлете, посвященном даже больше Лепешинской, чем Шипачеву, и названном «К вопросу о превращении растительной клетки в животную и обратно»[268], едко высмеял безграмотного лепешинсковеда. В ответ Шипачев завалил Александрова и редакцию «Ботанического журнала», напечатавшего рецензию, письмами с предложением провести всесоюзную дискуссию между ним и Александровым. Дескать, затеем научный спор, а там еще посмотрим, кто кого перекричит.

Очередную тайну у природы выведал Н. М. Сисакян. Он объявил в журнале «Биохимия» в 1953 году, что в ходе исследования «процесса метаморфоза тутового шелкопряда» ему удалось подсмотреть, как совершается «обмен веществ неклеточного живого вещества в процессе развития»[269], демонстрируя этим свою поразительную приспособляемость к условиям внешней среды. Среда, в свою очередь, была благожелательной: в этом же 1953 году Сисакян стал членом-корреспондентом АН СССР*.

* Не остановилось продвижение Норайра Мартиросовича по служебной лестнице и позже. В 1959 году его сделали исполняющим обязанности академика-секретаря Отделения биологических наук АН СССР (в этот момент Лысенко добился снятия с этого поста известного биохимика В. А. Энгельгардта), и через год Сисакян стал академиком АН (не может же руководить Отделением Академии какой-то член-корреспондент). В 1963 году инициативный Сисакян становится Главным ученым секретарем Президиума АН СССР, определяя теперь научную политику *в масштабах всей Академии.* В этом качестве он получает возможность расширить сферы своего влияния и вносит свой «вклад» в развитие еще одной модной науки — космической биологии. Благодушно настроенные западные коллеги избирают в 1965 году «выдающегося организатора» совет-

Сама Лепешинская в это время искала пути внедрения ее идей в практическую медицину. Она уже успела заявить, что живое вещество облегчает заживление ран, ожогов и т. п.[273], повторив это умозаключение и во время второго совещания по живому веществу. Она нашла настоящего врача, клюнувшего на новинку. Некто А. А. Сафонов – хирург-практик, трудившийся в одной из московских клиник, написал статью в сборник для учителей, упоминавшийся выше[274], в которой пропагандировал способ лечения, заключавшийся в нанесении крови на рану (дескать, в крови высокая концентрация живого вещества). Ни о какой антисептике речь не шла, все заменялось пустословием или опасными для больных поучениями:

> «...врач, приступая к лечению ран, должен в первую очередь создать благоприятные условия, которые... необходимы для жизни и развития тканей, живого вещества... Именно в эту сторону должен направлять свои усилия врач, а не на стрельбу из «антисептической пушки» по микробам.
>
> Привлечение в рану живого вещества, создание необходимых условий для его развития — вот наиболее правильный путь к решению проблемы лечения ран»[275].

Параллельно в этой же книжке давались наказы еще одной категории специалистов, пока не охваченных заботой авторов «новой клеточной теории». Садовод-практик Ф. Л. Лесик[276] утверждал, что приживление привитых на яблони и других пло-

---

ской науки вице-президентом Международной астронавтической академии. Дело доходит до того, что его именем называют кратер на Луне! Как тут не вспомнить сатирическую поэму профессора И. И. Пузанова «Астронавт», среди героев которой была Лепешинская, просящая своего старинного друга Лысенко, якобы не нашедшего поддержки на Земле и собирающегося продолжить свои опыты на Луне, чтобы он там занялся и ее живым веществом:

Старушка древняя пришла,
Трофиму соды принесла
И молит жалостно его:
«Найди живое вещество
Ты мне в тех кратерах Луны —
Здесь поиски прекращены...[270]

Пузанову, наверное, казалась совершенно невероятной мысль, что сторонники живого вещества способны проникнуть на другие планеты, но случилось-таки иное: с именем Сисакяна живое вещество осело и на Луне! Многие биологи пытались протестовать против его начальственной деятельности, о чем свидетельствует письмо группы ученых в Президиум АН СССР, отправленное в 1965 г.[271] и приложенная к нему красноречивая выдержка из одной статьи Сисакяна[272].

довых культурах почек побегов обязательно идет с участием живого вещества:

> «Живое вещество... преобразуется в клеточное тело, которое, заполнив щель, срастается с клетками тканей подвоя и привоя»[277].

Объявляя об этом как об уже хорошо изученном явлении, садовод наставлял тех, кто этого еще не усвоил и тем тормозил прогресс в садоводстве:

> «Необходимо изучить пути образования ядер плазмой безъядерных клеток»[278].

И это выдвигалось в качестве новой серьезной научной проблемы и преподносилось учителям биологии как истина, чтобы они, в свою очередь, формировали правильное НАУЧНОЕ мировоззрение школьников!

Пособию для учителей организовали шумную рекламу. Особенно цветистой была рецензия М. Ф. Никитенко в тех же «Потехах» — «Успехах современной биологии»[279]. Чувство меры было потеряно автором полностью и заменено восторгом, переходящим границы разумного. Например, всерьез утверждалось:

> «Уже одним понятием доклеточного живого вещества О. Б. Лепешинская окончательно разрушила фундаментальные догмы вирховианства»[280].

Из твердокаменной убежденности автора рецензии явствовало, что никакие опыты по доказательству существования живого вещества больше не нужны, и вытекал наказ всем остальным ученым страны Советов:

> «Чтобы выполнить лучше призывы нашей партии, каждый советский ученый должен следовать примеру научно-исследовательской работы О. Б. Лепешинской. В этом залог дальнейших успехов в развитии советской науки»[281].

А самой сильной стороной ее научной деятельности выставлялись отнюдь не те черты, которые прежде считались обязательными для любого ученого, все равно — теоретика или экспериментатора — умение формулировать идеи, проверять их опытным путем, оттачивать логические построения в

столкновении с мнениями других ученых. По мнению рецензента:

> «Важнейшей особенностью передового, новаторского учения О. Б. Лепешинской является его ленинско-сталинская партийность»[282].

В результате такой идейной устремленности из-под пера Никитенко вытекало следующее общее заключение:

> «Учение О. Б. Лепешинской... демонстрирует гигантский рост советской науки по сравнению с реакционной человеконенавистнической лженаукой американо-английского блока поджигателей войны... Учение О. Б. Лепешинской... есть результат могучего и благотворного влияния идей Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина»[283].

Завершая эту часть повествования, следует упомянуть, что по «проблеме живого вещества» было защищено множество диссертаций, а это, в свою очередь, помогло занять командные должности в управлении наукой армии беспринципных и безнравственных людей, для которых артефакты стали базой «творчества». В частности, в Воронежском университете в 1954 году защитил диссертацию и стал кандидатом медицинских наук Рэм Викторович Петров, который на 252 страницах доказывал, что бактерии брюшного тифа и дизентерии якобы способны зарождаться из живого вещества, что он лично с успехом наблюдал и описал[284]; сейчас Р. В. Петров — известный человек: он академик АН СССР и АМН СССР, вице-президент АН СССР, директор Института иммунологии, председатель одного из научных советов Академии, член самых авторитетных органов, управляющих наукой в России*. Аналогичное открытие сделала и опубликовала серию «научных» трудов на эту тему Ирина Николаевна Блохина, сразу ставшая директором Горьковского Института микробиологии, вакцин и сывороток. Пользуясь родственными связями (родной брат Ирины Николаевны — Николай Николаевич Блохин, директор Горьковского Института восстановительной хирургии вскоре стал президентом Академии медицинских наук СССР), эта ученая дама стала подниматься все выше и выше. Уже в брежневские времена она была выдвинута в депутаты Верховного Совета СССР, затем стала председателем Комиссии Верховного Совета по науке и высшему образованию (иными словами, в масштабах страны определяла такие вопросы, как финансирование

государственных научных программ и политику в области народного образования). В своем городе Горьком удалось в ректоры Горьковского университета продвинуть ее мужа, Угодчикова. Что-что, а плести вязкую паутину взаимного выдвижения и захвата командных позиций в стране эти люди умели как нельзя лучше.

В целом гипотеза о живом веществе стала важной частью «мичуринского учения», и, формулируя ВСЕОБЩИЙ ЗАКОН — превращения неживого в живое, Лысенко писал:

> «После возникновения первичного живого в соответствующих условиях из неживого, живое и дальше, *по тем же законам*, стало возникать из неживого, но уже при посредстве живого. Живое создает только условие для превращения неживого в живое. Поэтому существует и действует наиболее общий закон, по которому неживая природа связана с живой, согласно которому реализуется потенциальное свойство неживой материи превращаться в живое»[285].

---

* Отличие Рэма Викторовича от других лепешинковцев проявилось позже. Поняв сложившуюся в стране обстановку, сфальсифицировав результаты своей кандидатской диссертации (возможно, под давлением его научного руководителя) и употребив лепешинковщину как трамплин для продвижения по служебной лестнице в науке в СССР, Петров в последующие годы показал себя талантливым администратором. В секретном Институте биофизики Министерства здравоохранения СССР в Москве, где он много лет проработал до перехода в Академию наук СССР, Петров стал заниматься иммунологией Он собрал вокруг себя молодых сотрудников, стал затем главной административной фигурой в момент зарождения Института иммунологии АН СССР. Он наладил хорошие отношения с выдающимися исследователями в этой области в России — Г. И. Абелевым, А. Е. Гурвичем и другими, которые с удовлетворением отмечали важную роль Петрова в управлении советской наукой. Хорошей репутацией пользуются научно-популярные книги для молодежи, написанные Петровым.

XVI

ПРОБЛЕМА ДОЛГОЛЕТИЯ

> Общее у всех этих господ: во-первых, червяк, во-вторых, то, что на «жизненном пире» для них не случилось места, и, в-третьих, необыкновенная размашистость натуры.
>
> *Талантливые натуры*
> *М. Е. Салтыков-Щедрин*

Лепещинская готовила новую сенсацию. Ей не давал покоя вопрос, немаловажный для людей ее возраста, — как избежать старости?

> «В капиталистических странах, — сообщает она при большом стечении народа на публичной лекции в Большом лектории Политехнического музея в Москве в 1953 году[286], — неблагоприятные общественные и бытовые условия ускоряют наступление преждевременной старости у трудящихся, которые работают до полного изнурения, переутомляются, питаются плохо, отравляются всевозможными ядовитыми веществами на производстве из-за отсутствия надлежащей охраны труда. Невозможно быть здоровым и долго жить в подобных тяжелых материальных условиях, постоянно испытывая страх за завтрашний день, особенно в гнетущей обстановке военной истерии. Избежать преждевременного наступления старости и смерти, надеяться на продление жизни в капиталистических странах нельзя»[287].

Совсем иначе, по ее убеждению, обстоит дело в СССР. Лепешинская перечисляет, как и подобает истинному ученому, группу причин, способствующих продлению жизни у граждан СССР:

> «1) охрана материнства и младенчества,
> 2) развитие сети детских учреждений,
> 3) предоставление отпуска, узаконенного Сталинской Конституцией,
> 4) развитие физкультуры и спорта,
> 5) правильно поставленные гигиена и охрана труда,

6) санитарное просвещение»[288],

и, наконец, еще один немаловажный фактор:

«7) смех и веселье, оздоровляющие организм, постоянно присутствующие в жизни советских людей»![289]

Чтобы доказать, насколько правильна и животрепещуща проблема смеха, Лепешинская обращается к уважаемым авторитетам:

«Гуфеланд пишет, что «ни один ленивец не достиг глубокой старости; достигшие ее вели деятельный образ жизни». По его мнению, «из всех телесных движений, потрясающих тело и душу вместе, смех есть самое здоровое; он благоприятствует пищеварению, кровообращению, испарению и ободряет жизненную силу во всех органах»[290].

Приводя это глубокомысленное замечание немецкого врача Кристофа Вильгельма Гуфеланда, высказанное им еще в 1797 году (впрочем, дату Лепешинская, не иначе как из скромности, сообщить забывала), она исчерпывала аргументы в пользу смеха как фактора долголетия и бодрствования души. «С этим нельзя не согласиться», — просто резюмировала она.

Объяснение преимуществ советского строя перед капиталистическим дает ей основание с оптимизмом смотреть в будущее и повторять в который раз:

«В нашей стране ученые имеют неограниченные возможности для своего творчества, опираясь на непосредственную поддержку советского правительства, коммунистической партии и ее гениального вождя товарища Сталина. Они не боятся экспериментировать и знают, что им в их экспериментах будет оказана всякая помощь. Наши ученые, правильно методологически разрешая проблему смерти, сумеют найти эффективные методы борьбы с преждевременной старостью и смертью. Придет время, когда для каждого советского человека 150 лет не будут еще пределом жизни».

«В нашей стране, расцветающей под солнцем Сталинской Конституции, в стране, где каждый поэт: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек», — не должно быть преждевременной старости»[291], —

с понятным каждому патриоту жизнелюбием утверждает Ольга Борисовна и смело идет на поиски нового. Она находит эликсир бодрости и долголетия.

В поисках его, естественно, сначала нужно проникнуть умом в суть явлений. Иными словами, надо ответить на вопрос: «Отчего происходит старение?» Ведь со времен Адама и Евы никто так и не увильнул от смерти. Никто не избежал несчастья, которое сами пра-люди (теоретически вроде бы бессмертные) обрушили на себя, вызвав гнев Бога тем, что вкусили с Древа Познания. По вполне объяснимым идейно-политическим причинам не может удовлетворить старую большевичку Лепешинскую и метод Фауста, продавшего душу дьяволу. Поэтому выход один: смело вперед на штурм новой крепости.

И вот готово очередное открытие. Найдена причина старения:

> «Какие же изменения происходят при старении простейших и в сложнопостроенных организмах?
>
> В протоплазме неклеточной структуры происходят те же явления гистерезиса, т. е. уплотнения и свертывания белков, затрудняющие обмен веществ, что и в протоплазме клеток. Но в протоплазме клеток более сложно организованных существ процесс старения усложняется; изменяется ядро, оно либо сморщивается (как говорят, пикнотизируется), либо распадается на отдельные части, происходит кариорексис, т. е. разрыв ядра; значительные изменения происходят в оболочках клеток, которые становятся значительно тоньше и вместе с тем плотнее, что, естественно, затрудняет обмен веществ»[292].

С виду все заманчиво: ядро разваливается! (Уж не от обилия ли молекул «в глубине клеток», которые согласно ее старой «теории» образца 1926 года «будут находиться в смысле обмена веществ в худшем положении, чем поверхностно лежащие молекулы»?) Да к тому ж оболочки уплотняются.

И не беда, что громко названный ею - по-научному — процесс КАРИОРЕКСИСА никто в нормальных условиях не видел (кому надо — увидят, дайте только срок). Неясно и то, кому принадлежит доказательство якобы происходящего обычно при старении явления, названного ПИКНОТИЗИРОВАНИЕМ. Все это звучит громко, но покрыто туманом, так как ни ссылок на чужие исследования, ни сколько-нибудь удовлетворительного описания собственных изысканий автор не приводит ни в научной публикации, ни тем более в публичной лек-

ции. Просто надо поверить ей на слово, что ядра клеток при старении сморщиваются, лопаются, распадаясь на отдельные части (видимо, это первопричина). Затем утоньшаются оболочки клеток, но при этом они и уплотняются. А отсюда и все прочее становится понятным, как дважды два — четыре: обмен-то веществ (этот остаток наукообразия лысенкоисты выкинуть не смеют: сам Энгельс про него толковал!) оказывается из-за уплотнения затруднен. Вот вам и причина старения. Проблема блистательно разрешена!

Но все-таки остаются и временно невыясненные вопросы и среди них основной — какова природа таинственного УПРОЧЕНИЯ оболочек клеток? Ну, допустим, стали они тоньше? Так любимая Лепешинской и всеми лысенкоистами народная мудрость гласит: «Где тоньше, там и рвется». А здесь все наоборот: тоньше, а не рвется!

Оставить этот вопрос без ответа Лепешинская, конечно, не может. Ответ, разумеется, хотя и сугубо научен, но достаточно прост:

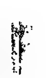
> «Изменение толщины оболочек клеток зависит, несомненно, от изменения степени дисперсности, в результате чего повышается их электрический заряд, способность к химическому реагированию и к обмену веществ»[293].

Естественно, ни Лепешинская, ни ее сотрудники-родственники сказать, что это за «дисперсность оболочек», не могут, исследовать ее не собираются. Точно так же «зарядов» на поверхности несуществующих оболочек они не измеряют и «химического реагирования» не определяют. Все это, так сказать, свободный полет мысли. Да и не в этих мелочах главный смысл открытия Лепешинской и ее лаборатории, которой были предоставлены все средства для научного творчества. Главное — создана ТЕОРИЯ старения, которая

> «...навела меня на мысль, что существует теснейшая зависимость между толщиной оболочек, интенсивностью обмена веществ и возрастом»[294].

Теперь на базе теории можно переходить к практике преодоления старости.

Наверное, читателю не терпится скорее узнать, как она этого достигла. Все опять было просто: чтобы не стареть, нужно применять соду. Самую обыкновенную соду — двууглекислый натрий.

«Проведенные нами опыты привели нас к выводу о том, что соответствующие (1%) растворы соды, будучи тем или иным путем введены в организм, действительно повышают обмен веществ, влияют на весь организм и повышают его общую жизнедеятельность»[295].

Минуя стадию лабораторных разработок, она перешла к следующей стадии научного творчества — экспериментам на животных.

«Нами были поставлены опыты с введением однопроцентного раствора соды непосредственно в организм. С этой целью мы впрыскивали лягушке однопроцентный раствор двууглекислого натрия, предварительно сделав мазок крови, а затем брали кровь из сердца лягушки через 10, 20, 30 и 40 мин. после впрыскивания соды»[296].

Затем от лягушек (стали бы они долгожительницами или нет — установить нельзя: после таких вивисекций все они передохли) Лепешинская переходит к «опытам» с куриными яйцами. Вот как она их описывает:

«На 20-й день инкубации, т. е. на один день раньше срока из подопытных яиц вылупились цыплята; из контрольных яиц цыплята вылупились в обычный срок — на 21-й день.

Подопытные цыплята («содовые») вначале были меньше ростом, чем контрольные, но они резко отличались от последних своей подвижностью и живостью... «содовые» цыплята проявляли необычайную жадность и успевали склевывать не только свою порцию корма из общей посуды, но даже вырывали еду у контрольных цыплят.

Через короткий срок опытные цыплята догнали контрольных в росте, а вскоре и перегнали их»[297].

Далее следовала неприятная новость:

«Контрольные куры погибли от ревматизма (частое явление при зимней инкубации цыплят)...»

Но, вот он — триумф науки:

«...опытные же выжили и по своей величине были значительно больше обычных кур породы Легорн»[298].

Правда, придиры и буквоеды и здесь бы нашли, к чему придраться. Ведь контрольные куры подохли и сравнить «содовых» не с кем, и тем более говорить об их большей величине нельзя. «Опыт» остался бездоказательным.

XVII

СОДОВЫЕ ВАННЫ В БОРЬБЕ ЗА ДОЛГОЛЕТИЕ

> Но того, что однажды уже совершилось, никак нельзя сделать несовершившимся.
>
> *Неблаговонный анекдот о г. Юркевиче, или Искание розы без шипов*
> *М. Е. Салтыков-Щедрин*

«О, решите мне загадку жизни,
Мучительную древнюю загадку,
Над которой уже билось столько голов,
Головы в шапках, расписанных иероглифами,
Головы в тюрбанах, черных беретах,
Головы в париках,
И тысячи других бедных, потеющих голов», —

восклицал с иронией Генрих Гейне.

В конце прошлого века на этот вопрос отвечал Т Бунге в популярной тогда работе «Идеализм и механизм»:

> «В активности, вот где кроется загадка жизни».

Принцип «жизненной силы», провозглашенный виталистами и так ненавистный Лепешинской в начале ее карьеры, был, как казалось, навсегда отвергнут, и один из популяризаторов науки начала века В. А. Фаусек с пафосом подводил итог победы физиологов над виталистами:

> «Это была борьба идей, борьба за истину... где побудительной причиной войны является стремление к знанию, оружием — исследование, аргументация, логика, а наградой, к которой стремятся бойцы — овладение истиной».

И вот, спустя полстолетия, Лепешинская, начавшая свою бурную жизнь в среде ученых с огульного обвинения А. Г. Гурвича в витализме, сама скатилась в самое что ни на есть болото витализма, найдя основу энтелехии в элементарной однопроцентной двууглекислой соде. Живите спокойно, граждане Страны Советов: старая большевичка Лепешинская не зря труди-

лась, ободренная вниманием вождей революции... Всем вам уготована вечная жизнь!

Я поймал себя сейчас на мысли, что, начиная писать эту книгу, старался повествовать о серьезных вещах серьезно. Ведь любому читателю, не знакомому с продукцией монстров, о которых я говорю, может казаться (и вполне законно), что если в могучей стране — СССР в течение нескольких десятилетий главенствовали в биологии лысенки и лепешинские, то должны же были быть веские причины у руководителей страны, чтобы поддерживать их и одновременно давить, вплоть до физического уничтожения, настоящих ученых. Ведь не одно же согласие с правящей идеологией возносило неучей на вершину пирамиды, именуемой Наука Страны Советов? Этот серьезный вопрос любят задавать западные исследователи советской истории, не понимающие иррациональности поведения руководителей великой страны и их непрактичного следования идеологическим догмам.

Но вдруг, неожиданно для самого себя, я почувствовал, что, рассказывая о бошьянах, мелконянах, кучеровых, невядомских и, конечно, о Лепешинской, я перехожу к какому-то разудалому тону, допускаю невероятно несерьезную веселость.

Сначала я от этого оторопел. Но через мгновение понял, почему со мной произошел этот казус. А как иначе можно воспринимать весь тот бред, который они несли? Как можно серьезно обсуждать, например, словоизлияния Лепешинской, неизменно окружавшей свою безграмотно-ожесточенную, невыносимую для нормального ума долботню цитатами из классиков марксизма и акафистами в честь так ею обожаемого Сталина? Какие другие мысли, какой иной тон мог возникнуть после чтения таких «узоров мысли», как приводящиеся отрывки из ее трудов (в полемике Лепешинская любила обзывать аргументы своих противников именно так — «узоры мысли этих реакционеров»)?

Поняв это, я уже без сожаления об утраченной серьезности продолжаю рассказ о «содовой эпопее».

Итак, пришел черед и для решающей стадии экспериментов: использованию «достижений науки» непосредственно для человека.

> «...у нас явилась потребность, — пишет Лепешинская, — применять полученные экспериментальные данные к практической медицине, что требовало проверки наших исследований в опытах на человеческом организме. Первый пробный опыт я решила провести на себе самой. Опыт заключался в том, что я стала принимать содовые ванны. 50—70 граммов двууглекислой соды

растворялось в воде ванны, при температуре воды 35—36°, продолжительность ванны 15—20 минут.

Принимала я ванны два раза в неделю. Всего было мною принято пятнадцать ванн. Какие же изменения произошли в моем организме под влиянием содовых ванн? Прежде всего было отмечено понижение кислотности мочи до нейтральной реакции. Этот факт свидетельствует о том, что сода через кожу проникает внутрь организма и влияет на химизм мочи. Затем довольно быстро наступило незначительное похудание всего организма, освобождение от излишнего жира, столь обычного в пожилом возрасте, и в особенности жира на животе, что несомненно находится в тесной зависимости от повышения обмена веществ. Существенно отметить, что самочувствие после ванн улучшалось, мышечное утомление сильно снижалось и даже совершенно исчезало»[299].

Повышением тонуса и похуданием самой Ольги Борисовны дело не кончилось. Она ведь была АКАДЕМИКОМ Академии медицинских наук СССР. Значит, свою задачу она видела не только в том, чтобы разрешить проблему долголетия. Сфера научной деятельности была расширена, и академик признала необходимым и целесообразным начать применение соды для лечения разных болезней. По раскладкам Лепешинской выходило, что сода -- это мощное лекарственное средство.

«Оказалось, что содовые мази способствуют более быстрому заживлению ран. Содовые ванны оказались также эффективным средством при излечивании некоторых форм такого тяжелого и трудно поддающегося лечению заболевания, как тромбофлебит (воспаление стенок венозных сосудов, сопровождающееся образованием тромбов). Некоторые врачи практикуют введение однопроцентного раствора соды при сепсисе (общее заражение крови) и получают хорошие результаты. Следует полагать, что область применения соды как профилактического и медикаментозного средства со временем значительно расширится»[300].

Вдумаемся в смысл предложения Лепешинской. Она ведь рекомендовала не рот полоскать растворами соды, как это по старинке многие делали в тех случаях, когда десны кровоточили, не раны загноившиеся предлагала содовыми примочками отмачивать, не палец нарывающий в теплые содовые ванночки опус-

кать, не растворы нужного состава готовить с применением соды. Она выставляла соду как панацею от всех бед — от простеньких болезней до комплексных поражений! Там, где ученые разработали уже много путей лечения, где применяли сложные и обоснованные схемы воздействий на больной организм, чересчур оптимистичная, но безграмотная дама подсовывала страждущим то щепотку соды на стакан воды, то содовые уколы. И люди верили ей. Ведь она выступала не как частное лицо, а как ученый, облеченный высоким доверием самых лучших медиков страны, избравших ее ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ членом Академии медицинских наук СССР. Она нещадно эксплуатировала доверительное отношение людей к науке и ученым, ибо всегда было и есть в традиции интеллигентного человека ценить достижения науки, серьезно к ним относиться и пользоваться их результатами в жизни. Спекулируя на этом, Лепешинская не знала меры. Она заявляла, что под действием 1%-соды даже растения на полях растут лучше, ссылаясь в качестве подтверждения не на данные проверок, а на письмо, опубликованное

> «одним молодым колхозником-комсомольцем в недавнем номере журнала «Молодой колхозник», отсылаю интересующихся к № 3 этого журнала за 1951 год»[301].

Писала она и о якобы получаемых ею письмах, в которых «директора опытных участков, обрабатывавших семена свеклы 1%-ным раствором соды, добились повышения урожая на 37%»[302].

Сообщая о всех случаях благотворного влияния соды, Лепешинская попутно делает еще одно «открытие» — демографическое. И опять ею движет патриотизм. Оказывается, еще до ее научных подвигов дело с долголетием в СССР обстояло гораздо лучше, чем на презренном Западе.

> «По данным переписи населения за 1926 год, — утверждает она, — в СССР было зарегистрировано более 29 000 людей в возрасте от 100 лет и более, тогда как в других странах число таких долгожителей, по данным довоенной статистики, значительно ниже. Так, в Болгарии людей в возрасте от 100 лет и выше насчитывалось 158 человек, в Германии — 86, в Швеции — 58, в Италии — 51, в Норвегии — 35 человек. Наша страна самая богатая по числу долгожителей, и в этом отношении ни одна другая страна не может идти с ней в сравнение.

> В настоящее время, по уточненным данным, число долгожителей в СССР значительно возросло по сравнению с 1926 годом, что является прекрасным показателем преимуществ социального строя Советского Союза перед капиталистическим строем зарубежных стран»[303].

Как водилось у лысенкоистов, узнать, откуда она почерпнула сообщаемые ею данные, было нельзя: ссылки на источник отсутствовали. Однако согласно официальным данным (см. последнее издание Большой Советской Энциклопедии):

> «по данным переписи населения 1970 г., при численности населения СССР 241,7 млн. человек, возраст 100 лет и старше имели 19,3 тыс., что составляет 8 человек на каждые 100 тыс. человек»[304].

И оставалось гадать, либо Лепешинская взяла свои данные с потолка, либо число долгожителей, достигших возраста 100 лет и более, в первые годы после революции было еще достаточно велико, а затем они вымирали все больше и больше (разумеется, от «прелестей» советской власти), и к 1970 году их осталось всего лишь 19,3 тысячи!*

---

* Бесполезность всяких ссылок на преимущества той или иной социальной системы в отношении числа долгожителей хорошо установлена демографами. Тем более что, как отмечается в БСЭ, «на продолжительность жизни населения наличие нескольких тысяч долгожителей существенного влияния не оказывает»[305].

XVIII

КРУШЕНИЕ «ОСНОВ»

> Да... это было отрадное и отчасти грустное время... Окрылялись молодые надежды, развивались молодые упования, росли и крепли наши молодые силы. Кровавое знамя социализма пряталось. Чувствовалось жутко и вместе с тем легко и отрадно.
>
> *Новый нарцисс, или Влюбленный в себя*
> *Из книги «Признаки времени»*
> *М. Е. Салтыков-Щедрин*

В конце 1952 года в высотном здании Московского университета, возведенном на Ленинских горах, заканчивали отделку: красили потолки, настилали паркет. Художникам было заказано много портретов для украшения стен. В списке ученых, подлежащих увековечиванию, был и Трофим Денисович Лысенко. Он достиг апогея славы. О нем не умолкали газеты, о нем писали книги. На огромной сцене зала Чайковского однажды выстроился в несколько рядов любимый Сталиным Хор имени Пятницкого и грянул оду великому Лысенко. Все были уверены, что народный академик настолько укрепил свои позиции, что мог больше не бояться критики. В редакциях биологических журналов и в издательствах сидели в основном свои люди, газетчики и помыслить не могли, чтобы допустить малейшее отклонение от принятых на сегодня установок, да и всемогущая цензура не пропускала ни одного слова, идущего вразрез с официальной точкой зрения.

Поэтому столь сильным было всеобщее ошеломление, вызванное публикацией сразу двух статей, в которых разносу подверглось любимое детище Трофима Денисовича — новая «теория» биологического вида. В шестом номере «Ботанического журнала» за 1952 год заведующий кафедрой генетики и селекции Ленинградского университета профессор Н. В. Турбин опубликовал статью «Дарвинизм и новое учение о виде»[306], а мало кому известный в науке Н. Д. Иванов — в недалеком прошлом профессиональный военный с высоким чином генерала и к тому же зять М. И. Калинина, теперь занявшийся историей биологии, написал статью «О новом учении Т. Д. Лысенко о виде»[307].

Турбин, исходя из широко известных биологических фактов, отверг попытку Лысенко ревизовать теорию видообразования. Он заявил, что «опыты» по порождению видов — бездоказательны, а те, кто пытается утвердить в умах биологов новую

теорию — безграмотны. Факты нужны теории, как воздух птице для полета.

«Новое учение о виде с его претензией заменить собой дарвинизм может оказаться взмахом крыльями в безвоздушном пространстве», –

заключил Турбин[308]. Позже Турбин говорил мне, что именно это замечание, образно характеризующее новое «учение», наиболее сильно подействовало на Лысенко, и последний не раз со злобой вспоминал эту турбинскую фразу в разговорах со своими приближенными.

Иванов исходил в своей статье не столько из биологической необоснованности притязаний Лысенко на создание «новой теории», сколько из неоправданного притягивания в качестве обоснования ее правоты разных цитат из статей классиков марксизма-ленинизма.

Сам факт публикации критических статей в адрес Лысенко был многозначительным. Будучи опубликованными при жизни Сталина, они были восприняты многими как санкционированное Кремлем наступление на Лысенко. Как уже упоминалось, среди биологов поползли слухи, что якобы Сталин в разговоре с кем-то из своих приближенных сказал в самой опасной для судьбы людей краткой форме: «Товарищ Лысенко, видимо, начал зазнаваться. Надо товарища Лысенко поправить!»

Распространению этих сведений способствовал Д. Д. Брежнев - будущий Первый вице-президент ВАСХНИЛ и директор ВИР'а, в те годы занимавший высокий пост в Ленинградском обкоме партии и потому имевший доступ к партийным верхам. Поговаривали, что именно он посоветовал Турбину по-дружески (они, действительно, вместе учились в Воронежском сельхозинституте и были близки много лет) подготовить статью против Лысенко, обещая поддержку в партийных сферах.

Симптоматичным было то, что первый удар по Лысенко нанес человек из его же стана. Турбин был одним из тех, кто выступал на Августовской сессии ВАСХНИЛ с самыми резкими обвинениями в адрес генетиков и кто призывал безжалостно гнать их из научных и учебных институтов[309]*. Перу Турбина

* По окончании сессии 8 сентября 1948 года в Ленинграде было проведено общегородское собрание работников науки, на котором после доклада Презента выступил Турбин. В «Ленинградской правде» говорилось:

«На биологическом факультете Ленинградского университета, — говорит декан факультета профессор Турбин, — в течение многих лет подвизались менделисты-морганисты, махровые реакционеры от биологии. Учителем этой школы являлся профессор Филипченко, воспитавший целую плеяду больших и малых формальных генетиков» и т. д., и т. п.[310]

принадлежало два учебных пособия для студентов вузов и техникумов — «Хрестоматия по генетике»[311] с выдержками из работ тех, кого Турбин называл «корифеями материалистической биологии»[312], и учебник для университетов, допущенный Министерством высшего образования в качестве единственного пособия для студентов, «Генетика с основами селекции» (1952 года издания). Долгое время эти книги действительно были единственными пособиями по мичуринскому учению, благодаря чему имя Турбина прочно связывалось биологами с группой Лысенко.

Однако Турбин отличался от большинства из них начитанностью, блестящей памятью, познаниями в литературе, искусстве, истории (как-то он более часа рассказывал мне об истории московских храмов, чем, признаюсь, поразил меня). Его выступления были яркими, речь, хотя и многословной, но образной. Выходец из села Тумы Рязанской губернии (но из культурной семьи), Турбин был начисто лишен деревенских черт, всегда выпиравших из большинства лысенковских приближенных и самого Лысенко. В молодости он пописывал стихи, в студенческие годы, в бытность свою в Воронежском сельхозинституте, бегал к Осипу Эмильевичу Мандельштаму консультироваться и, по словам Турбина, даже был командирован на I Всесоюзный съезд писателей. В общем, он представлял собой фигуру, внешне отличную от большинства близких к Лысенко людей. Возможно, поэтому он позволял себе вольности, на которые в открытую никто из лысенковского окружения пойти бы не решился.

Так, в частности, в «Хрестоматии по генетике» расстановка текстов «корифеев» была вполне лояльной — 42% всего объема книги было отведено под выдержки из статей главного «корифея» — Лысенко. На долю Мичурина пришлось 24%, отрывки Дарвина заняли 15%, и на Тимирязева падало 7%, то есть все подходило под стандарты того времени.

Однако во вступительной статье, написанной самим Турбиным, почти треть текста была посвящена изложению основ классической генетики и описанию ее законов. Законы эти, конечно, объявлялись несуществующими и вредными, и Турбин не чурался таких выражений, как, например, «менделевские формулы... являются образцом пустого бессодержательного формализма»[313]; или: «Мичуринская генетика — единственно обоснованное и прогрессивное направление в изучении наследственности... развивающееся в нашей стране в непримиримой борьбе с реакционной менделевско-моргановской генетикой»[314]. Но он не ограничивался только бранью, как делали практически все лысенкоисты, в общем-то и не знавшие толком

ничего о генетике. Все-таки из чтения вводной главы студенты могли почерпнуть кое-какие разрозненные сведения и о запрещенной генетике.

Точно так же вел себя Турбин на своей кафедре генетики в Ленинградском университете. Он не мог не употреблять «канонических штампов» — ругани в адрес хромосомной теории наследственности, не препятствовал тому, чтобы сотрудники его фальсифицировали доказательства, что вовсе не половые хромосомы определяют пол организмов[315] и что законы Менделя неверны[316]. Но, с другой стороны, в лекциях студентам Турбин излагал выводы Менделя, Моргана, Вейсмана, Иоганнсена.

Все это было хорошо известно Лысенко, что, видимо, и послужило причиной того, что фамилия Турбина не была включена в список лиц, утвержденных Сталиным академиками ВАСХНИЛ без выборов в конце июля 1948 года, хотя в это время Турбин был в числе немногих лысенкоистов, имевших степень доктора биологических наук и звание профессора, и к тому же он занимал высокий пост заведующего кафедрой генетики ведущего университета страны.

И вот такой человек — известный всей стране приверженец мичуринской биологии вдруг почувствовал перемену ветра и направил огонь критики на Лысенко, которого он сам еще вчера причислил к разряду «корифеев отечественной биологии». Многие стали поговаривать, что крысы побежали с тонущего корабля.

Могли ли спокойно пройти мимо этого лысенкоисты? Способны ли они были что-то противопоставить статьям Турбина и Иванова?

Прежде всего они постарались консолидировать усилия, распределить роли, чтобы массированным ответом подавить критику. Сразу во многих журналах, контролируемых приверженцами лидера мичуринской биологии, появились статьи с ответами критикам[317]. Их характерной чертой была тенденциозная крикливость, настоящая истерия. Вышли они в номерах, опубликованных уже после смерти Сталина, и перепевали на все лады идею о незыблемости сталинских установок. Этот тезис звучал в статье Опарина «И. В. Сталин — вдохновитель передовой биологической науки»[318]. Оберегая лысенкоизм от критики, автор писал:

> «Центральный Комитет Коммунистической партии рассмотрел и одобрил доклад акад. Т. Д. Лысенко. Для всех советских биологов этот документ, лично просмотренный И. В. Сталиным, является драгоценной программой творческого развития биологической нау-

> ки, определившей ее пути и задачи. Советский творческий дарвинизм составляет гранитный фундамент, незыблемую основу, на которой бурно развиваются все отрасли биологической науки»[319].

Но никакого гранита на деле не было и задавить оппозицию на корню не удалось. Именно против «советского творческого дарвинизма», то есть представлений Лысенко о порождении видов, отсутствии внутривидовой борьбы, стремлении организмов к самопожертвованию ради процветания вида — всего конгломерата надуманных закономерностей, выдаваемых за последнее слово мичуринской биологии, и восстали биологи.

Начиная с 1953 года в «Ботаническом журнале», руководимом академиком В. Н. Сукачевым, стали появляться одна за другой статьи, наполненные фактами. В них не было крика и угроз, не было оскорблений. Деловито и сухо авторы разбирали заблуждения Лысенко и его сторонников. В третьем номере этого журнала появилось письмо Лепешинской. В нем, напротив, не приводилось ни одного нового факта, но зато через край била энергия идейного осуждения. Ударным коньком ее письма было утверждение о безусловной и безоговорочной правоте «учения И. В. Сталина» относительно законов природы, которое, несомненно, переживет века.

> «Лысенко подходит к вопросу видообразования как материалист диалектик и в полном согласии с И. В. Сталиным», —

писала она[320] и продолжала:

> «...на 36-м году советской власти пора отказаться от защиты всяких метафизических взглядов и под видом критики стараться выгородить свои ошибочные, лженаучные установки»[321]

Волнение Лепешинской было понятно. «Теорию видообразования» Лысенко и ее собственные рассуждения о возникновении клеток из бесклеточного вещества объединял теперь единый для всей природы «ЗАКОН перехода из неживого в живое» Следовательно, за опровержением домыслов Лысенко о превращении кукушки в пеночку или пшеницы в рожь неминуемо должно было последовать и ниспровержение лепешинковщины Было от чего встревожиться.

Особенно болезненной для Лысенко стала публикация материалов, доказавших, что превращения сосны в ель[322] и граба в

лещину[323] были на самом деле примитивным обманом. И Авотин-Павлов в Риге, и С. К. Карапетян в Ереване (как было теперь точно установлено) отлично знали, как и когда ветки других пород были привиты на описанных ими деревьях, но они предпочли сжульничать, чтобы прославиться. Жульничество выплыло наружу[324].

Поскольку «выпотевание» сосны в ель, описанное Авотиным-Павловым, нравилось Трофиму Лысенко и он не раз ссылался на него, то теперь он оказался лично запачканным. А в истории с карапетяновским порождением лещины на дереве граба Лысенко совсем опростоволосился. Когда ему стало известно, что в «Ботаническом журнале» готовится материал о мошенничестве Карапетяна, Лысенко решил любой ценой предотвратить публикацию. Однако замять дело келейно и полюбовно ему не удалось. Не запугал редколлегию и сердитый звонок академика из Москвы. Тогда Лысенко решил, что надо просто написать в редколлегию письмо с предложением остановить печатание опасной для него статьи. Видимо, он не мог и мысли допустить, что после получения его письма кто-нибудь решится (отважится) напечатать статью, которую Лысенко считает неверной по сути и по фактам. Так в Ленинград ушло письмо следующего содержания:

> «Мне стало известно, что акад. В. Н. Сукачев, главный редактор «Ботанического журнала», сообщил, что в пятом номере вашего журнала идет статья, которая якобы не только опровергает высказывания С. К. Карапетяна о порождении грабом лещины, но и обвиняет тов. Карапетяна в нечестности. Статья тов. Карапетяна была помещена в журнале «Агробиология» (где редактором был Т. Лысенко. — *В .С.*).
>
> Будучи детально знаком со многими материалами по данному вопросу и будучи также уверен, что редакция «Ботанического журнала» с этими материалами незнакома, я и решил сообщить вам следующее.
>
> Предположения, высказанные в статье С. К. Карапетяна о порождении грабом лещины в свете новых, выявленных на этом же дереве порождений лещины, являются неуязвимыми. Иными словами, статья, опубликованная С. К. Карапетяном, была и остается научно правильной.
>
> Мне кажется, что, имея данное мое заявление, редакция «Ботанического журнала», для того, чтобы не сделать ошибки, могущей повлечь за собой вред для нашей науки, и чтобы не опорочить честного человека,

должна разобраться поподробнее во всех материалах, относящихся к данному вопросу»[325].

И, действительно, редколлегия сняла из пятого номера уже набранную статью. Но, как оказалось, это было сделано вовсе не из страха перед всесильным Трофимом Денисовичем. Через два месяца статья, принадлежащая перу армянского ученого А. А. Рухкяна, опровергающая не только «неуязвимые и научно правильные предположения Карапетяна», но и утверждения самого Трофима Денисовича, увидела свет[326]. Ее печатание задержали лишь для того, чтобы одновременно опубликовать и письмо Лысенко. Эффект публикации был ошеломляющим. Приведенные в статье Рухкяна фотографии и описания неопровержимо свидетельствовали, что Карапетян — мошенник, грубо подретушировавший нужные снимки, навравший о том, в каких условиях росла его «граболещина» и вообще наплетший с три короба. Тем самым было документально продемонстрировано, что в основу «учения о виде Лысенко» положены лживые факты.

В короткое время в редактировавшихся академиком Сукачевым «Ботаническом журнале» и «Бюллетене Московского общества испытателей природы (отдел биологический)» были опубликованы десятки статей, авторы которых с помощью тщательно изученных фактов показали ошибочность «новой теории вида» — основы «советского творческого дарвинизма».

Но одними научными публикациями дело не ограничилось. В это же время Лысенко торопился всеми силами завершить работу над диссертацией В. С. Дмитриева (см. главу X). Ближайший сотрудник Лысенко тех лет Нуждин писал статьи за Дмитриева. Совместными усилиями был подготовлен пухлый фолиант — текст диссертации на соискание степени доктора биологических наук. В 1952 году Дмитриев познакомился с работой, которую ему предстояло защитить как докторскую диссертацию. Впрочем, никакой защиты, обороны от нападавших в открытом научном споре с критиками-оппонентами не предвиделось: защиту назначили в Ученом совете своего же Института генетики (директор Лысенко), председателем Ученого совета был Лысенко, так что исход «защиты» был предопределен. Любителей перечить директору не нашлось. Защита диссертации Дмитриева прошла без сучка и задоринки.

Теперь предстояло пройти еще один фильтр. Формально степень доктора наук присваивает Высшая Аттестационная Комиссия (ВАК). Председательствовал тогда в ней близкий к Лысенко человек, а заместителем председателя был вообще свой человек — В. Н. Столетов. В биологической секции заседали

также преданные Лысенко люди. Разумеется, некоторые формальности надо было соблюсти — послать диссертацию на отзыв эксперта, фамилию которого диссертанту не сообщали (злые языки шутили, что эти тайные рецензенты на деле — «черные оппоненты»). Потом отзыв поступал для обсуждения в биологическую секцию ВАК, решение ее рассматривалось на пленуме, затем Президиум ВАК утверждал решение, и, наконец, соискателю ученой степени выдавали диплом доктора наук.

До сих пор, благодаря засилью во всех подразделениях ВАК'а своих людей, Лысенко удавалось беспрепятственно продвигать в дипломированные ученые своих сподвижников. Но здесь случилась заминка, что-то нелепое и неладное. Не зря говорят: придет беда — отворяй ворота. Диссертацию послали Турбину (лысенковцы еще не знали, что он уже написал разгромную статью для «Ботанического журнала», что он уже перестал быть для Лысенко своим, что уже переметнулся в лагерь «врагов»). Турбинский отзыв оказался разгромным. Закрытый оппонент стал для Дмитриева и на самом деле «черным оппонентом».

Тогда лысенковские ставленники, орудовавшие в биологической секции ВАК, решили направить диссертацию на внутренний отзыв вторично. Они выбрали спокойного человека — профессора Сергея Сергеевича Станкова, незадолго до того переехавшего из Горького в Москву, где он стал заведовать кафедрой геоботаники в Московском университете. Станков казался человеком нейтральным, понятливым, ни в чем предосудительном не замешанным. Не учли лысенкоисты лишь двух моментов: Станков был человеком действительно спокойным и рассудительным, но честным и порядочным, настоящим интеллигентом, а к тому же во время жизни в Горьком он близко сдружился с великим русским генетиком С. С. Четвериковым, поселившимся после уральской ссылки в городе на Волге (в Москву Четверикову вернуться не разрешили, хотя до ареста и ссылки он жил в столице, там он и родился, там и учился, там и организовал первую в стране лабораторию по популяционной генетике). Таким образом, Станков был вполне в курсе новых веяний в отечественной науке и симпатий к мичуринцам не испытывал.

Положение осложнилось дополнительным обстоятельством. Во второй половине 1953 года была опубликована статья академика Сукачева, в которой последний разобрал печатные работы Дмитриева. Вывод самого авторитетного в этих вопросах отечественного ученого был убийственным: Сукачев отверг правдоподобность фактической стороны «опытов» Дмитриева

по превращению культурных растений в сорняки и высказал свое мнение не в *виде завуалированных намеков, а вполне* открыто.

> «Таких фактов, однако, нет в работах ни В. С. Дмитриева, ни других авторов, — резюмировал академик Сукачев и продолжал: — Следовательно, В. С. Дмитриев просто вводит в заблуждение читателей»[327].

Он также негативно отозвался о полемических приемах, использовавшихся Дмитриевым, Нуждиным и их сторонниками в научной дискуссии:

> «Мы имеем не дискуссию, двигающую науку, а толчею воды в ступе»[328].

Поэтому не было ничего случайного в том, что на работу Дмитриева, прошедшую стадию Ученого Совета лысенковского института генетики, но застрявшую в ВАК'е, Станков дал отрицательный отзыв.

Тогда Лысенко решил переломить ход борьбы иным способом. 20 февраля 1954 года, когда материалы о докторской диссертации Дмитриева поступили для окончательного рассмотрения на пленум ВАК, Лысенко (член Президиума ВАК) приехал на заседание и стал ожесточенно добиваться отмены всех отрицательных отзывов и присуждения его протеже искомой степени. Он трижды брал слово, обозвал всех «черных оппонентов» морганистами-вейсманистами, за ним выступили Опарин, почвовед В. П. Бушинский — старый большевик, любивший цветисто рассказывать на лекциях студентам в Тимирязевской академии о том, как он якобы участвовал в штурме Зимнего дворца в Петрограде 25 октября 1917 года (хотя, как теперь хорошо установлено историками, никакого штурма не было), плодовод П. Н. Яковлев, когда-то работавший в Козлове под началом Мичурина. Затем Лысенко поддержал специалист в области механики и машиноведения А. А. Благонравов, председательствовавший на Пленуме ВАК... и благодаря всему этому Пленум решил все-таки присвоить Дмитриеву степень доктора биологических наук. Лысенкоисты праздновали победу.

И вдруг через месяц, словно гром среди ясного неба, по этому, уже решенному ВАК'ом вопросу, выступила газета «Правда». 26 марта 1954 года в центральном органе партии было напечатано письмо беспартийного Станкова с описанием поведения Лысенко в ВАК'е при обсуждении дмитриевской диссертации. Станков писал, что рассматривает факт присуждения самой вы-

сокой ученой степени человеку неграмотному в биологии как «глумление над советской наукой»[329].

Под письмом Станкова было напечатано добавление от редакции, в котором сообщалось, что «в связи с поступлением в ВАК дополнительных материалов, характеризующих научную необоснованность и неправильную методику исследований в этой диссертации... Высшая аттестационная комиссия постановила отклонить ходатайство Совета Института генетики АН СССР об утверждении Дмитриева В.С. в ученой степени доктора биологических наук, отменив решение ВАК от 20 февраля 1954 г.».

Так победа вдруг обернулась для Лысенко горьким поражением. Трагичным было и то, что известила о провале самая важная, самая партийная газета страны. Что могло быть хуже?

XIX

ОПРОВЕРЖЕНИЕ ИДЕЙ БОШЬЯНА

..бывают такие физиономии, которые как ни умывай, ни холь, а все кажется, что настоящее их место не тут, где вы их видите, а в доме терпимости

Современная идиллия
М. Е. Салтыков-Щедрин

Не скрою, описывать историю лысенкоистов и их судьбы было бы даже весело, если бы не одно печальное обстоятельство. Они творили, выдумывали и пробовали не в вакууме, не в инертной среде, и за каждой их выходкой, каждой благоглупостью стояли отнюдь не благие порывы, что кончалось для многих окружающих печально и порой трагично. Каждый из лысенкоистов кипел бурной энергией, всплывал на вершине административной власти в науке, оттесняя настоящих ученых, каждый, как мог (а могли и умели они однообразно и только злобно), подавлял настоящих ученых. В обстановке мифотворчества, когда людям постоянно вбивали мысль, что советским труженикам подвластны любые чудеса, что не сегодня-завтра в стране настанет такое светлое будущее, которое не снилось самым буйным фантастам, критерии правдивости были утрачены. И многие верили, что и на самом деле не ценою огромного труда тысяч подневольных людей возведен Днепрогэс, а что возвели его свободные советские люди по особым, чудесным инженерным планам, просто недоступным западным отсталым инженерам. Верили, что нитки каналов «Москва -Волга» или «Беломорканала» пролегли по российским просторам, воплотив в жизнь особые, замечательные раскладки самых передовых в мире ученых, обогнавших в полете реальной фантазии узколобых и чересчур практичных немцев, англичан или американцев. Где им до наших? Да и откуда было советским обывателям знать, костьми скольких заключенных уложено дно каналов, какой жуткой ценой оплачена гладь искусственных рек, на каком фундаменте покоятся бетонные опоры Днепрогэсов или извергающие огонь мартены Магнитогорска.

Конечно, в каждом из этих достижений проявлялось не только насилие, не только творчество гибнущих зэков, но и настоящее творчество замечательных инженеров, первоклассных специалистов, оригинально мыслящих ученых. Спору нет, пора оптимизма и веры в светлое будущее дарила озарениями многих оптимистов и приносила успехи и в сфере научного поиска.

Однако расцвет мифотворчества создал предпосылки для разгула множества жуликов, проходимцев, ловких обманщиков, которые лезли со своими мыльными пузырями в объятия ждавших их и радовавшихся им (и таких же безграмотных и не способных отличить зерна от плевел) начальников и вождей. Одни предлагали рецепты скорого и дешевого решения тяжелых задач, другие радовались возможности объявить народу, что задачи будут вот-вот решены и крепости покорены, потому что наука уже запланировала нужные решения и быстрые покорения.

Наконец, открытие ворот в науку для людей «из народа», призыв к созданию красной интеллигенции, берущей начало с декрета о высшем образовании, подписанном Лениным в 1918 году, дало возможность пойти косяком в науку бойким выдвиженцам и себялюбивым ударникам, сформировавшим плотную массу середняков, облепивших научные лаборатории и желающих урвать кусок пожирнее от «научного пирога». Укрепленные броней пролетарско-крестьянского происхождения и родства с партией эти середнячки и не собирались мириться с тем, что их способность рождать новое ниже всякой критики, что в ученые они не годятся, как бы они ни тщились выдавить из себя что-то оригинальное. Попав в «ученое русло», они не тушевались: они изрыгали из себя фантасмагорические прожекты и, побивая скептиков цитатами из брошюр классиков марксизма-ленинизма, настаивали на их универсальной реальности и полезности. Бороться с такими молодцами, оставаясь на почве чисто научных рассуждений, было чаще всего невозможно и даже опасно. Эти революционеры умели подвести своих оппонентов под разряд врагов, вредителей, рутинеров и пособников мировой буржуазии.

Прекрасным образчиком такого стиля стала борьба Геворга Мнацакановича Бошьяна с критиками его взглядов. В 1948 году его еще никто в научном мире не знал, а в конце 1949 года он попал в зенит внимания, опубликовав книгу «О природе микробов и вирусов». Поддержанный и ободренный газетами, затем журналом «Большевик», коллегами, опубликовавшими хвалебные статьи в научных и популярных изданиях, Бошьян быстро состряпал докторскую диссертацию и защитил ее. Перед ним открывалось широкое поле деятельности, и он решил ухватить все возможное. Он был заведующим биохимической лабораторией во Всесоюзном институте экспериментальной ветеринарии (ВИЭВ). За один год Бошьян сумел организовать еще одну лабораторию в том же институте, одновременно возглавил лабораторию во Всесоюзном Институте экспериментальной медицины имени Горького Минздрава СССР (деятельность этой лаборатории была тут же засекречена, а у дверей отсека, где разместился

Бошьян с помощниками, стоял часовой с оружием). Еще один огромный (и также засекреченный!) коллектив был набран Бошьяном в другом институте — Всесоюзном институте эпидемиологии и микробиологии имени Н. Ф Гамалея АМН СССР. Под началом Геворга Мнацакановича уже в 1950 году, его триумфальном году, работало несколько сотен научных работников — целый институт.

То, каким необычным путем внедрился Бошьян в Институт имени Гамалея, стало известно в конце 80-х годов, когда заведующему лабораторией этого института профессору В. Н. Гершановичу разрешили познакомиться с архивными документами, хранившимися несколько десятилетий под грифом «совершенно секретно». Вероятно, аналогично было обставлено дело и в других институтах. Итак, 13 июля 1949 года министр здравоохранения СССР издал приказ о создании в Институте имени Гамалея Лаборатории изменчивости микроорганизмов под руководством Бошьяна. Министр издал этот приказ под давлением сверху, так как на самом приказе стояла подпись завизировавшего его более высокого начальника (министр как бы прикрывал себя этой визой от возможных в будущем укоров). Виза принадлежала крупному партийному руководителю, который, конечно, никакого отношения к медицинскому миру вообще не имел, — заведующему Сельскохозяйственным отделом ЦК КПСС А. И. Козлову. Характер будущей обстановки вокруг лаборатории Бошьяна был уже предопределен в этом приказе. Бошьяна назначали не просто заведующим этой лаборатории (специально оговорено было, что с самого момента зарождения лаборатории вся ее деятельность была квалифицирована как строго секретная), но и заместителем директора института. Обязанности заместителя директора также были ясно очерчены: он получал в свое подчинение только одну лабораторию — свою собственную. В тот же день, 13 июля 1949 года, тогдашний директор института издал приказ №1-с (то есть первый в институте секретный приказ), повторявший формулировки министра. Так с первой же минуты Бошьян выходил из-под всякого контроля и мог творить в своей вотчине за казенный счет что только ему заблагорассудится.

И все-таки молниеносный взлет Бошьяна был отличен от взлета других лысенкоистов. Он учуял, что в атмосфере лжетворчества сможет найти свою лазейку, благодаря чему займет место в сфере, пока еще не оккупированной другими лженоваторами. Понимал он также, что области вирусологии и микробиологии — это относительно молодые научные дисциплины. Среди отечественных биологов было еще немного специалистов, хорошо в них разбирающихся. В то же время специальные

методы этих дисциплин были недоступны примитивным агрономам (вернее, «агробиологам») и еще долгое время должны были оставаться для них «терра инкогнито». Ветеринар по образованию, следовательно, человек, по идее, более образованный, чем Лысенко и Лепешинская, он решил вообще ни на кого не опираться, а утверждать лишь свое первородство в открытии фундаментальных истин. Невероятное по своим масштабам нахальство и уникальный цинизм, выросшие на почве начисто отсутствующего самоконтроля, вели к тому, что Бошьян заявлял об открытиях, не имевших под собой никакой реальной основы, но звучавших столь же победоносно и революционно, как звучали все новаторские предложения Лысенко.

Вся атмосфера мифотворчества, пронизавшая советское общество, способствовала взлету Бошьяна. Без трех десятилетий советской власти, кормившей народ обещаниями грядущих чудесных перемен в обществе, без полуторадесятилетней психологической обработки широких слоев населения россказнями об успехах Лысенко и о неизбежной победе «мичуринцев», успех Бошьяна был бы совершенно невозможен. Потому, как ни надувался Геворг Мнацаканович, какого он туману не напускал, его рассматривали как нового питомца «гнезда лысенковского», как очередного героя «мичуринской биологии». Только будучи включенным в славную когорту, он получал право на процветание. Однако чрезмерность стиля его книги и непомерное хапужничество в практической жизни вызвало ожесточение даже среди таких же, как Бошьян, «спецов».

В 1950 году известный биохимик В. Н. Орехович* опубликовал в ежегоднике «Вопросы медицинской химии» рецензию, отличавшуюся от других рецензий, увидевших свет в то время[330]. Орехович открыто сказал о безграмотности Бошьяна, о том, что ничего, кроме артефактов, в труде, претендующем на эпохальность, нет[331], отметил такие нелепости, как причисление антибиотиков к живым структурам белковой природы, с юмором рассказал об открытии Бошьяном микробной природы рака и в шутку спрашивал, почему же. сделав колоссальной важности открытие, Бошьян «не бросил все остальное, чтобы разрешить, наконец, проблему... рака»[332].

> «Необходимо отметить особенно неприятную черту книги Г. М. Бошьяна, - добавлял Орехович, — это полное игнорирование в ней достижений современной

* С 1949 г. Василий Николаевич Орехович стал директором Института биологической и медицинской химии АМН СССР, с 1953 по 1963 г. г. он был членом Президиума АМН СССР, с 1960 по 1963 годы — вице-президентом АМН СССР

науки и утверждение, что вся истинная настоящая биологическая наука начинается с Г. М. Бошьяна»[333].

Но если вполне понятным было отрицательное отношение к постулатам Бошьяна со стороны серьезного ученого Ореховича, то могло показаться странным, что Бошьяна не признали своим представители мичуринского учения. Ведь его идеи были плоть от плоти «мичуринской биологии», они вполне согласовывались с основными догмами Лысенко. Разве превращение кукушек в пеночек было менее фантастичным, чем переход простейших вирусов в простенькие бактерии? Разве отказ от природы иммунитета или выдумки про истоки рака были более кощунственными, чем лысенковское табу на гены? Разве декларации Лепешинской о живом веществе были более конструктивными? И разве эксперименты всех лысенкоистов были более изощренными и точными?

Так почему же на бедного Бошьяна посыпались шишки и со стороны мичуринцев? Чем он так провинился?

Одна причина уже упоминалась: широта замаха самозванца была необъятной. За чересчур много проблем сразу ухватился никому неведомый ветеринар. С другой стороны, многих раздражал его нахальный тон. Зазнайство нового героя даже по тем лихим временам было уникальным. Такая степень самовосхваления и претензия на коренную ломку краеугольных положений науки сильно коробила многих, даже видавших виды сторонников мичуринского учения Товар продавался по чрезмерно высокой цене. а продавец слишком явно привирал.

И все-таки главная причина коренилась в другом. Бошьян в книге решил обойтись без цитирования трудов Лысенко и настаивал на своем собственном приоритете во всех вопросах. Поэтому в нем увидел возможного конкурента сам Лысенко.

Об этой скрытой пружине, начавшей исподволь давить опасного выскочку, поведал 5 января 1951 года на заседании Всесоюзного общества микробиологов близкий к Лысенко человек — С. Н. Муромцев[334]. Он рассказал, что еще на стадии обсуждения рукописи книги Бошьяна Лысенко дал о ней отрицательное заключение[335]. Сам Лысенко также не скрывал среди своих приближенных раздражение бошьяновскими притязаниями на независимость генезиса его идей от лысенковских *(Личное сообщение академика ВАСХНИЛ И. Е. Глущенко).*

Внешней причиной своего недовольства Лысенко выставил плохую экспериментальную разработку вопроса о перерождении вирусов в микробные клетки и недоучет влияния внешней среды на этот процесс. Это звучало просто смешно. Лысенко, утверждавший без всяких экспериментов возможность превра-

щения кукушек в пеночек или восхвалявший «наблюдения» Карапетяна и Авотина-Павлова за процессом «выпотевания» деревьями веток других пород, сейчас вставал в позу моралиста и брался судить об экспериментальных ошибках Бошьяна. Не более весомо звучало и его возражение относительно недоучета внешней среды.

В то же время, сообщая о недовольстве Лысенко, Муромцев открыто поддержал идею превращения одних организмов в другие, так же как возникновения клеток из неклеточного вещества, заявив, что они отнюдь не порочны, а, напротив, прогрессивны[336]. О возникновении вирусов и бактерий из живого вещества Муромцев говорил как о совершенно доказанном процессе. По его словам, вполне реальным мог считаться и другой процесс — тот, при котором вирусы и бактерии могли «зарождаться... из измененных белков клеток животных, растений, бактерий»[337]. Но, заботясь о личных интересах Лысенко, он лишал права Бошьяна и некоторых других лиц утверждать вполне сходные мысли о перерождении вирусов в микробы и обратно.

> «Представление Утенкова, Крестовниковой, Бошьяна о том, что бактериофаг — стадия развития исходного микроба, которого он растворил, явно не согласуется с фактами...» —

писал Муромцев и, переходя на понятный ему язык, спрашивал:

> «Где это видано, чтобы яйцо превратило курицу снова в яйцо или, положим, икра какой-либо рыбы растворила или превратила в икру ту рыбу, которая ее произвела?»[338]

Особенно наглядно взгляды Муромцева (и, конечно, его покровителя — Лысенко) раскрывались в конце выступления, когда он стал говорить о том, что в принципе подход Бошьяна нисколько не противоречит основам «мичуринского» учения:

> «Опубликованные... Бошьяном работы являются наглядным доказательством того, что победа мичуринской биологии в нашей стране привела к коренному, смелому пересмотру всех основных проблем современной микробиологии...»[339]

В это время значительная часть микробиологов еще не рассматривала Бошьяна как нездорового прожектера и ниспровер-

гателя основ мичуринского учения, безответственно разрушающего его методом от противного (или, вернее сказать, методом ad absurdum). На его книгу последовали вполне благожелательные рецензии, в печати появились статьи, авторы которых серьезно оспаривали у Бошьяна пальму первенства в вопросе превращения неклеточных форм (вирусы) в клеточные (бактерии) (такие, как В. А. Крестовникова, Г. П. Калина, А. В. Маслюков и некоторые другие)[340].

А старший научный сотрудник Института малярии Минздрава БССР А. Я. Жолкевич пыталась даже «переплюнуть» Бошьяна: она сообщила о кристаллизации целых колоний бактерий[341]. В подтверждение своей правоты Жолкевич указывала на то, что, дескать, дочь Лепешинской, Ольга Пантелеймоновна, продвинулась дальше нее и принародно объявила о получении кристаллов не вирусов или бактериальных клеток, а более сложно устроенных клеток — простейших (Protozoa).

Конечно, нашлись грамотные ученые, в прятки с совестью не игравшие. Они, невзирая ни на какие угрозы и не принимая во внимание хор аллилуйщиков, восславлявших революционерку Лепешинскую и ее последователя Бошьяна, критиковали последнего по всему комплексу его умозрительных построений. М. П. Чумаков (в будущем академик АМН СССР, директор Института полиомиелита и вирусных энцефалитов, Герой социалистического труда, лауреат Ленинской и Государственных премий), В. Н. Орехович, П. Ф. Здродовский выступили с обоснованными негативными заключениями относительно взглядов Бошьяна на упоминавшемся заседании Правления Всесоюзного общества микробиологов 5 января 1951 года. На VI сессии Академии меднаук СССР, состоявшейся в том же 1951 году в защиту Бошьяна выступил Жуков-Вережников, однако Чумаков, Орехович, генерал-майор медицинской службы Ф. Г. Кротков, одно время исполнявший обязанности вице-президента АМН СССР, и Тимаков не согласились с мнением Жукова-Вережникова, что «...книга Бошьяна сыграла положительную роль»[342] Особенно резок в оценке работы Бошьяна был Чумаков, который прямо обвинил Министерство здравоохранения СССР, Академию меднаук и Медгиз в «беспрецедентной поддержке книги Бошьяна», выпуск которой в свет Чумаков считал «ошибкой, допущенной потому, что Министерство не спросило мнения ученых...»[343]

В 1952 году в печати появились новые свидетельства ошибок Бошьяна[344]. Становилось все более очевидным, что он фальсифицировал все данные и что его выводы — плод фантазии, а не «замечательные достижения передовой советской социалистической науки»[345]. Кое-кто из лиц, первоначально пропевших

дифирамбы Бошьяну, сочли за благо в этих условиях отмежеваться от него и опубликовать критические статьи в его адрес (Г. П. Калина[346] и его ученик В. Д. Тимаков* и др.).

Бошьян все критические замечания встретил крайне агрессивно. Ореховича он обвинил в неспособности дорасти до уровня экспериментирования и понимания результатов опытов, присущего ему. Г. М. Бошьяну, а также в злонамеренном пренебрежении успехами революционной науки.

> «Рецензия В. Н. Ореховича, — писал он, — ...является неудачной и тенденциозной... В. Н. Орехович встал на путь защиты явно устаревших догматических положений в науке и на путь борьбы против новых идей советской микробиологии»[347].

Ставя свое имя в один ряд с именами выдающихся русских ученых, он продолжал:

> «На протяжении всей истории науки передовые русские ученые всегда смело брались за разрешение новых вопросов... Такие выдающиеся корифеи русской микробиологии, как Ценковский, Мечников, Виноградский, Омелянский, Гамалея, Ивановский и другие, уже внесли огромный вклад в сокровищницу нашей отечественной микробиологии... Систематическое исследование привело (нас. — *В.С.*) к последовательному научному обобщению в свете мичуринского учения закономерностей превращения микроорганизмов. Кни-

---

* Владимир Дмитриевич Тимаков, несмотря на то, что первоначально он опубликовал несколько статей, в которых благожелательно отозвался о работах по переходу неклеточных форм в клеточные, позже несколько изменил свою позицию. На лекциях студентам во 2-м Московском медицинском институте он сказал, что опыты Бошьяна бездоказательны, потому что во всех его опытах, описанных в книге, нет даже намека на разделы, в которых бы описывались методы работы. «А раз так, сказал Тимаков, — то и воспроизвести эти опыты нельзя, и к науке они отношения не имеют» (*личное сообщение доктора медицинских наук Н. А. Магасаника, слушавшего лекции Тимакова студентом*). В. Д. Тимаков был ревностным службистом, всегда чутко следившим за веяниями наверху. Но в обычной жизни он был добрым, сердечным и отзывчивым человеком. Впрочем, и в ряде других вопросов он возвышался над подавляющей массой чиновников его уровня. Так, в его отделе в Институте имени Н Ф Гамалея основные позиции всегда занимали талантливые сотрудники-евреи (Д. М. Гольдфарб, А. Г. Скавронская, Г. Я. Каган, А. Е Гурвич, позже В Н. Герщанович, В. А Зуев и др.). Когда в годы разгула антисемитизма (конец 40-х и начало 50-х годов) евреев гнали изо всех научных учреждений, Тимаков с изрядным мужеством отстоял всех «своих евреев», и все они плодотворно работали. Так же вел себя Михаил Петрович Чумаков - человек честный, прямой и мужественный, ученый, благодаря подвижничеству которого население страны было спасено от полиомиелита.

га «О природе вирусов и микробов» есть результат наших многолетних работ»[348].

Особо сильный гнев вызвала у него критика ошибки, касающейся того, что антибиотики — это не белки. Приведенные Ореховичем структурные формулы пенициллина и стрептомицина его нисколько не удовлетворили. И он решил выйти из затруднения весьма оригинальным путем: раз структуру антибиотиков установили не русские, а английские и американские ученые, то и верить им нечего.

Вместо разбора критических замечаний Ореховича Бошьян принялся сыпать оскорблениями и угрозами в каждом абзаце. Он характеризовал тех, кто не признает «первостепенного для нашей науки.. вопроса... что органическая жизнь... постоянно зарождается из безжизненной органической и неорганической материи», как «мистиков, идеалистов и консерваторов»[349] и заявлял:

> «Свое научное бессилие В. Н. Орехович прикрывает кажущимся богатством литературно-исторических знаний, фактически же он подменяет научное исследование спекулятивными фразами»[350],

> «В. Н. Орехович... сознательно и намеренно извращает факты»[351],

> «...свое непонимание... он прикрыл... массой клеветнических измышлений. К умышленному, тенденциозному извращению фактов, изложенных в нашей книге, Орехович прибегает неоднократно»[352].

Да, такого стиля научной полемики классическая или «старая», как ее обозвал Бошьян, наука не знала. Обвиняя своего оппонента, говорящего нелицеприятно, но вполне корректно, в «многословии»[353], в том, что он «исходит из старых догм»[354], в том, что он — «консерватор», «реакционер» и «космополит»[355], Бошьян переходит к политическим обвинениям:

> «Серьезная ошибка В. Н. Ореховича заключается именно в том, что он не понял сущности советской мичуринской биологии. Он не видит и фактически не признает революционизирующей роли человека и особенно нашего советского общества...»[356]
>
> «Кажется странным неверие В. Н. Ореховича в то, что в советских условиях наши ученые за 10—12 лет

могут сделать то, чего старая наука не сделала на протяжении 100 лет. Известно, что такого рода скептики всегда просчитывались. Нет сомнений в том, что такая же участь ожидает В. Н. Ореховича»[357].

Яснее ясного говорит он о том, какую критику он бы приветствовал:

> «Мы нуждаемся в критике наших работ. Критика с позиций марксизма-ленинизма, с позиций советской мичуринской биологической науки поможет нам творчески дальше развивать советскую микробиологическую науку. К сожалению, В. Н. Орехович... забыл, что «для диалектического метода, – как указывает товарищ Сталин, — важно прежде всего не то, что кажется в данный момент прочным, но начинает уже отмирать, а то, что возникает и развивается, если даже выглядит оно в данный момент непрочным, ибо для него неодолимо только то, что возникает и развивается»[358].

Считая, что этим он полностью обезоружил критика, Бошьян закончил свой «Ответ рецензенту» следующим образом:

> «Среди советских ученых, наряду с борцами за советскую передовую науку, имеются отдельные консерваторы и даже реакционеры в науке. Мы должны вести упорную и последовательную борьбу против косности, консерватизма и застоя, против реакционеров от науки, против космополитизма.
>
> *Мы должны бороться за материалистическую диалектику* в нашей науке, за идеи Ленина—Сталина, за нашу творческую советскую мичуринскую биологию. Мы должны умело, со знанием дела применять диалектический метод в наших исследованиях.
>
> В заключение по поводу рецензии В. Н. Ореховича, который не заметил абсолютно ничего прогрессивного в нашей книге, лучше всего выразиться словами гениального Ленина: «читать – читал, писать — тоже писал, а понять — не понял».
>
> *17.VIII.51*»[359]

Итак, кроме забористости стиля и направленности своего «Ответа» во вполне определенную — политическую сторону, Бошьян ничего предложить не мог. Подкрепить чем-либо существенным свою позицию он, видимо, и не умел.

Но пока Бошьян писал «Ответ рецензенту» и пока этот ответ находился в печати (он был опубликован в 1952 году), положение реформатора микробиологии становилось все хуже. В разных журналах Бошьяна начали бить и справа и слева: И. К. Смирнов, манипулируя цитатами из Маркса, Энгельса, Ленина и Лысенко, давал понять, что идеологическая сторона в книге Бошьяна страдает изъянами и что Бошьян даже может рассматриваться как скрытый вирховианец[360], а, с другой стороны, Е. И. Силантьев[361], разобрав приведенные в книге факты, заявил, что

> «...у Бошьяна мы находим весьма неопределенные высказывания... Его высказывания... повисают в воздухе»[362].

И хотя Бошьяну удалось переиздать свою книгу, обстановка менялась катастрофически быстро.

Особенно ясно это выявилось на следующей — третьей конференции по «проблеме живого вещества». Она открылась 5 мая 1953 года. Вряд ли кого могло удивить выступление ведущего критика работ Бошьяна — Ореховича, ставшего в том же году академиком АМН СССР. Бошьян, присутствовавший на конференции, принялся возражать Ореховичу в ответном слове. Но даже те, кто всего за два с небольшим года до этого высказывали в журнале «Большевик» твердую убежденность в «окончании робких блужданий вокруг этого вопроса» и сулили «исключительную» пользу для практики, исходящую из открытий Бошьяна, забыли своего протеже. Один из авторов статьи Жуков-Вережников* счел за благо промолчать, а другой автор — Майский, не смея поднять руку на «основы», продолжал твердить, что вирусы способны образовывать бактерии (таким вирусам придумали новое название — фильтрующиеся формы бактерий), уже стремился вычеркнуть Бошьяна из списка тех, кто продолжает развивать проблему превращений как актуальную[364].

Эта конференция ярко высветила способности многих официальных руководителей науки в СССР манипулировать своими взглядами в зависимости от изменения конъюнктуры. Подобно хамелеонам они меняли свою окраску, нисколько не заботясь о

* Жуков-Вережников и соавторы отнюдь не случайно «описались» в статье в журнале «Большевик», когда расхвалили Бошьяна. Не менее десяти раз Жуков-Вережников характеризовал Бошьяна в печати как величайшего новатора советской науки. Например, в 1950 г. он произнес такую тираду о Бошьяне

«Вот пример, который показывает, что мир неклеточных форм жизни действительно стучится в двери биологической науки. Этот мир живой материи представляет выдающийся интерес как для биологов, так и для патологов»[363].

своем добром имени. Так, А. А. Имшенецкий, директор Института микробиологии АН СССР и в то время еще член-корреспондент АН СССР, теперь встал в позу борца с «антинаучными извращениями», не обмолвившись даже словом о том, что и он в недавнем прошлом восхвалял Бошьяна и ему подобных, и сам публиковал липовые доказательства существования живого вещества и превращений микроорганизмов*. Он стал отрицать саму возможность перехода вирусов в бактерии, за которую еще продолжали цепляться Г. П. Калина и В. А. Крестовникова, якобы все еще видевшие в своих опытах подобные превращения. Как сообщалось в отчете о конференции, Имшенецкий и Тимаков

> «доказывали, что эти взгляды не имеют пока достаточного обоснования. Последние (т. е. Имшенецкий и Тимаков. - *В. С.*) отвергли также связь между фильтрующимися формами вирусов и фильтрующимися формами бактерий. Они считают, что фильтрующиеся вирусы — это особый класс живых существ, возникших в процессе эволюции»[367].

В 1954 году Бошьян попытался спасти обрушивающееся здание своей «теории» популярной у всех лысенкоистов «подпоркой», указав на важные практические выходы, якобы вытекающие из его концепции[368]. Он писал:

> «Предложенный нами комплекс оздоровительных мероприятий по инфекционной анемии лошадей... был проверен... в семи областях Советского Союза более чем на 50 тыс. лошадей. Из 220 пунктов, где проводились указанные мероприятия, оздоровлено от инфекционной анемии со снятием карантина 206 пунктов, или 90,4%»[369].

Однако легко было представить, что за «оздоровление» несли его препараты больным лошадям** и какова была степень грамотности и ответственности тех, кто лихо подмахивал резолюции о снятии карантина в 206 пунктах.

---

* В том же 1954 году А. А. Имшенецкий опубликовал статью о якобы полученном им в эксперименте изменении наследственности при превращении неклеточного живого вещества в клетки[365], а уже через три года он стал рядиться в тогу защитника классической генетики[366].

** В 1954 году Орехович сослался на данные К. Н. Бучнева, установившего, что «приготовленная Бошьяном сыворотка привела не к лечению или оздоровлению лошадей, а к огромному по масштабам заболеванию животных«[370].

В это время Бошьян подписывался уже не иначе как «доктор биологических наук, профессор» (см., например, [371]), он уже руководил несколькими лабораториями[372]. В публикациях он перечислял лиц, якобы подтвердивших его концепцию, — М Д. Утенков, А. К. Абрамян, С. И. Берулава, Е. Ш. Акопян, О. Д. Сила, И. И. Оробинский, А. Д. Сергеев, А. П. Аликаева и др. Однако и противники его взглядов все чаще публиковали свои результаты, и вскоре публичное развенчание шарлатана, лишившегося поддержки Лысенко и других вожаков «мичуринской биологии», наступило.

Правда, это потребовало огромных усилий по преодолению чисто бюрократических препон. Ведь под началом Бошьяна не просто работало несколько сотен людей, рассредоточенных во многих институтах. Лжеисследования шли под завесой строгой секретности и под охраной чекистов, и хоть стиль работы оставался все тем же — халтурным и вызывающе самоуверенным, но люди в стране, где десятки миллионов оказались за решеткой — в лагерях и тюрьмах — по наветам не просто бездоказательным, но чаще всего вздорным, знали, сколь опасно бороться с такими любимчиками партии и органов. Поэтому надо отдать должное директору института имени Гамалея Тимакову, который не убоялся и, заручившись отзывами нескольких крупных ученых как о характере исследований Бошьяна, так и о содержании его книги, направил письма в различные высокие инстанции с настойчивой просьбой разобраться с положением в подведомственных Бошьяну лабораториях, провести научную и коллегиальную проверку его исследований. после чего дать возможность ему как директору ответить на критические сигналы, полученные им. Разумеется, Тимаков не мог не знать, что поддержки Лысенко Бошьян лишился полностью и навсегда. Многочисленные связи Тимакова в разных кругах советского общества помогли ему эту информацию получить.

В ответ на официальный запрос директора института, входившего в состав Академии меднаук СССР, в Президуме академии под председательством вице президента, и что немаловажно — генерал-лейтенанта медицинской службы Ф Г Кроткова 27 октября 1950 года состоялось закрытое (то есть секретное) заседание в Президиуме АМН СССР, на котором выступили многие критики Бошьяна. Принятая на заседании резолюция в достаточно явной форме говорила о профанации науки в руководимой Бошьяном лаборатории в Институте имени Гамалея и в других организациях.

Тем не менее никаких немедленных действий данное решение не вызвало. Крупные партийные чиновники, давшие разре-

шение на открытие лабораторий Бошьяна, были все еще в силе. За то, чтобы отменить прошлые решения, нужно было еще долго и изощренно бороться.

Только в следующем, 1953 году, сверху поступила команда-разрешение создать специальную комиссию для проверки деятельности всех лабораторий Бошьяна одновременно. По-видимому, снова свою силу показал Лысенко, так как разрешение-команда прошла через сельскохозяйственное ведомство сначала, а затем, при непосредственном согласовании с руководством медицинского ведомства, была подкреплена совместным решением. Именно поэтому комиссия была межведомственной и была укомплектована специалистами из обоих ведомств. Много лет позже, в 1972 году, директор Института биологической и медицинской химии АМН СССР академик В. Н. Орехович, вспоминая о времени борьбы с Бошьяном, доверительно рассказал мне, что вопрос о создании комиссии и о будущем закрытии бошьяновских лабораторий рассматривался на «самом верху». Ореховича как члена Президиума АМН СССР вызывали для разговора на эту тему в конце 1953 года к Председателю Совета Министров СССР Г. М. Маленкову, который в конце концов и дал разрешение на проверку деятельности Бошьяна. Работа комиссии закончилась принятием разгромного постановления. После этого министр здравоохранения СССР М. Д. Ковригина обратилась, уже в 1954 году, к Маленкову с просьбой закрыть лаборатории Бошьяна и лишить его звания доктора наук и профессора. От Маленкова это письмо было переслано Первухину, формально курировавшему науку в ЦК и Совмине. Только после этого поступило распоряжение положительно отнестись к предложению министра Ковригиной. Деятельность шарлатана была остановлена: отдел и лаборатории, руководимые Бошьяном, были расформированы, он сам и наиболее активные из его подручных фальсификаторов были уволены. К этому времени Тимаков уже не был директором Института Гамалея, поднявшись по служебной лестнице. Новый директор института, академик АМН СССР Выгодчиков подготовил справку, хранящуюся в деле Бошьяна (с которой удалось познакомиться профессору Гершановичу). В справке этой говорилось, что только в институте имени Гамалея на деятельность лаборатории Бошьяна было истрачено 1 миллион 330 тысяч рублей — цифра по тем временам огромная.

Орехович подвел итоги научного обсуждения проблемы в целом[373] следующими словами:

> «...выяснилась вся беспочвенность и бесплодность «идей» Бошьяна, который... не «игнорировал» накоп-

> ленные современной наукой данные, как это утверждали некоторые товарищи, а просто не знал об их существовании»[374].

Орехович нашел два показательных примера, которые убедительно продемонстрировали главный феномен. сопровождавший «научную» работу Бошьяна — его мелкое шулерство. Во-первых, Бошьян в «Ответе нашим критикам»[347], пытаясь увернуться любой ценой от обвинения в элементарной безграмотности, сжульничал, исказил фразу из рецензии Ореховича[375], что, вполне понятно, не прошло незамеченным[376]. Во-вторых, Орехович поймал неуклюжего махинатора на том, что он переделал на свой лад фразу Ленина.

> «Остается только удивляться, — писал Орехович, — как Бошьян даже предельно простой фразы Ленина не только не понял, но и не сумел правильно переписать»[377].

Орехович, конечно, прекрасно осознавал, что упоминание о неспособности Бошьяна хотя бы переписать одну фразу, никто не поймет буквально. Бошьян был проходимцем в науке, человеком малограмотным[378], но все-таки по-русски говорил сносно. Здесь же речь шла о другом — о действиях, возможно, обычных среди жуликоватых рыночных торговцев, но абсолютно неприемлемых в науке. Подтасовка данных, вольное манипулирование высказываниями оппонентов, попытка привлечения цитат из политических трактатов с целью «оглоушить» тех, кто «выступал на вы» с открытым забралом, никак не вязались с высоким званием ученого.

С тех пор упоминания об «открытиях» этого сторонника Лысенко исчезли со страниц советской печати. Самоуверенное заявление горе-реформатора:

> «Мы убеждены в том, что открытые нами закономерности помогут советским микробиологам полностью освободиться от отживших метафизических представлений, внушенных работами зарубежных авторов, и быстрее выполнить исторический наказ товарища Сталина – «догнать и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны»[379],

осталось за пределами науки. Его «закономерности» нисколько не помогли советским микробиологам и лишь отвлекли силы на перепроверку домогательств махинатора, домогательств, широко

разрекламированных в печати, но ничем реально не подкрепленных*.

Так завершилась смешная и печальная глава в истории биологии советского периода. Имя Бошьяна засветилось на небосклоне советской науки яркой звездой внезапно. Но только звезда эта, хоть и первой величины, удержалась в небожителях недолго. Если уж характеризовать его личность с употреблением астрономических терминов, то вполне можно уподобить ее падающим звездам.

---

* Можно было бы ожидать, что перед Бошьяном навсегда закроются двери научных учреждений. По настоятельному требованию многих ученых его подвергли невиданной и крайне редко доселе применяемой в советских условиях мере наказания (если только речь не идет о лицах, рассматриваемых властями как политических уклонистах и врагах системы): его лишили степени доктора наук. Но ловкач сохранил за собой степень кандидата ветеринарных наук и устроился в другом теплом местечке — Всесоюзном НИИ ветеринарной санитарии МСХ СССР и даже, переждав некоторое время, продолжил публикацию своих «трудов» такого же уровня[368].

XX

КОНЕЦ ЛЕПЕШИНКОВЩИНЫ

Тогда по всей России восторг был. Во-первых, война кончилась, а во-вторых, мягкость какая-то везде разлилась. Курить на улицах было дозволено, усы, бороды носить.

Пошехонские рассказы
М. Е. Салтыков-Щедрин

Когда Т. Д. Лысенко дал восторженную оценку деятельности О. Б. Лепешинской на совещании в Академии наук СССР в мае 1950 года и заявил:

> «Нет сомнения, что теперь добытые О. Б. Лепешинской научные положения уже признаны и вместе с другими завоеваниями науки лягут в фундамент развивающейся мичуринской биологии»[381]*, —

он говорил правду. Действительно, в фундамент развиваемой им «биологии» были положены именно такие краеугольные камни, но вряд ли он мог предвидеть, произнося эти слова с большой аффектацией, как быстро этот фундамент развалится и как скоро начнет оседать и рушиться все здание мичуринской биологии, с таким трудом возведенное, на костях стольких отечественных ученых построенное.

Уже в 1953 году открытые выступления против лепешинковщины прозвучали и на конференциях, и в различных органах советской печати, и в письмах специалистов к «столпам» нового учения**.

---

* Во всех последовавших (многочисленных) перепечатках текст выступления Лысенко оставался неизменным за одним исключением: из последней фразы исчезло упоминание об уже состоявшемся признании «добытых О. Б. Лепешинской положений», и весь пафос переносился в будущее время, когда эти «положения... лягут в фундамент...» (см., например, [137] и [382]).

** Понимая, что прорваться сквозь плотный частокол цензурных и прочих ограничений и опубликовать свои возражения вряд ли удастся, кое кто «беспокоил» автора клеточной теории и ее покровителей письмами. Например, известный сибирский эпидемиолог заслуженный врач РСФСР Иван Григорьевич Корочкин направил много писем лидерам мичуринской биологии, в Институт Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, в редакции Большой советской энциклопедии и ряда журналов, в которых он сопоставлял различные высказывания Лепешинской и Лысенко, противоречащие друг другу и общепринятым положениям науки. Лепешинская пыталась отмахнуться от этих писем. Она сообщила:

С 5 по 7 мая 1953 года, как уже упоминалось в предыдущем разделе, Отделение биологических наук Академии наук СССР провело 3-ю конференцию-совещание по живому веществу. На ней Лепешинская и ее приближенные повторили уже известные наборы фраз о живом веществе, а Лысенко выступил с докладом о виде и видообразовании, заявив:

> «Работы О. Б. Лепешинской дают новые материалы для конкретного решения вопросов о видообразовании»[383].

В поддержку лепешинковщины выступил заведующий кафедрой 1-го Московского медицинского института В. Г. Елисеев. К числу сторонников «учения о живом веществе» примкнул физиолог растений Андрей Львович Курсанов*. В его совместном с Э. И. Выскребенцовой докладе, названном «Дыхательная функция полостей тутового шелкопряда в процессе метаморфоза», сообщалось:

> «...продукты распада тканей личинки... участвуют в формировании новых клеток... Полостная жидкость шелкопряда может рассматриваться как живое вещество»[384].

Однако на этой конференции не все прошло для лысенкоистов гладко. Орехович в докладе «Некоторые экспериментальные данные о процессах превращения и синтеза белков в живом веществе» «подверг критике взгляды некоторых исследователей, которые весьма упрощенно подходят к проблеме живого вещества»[385].

«Чтобы ответить на все поставленные Вами вопросы, мне надо написать целую научную статью, на что у меня нет абсолютно времени, т. к. я безумно загружена своей научной и общественной работой. Так что я с большим сожалением должна отказаться от выполнения Вашей просьбы» (цитировано по имеющемуся у меня оригиналу письма — орфография оригинала сохранена. – *В.С.*).

Но задаваемые И. Г. Корочкиным вопросы были продуманы, касались кардинальных положений лепешинковщины, и ей пришлось вступить в переписку с сибирским ученым, вернее, в полемику с ним в попытке объяснить свои позиции. Естественно, что в ответах она не шла дальше своих прежних тезисов и лишь переливала из пустого в порожнее. (Выражаю благодарность за предоставление копий этих писем сыну Ивана Григорьевича — профессору Л. И. Корочкину).

* А. Л. Курсанов — сын крупнейшего русского ботаника Л. И. Курсанова, специалиста по низшим растениям. По учебникам Курсанова-старшего учились все студенты-биологи огромной страны. Уже одно это обстоятельство облегчило его сыну Андрею продвижение по службе после окончания МГУ. В 1946 г. он стал членом-корреспондентом АН СССР, в 1952 г. — директором Института физиологии растений АН СССР, в 1953 г. — академиком. Ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда, он был награжден многими орденами и медалями.

В резолюцию, принятую на конференции, пришлось вписывать пункты, которые внешне звучали пристойно, но всеми воспринимались как критические по отношению к новому «учению»[386]. Ученые, как и все советские люди, привыкшие читать между строк, воспринимали эти пункты резолюции как явное осуждение взглядов и Лысенко и Лепешинской, когда видели, например, такое предложение:

> «Нельзя считать правильным, что в борьбе за утверждение материалистической идеи развития тщательные и безукоризненные экспериментальные доказательства в некоторых случаях подменялись недостаточно обоснованными гипотетическими построениями и декларативными утверждениями»[387].

Хотя те, кто занимал командные должности в советской биологической и медицинской науке — Опарин, Имшенецкий, Курсанов, Тимаков[388], горой стояли за Лепешинскую, критиков это не испугало (все-таки после смерти Сталина 3 марта 1953 года люди вздохнули свободнее, массовые репрессии были приостановлены и выражение своего собственного мнения по вопросам, не связанным с марксистской идеологией или работой государственного аппарата, не влекло за собой арестов или гонений). Вести об аргументированных нападках на Лепешинскую (икосвенно, конечно, на Лысенко) стали широко известными, и Президиуму Академии наук СССР не осталось ничего другого, как включить в постановление по поводу этой конференции[389] наряду с трафаретными призывами к «расширению фронта работ» и развитию «материалистической клеточной теории» фразы с осуждением ошибок:

> «...конференция выявила некоторые недочеты в разрабатываемой проблеме... выражающиеся в недостаточной критической оценке вновь получаемых результатов и увлечении теоретическими схемами, иногда не подкрепляемыми фактическими доказательствами»[390].

Президиум АН СССР разрешил провести осенью 1954 года очередную конференцию по проблеме «живого вещества», но события развернулись столь быстро, что этот пункт постановления так и остался на бумаге.

По инерции в 1953 году многие успели опубликовать статьи и книги о незыблемости учения о живом веществе. Особенно

усердствовали Студитский, В. Г. Елисеев, М. Я. Субботин (заведующий кафедрой гистологии Новосибирского мединститута) и другие[391]. Ученик Елисеева (аспирант его кафедры в 1-м Московском мединституте) Б. А. Езданян, работу которого его научный шеф высоко оценил, якобы доказал, что мужские половые клетки формируются не из клеток зачаткового пути, как со времен Августа Вейсмана считали все биологи, а... из живого вещества[392]. Езданян, не смущаясь тем, сколь чудовищно безграмотно звучат его слова, писал:

> «...наличие в мужских половых железах родоначальных клеток... ошибочно»[393]; «...также ошибочно утверждение представителей буржуазной биологической науки о том, что они (родоначальные клетки. — *В. С.*) являются прямыми потомками первичных половых клеток»[394].

Правда, надо заметить, что смелость в отметании выводов западной (а, значит, и буржуазной) науки Езданяну придавало не только поощрение со стороны его шефа, но и то, что до них нашлись «смельчаки», отбросившие как заблуждение представление об истоках возникновения сперматозоидов. За год до того, как на кафедре Елисеева Езданян «доказал» возникновение мужских половых клеток буквально из ничего, к подобному выводу пришла сотрудница Московского государственного университета Н. С. Строгонова. Она сообщила:

> «Сперматогонии развиваются из безъядерных протоплазматических капель, которые, в свою очередь, возникают из живого промежуточного вещества»[395].

Благодаря таким публикациям положение Лепешинской оставалось достаточно прочным, к тому же многие, лично вовлеченные в лепешинковщину люди, запятнавшие себя своими прежними выступлениями, старались поддержать ее авторитет. Вот характерный пример. Номер «Журнала микробиологии, эпидемиологии и иммунологии», в котором помещалась итоговая статья Ореховича, посвященная развенчанию Бошьяна, открывался статьей одного из руководителей медицинской науки в СССР Тимакова[396], в которой он с первых же строк давал понять, что продолжает поддерживать Лепешинскую и что с развенчанием Бошьяна общая ситуация в советской науке не изменилась нисколько, а борьба с буржуазными «извращениями» и «измами» по-прежнему должна вестись с позиций лысенкоизма.

«В микробиологии... на протяжении длительного времени основными, ведущими, господствующими направлениями были идеалистические мономорфистские представления (теория мономорфизма Кона и Коха, учение о диссоциации и циклогении, вейсманизм и морганизм и т. д.)», —

писал Тимаков[397], и чтобы не оставалось никаких сомнений по поводу «краеугольных камней», продолжал ссылаться на якобы положительную роль Августовской сессии ВАСХНИЛ:

«После сессии ВАСХНИЛ 1948 г. в нашей стране исследования по проблеме изменчивости микроорганизмов были развернуты в различных учреждениях»[398].

Не меняла своего поведения и Лепешинская. Она вступала в дискуссии, печатала одну за другой мемуарные (о встречах с Лениным) и квазинаучные книжки (переиздавая под разными названиями все ту же книгу «Происхождение клеток из неклеточного вещества»). В эти годы пропагандистский аппарат Кремля нагнетал неприязнь к Западу, бичевал космополитизм, пугал шпионажем капиталистических разведслужб. В этой деятельности Лепешинская приняла живое участие. Она писала:

«Большевистская партийность в науке требует боевой направленности... требует борьбы против идеализма...

На моих глазах под руководством Ленина и Сталина совершилось великое историческое дело — идеализм был изгнан сначала из общественных и экономических наук, затем из многих областей естествознания. Эта борьба была нелегкой. Отживающие реакционные идеи не исчезают сами, так же как не сдаются без боя породившие их отживающие классы. И сейчас, пока есть капиталистическое окружение, эти идеи будут пытаться импортировать к нам и, в частности, через каналы специальных наук. Вот почему мы должны быть бдительными и зоркими. Вот почему мы должны еще и еще раз посмотреть, не гнездится ли где-нибудь в забытом уголке науки нечистая сила идеализма»[399].

Вполне вероятно, что Ольга Борисовна, окружившая себя подхалимами и доносчиками, была хорошо осведомлена о настроениях в среде биологов и знала, что повсюду зреют зерна не-

довольства засильем у кормила науки невежественных людей вроде нее самой. Эти фразы о необходимости поиска «нечистой силы» она произносила почти во всех своих выступлениях на протяжении многих лет, но сейчас трафаретная заставка была обрамлена новыми детальками. Например, цитированный отрывок был написан вскоре после смерти Сталина, когда многие из тех, кто получил власть из его собственных рук, с тревогой вглядывались в будущее и думали о том, что же с ними будет. Не из-за этого ли чувства Лепешинская заканчивала свою статью, из которой была приведена цитата о бдительности, такими бодрыми по форме, но излишне назидательными по смыслу фразами:

> «Нет с нами больше нашего дорогого учителя и друга, покровителя передовой науки, Иосифа Виссарионовича Сталина. Но каждое его высказывание было и будет для нас, ученых, действенной программой в нашей дальнейшей работе»[400].

Довольно скоро Лепешинская была вынуждена убедиться, что ее мрачным предчувствиям суждено сбыться. 23–27 июня 1953 года в Ленинграде было проведено заседание Правления Всесоюзного общества анатомов, гистологов и эмбриологов, на которое собрали вместо 60 членов Правления 700 человек (315 из других городов). Установочный доклад «Основы советской морфологии»[401] сделал А. Н. Студитский. Хорошо понимая, что над Лепешинской (а значит, и над ним самим как самым громким глашатаем «учения о живом веществе») сгущаются тучи, Студитский постарался представить дискуссию по проблеме этого «вещества» как проявление «идейной борьбы на фронте морфологии»[402].

Однако перекрыть каналы для критики уже было трудно. В 1953 году появились статьи, в том числе Т. И. Фалеевой[403], в которых сообщались данные, противоречащие представлениям Лепешинской.

Наиболее же впечатляющей для широких кругов биологов и медиков стала критика одного практического предложения Лепешинской. Уже упоминалось, что она сообщила и в научной публикации[404] и в популярной лекции о возможности продления жизни с помощью содовых ванн.

Утверждения об излечении больных, продлении жизни и гигантской прибавке урожаев сельскохозяйственных культур от использования соды вызвали всеобщее возмущение среди ученых. Большей дискредитации науки придумать было трудно. Как писал Жорес Александрович Медведев, нацело отошедший

от своего первоначально положительного отношения к Лепешинской* и теперь тративший много сил на развенчание лысенкоизма:

> «Результаты этого открытия не замедлили себя ждать — сода временно исчезла из магазинов и аптек, а поликлиники не справлялись с потоком «омоложенных», пострадавших от наивной веры в целебную силу благообразной старушки, работы которой, по меткому выражению Т. Д. Лысенко, вместе с другими подобными «завоеваниями», прочно легли в фундамент развивающейся материалистической агробиологии»[405].

Лепешинская сделала грубую ошибку, когда перешла от деклараций и опытов с «бездушными» куриными яйцами к практике на людях. Шарлатанство сразу выплыло наружу и дискредитировало ее. И хотя Лепешинская пыталась придать значительность своему «открытию», опубликовав во многих газетах на периферии статью «Борьба со старостью»[406], медики встретили новинку в штыки. В том же 1953 году в научной медицинской периодике появились две рецензии на статью Лепешинской «О принципе лечения содовыми ваннами»[407]. Их авторы писали о новом «труде» Лепешинской:

> «Ее концепция... достойна удивления... она является примером упрощенчества в решении сложной биологической проблемы»[408].
>
> «Опыты автора на головастиках и цыплятах неубедительны... выводы сомнительны, субъективны... это же относится к опытам со свеклой. Подобные опыты вообще не могут быть основанием для каких-либо выводов и их перенесения на человеческий организм... Статья полна фразами, смысл которых непонятен, например: «вода выделяется, а две молекулы белка имеют только один ОН и один Н» и явно неверными положениями»[409].

* Еще будучи школьником, Жорес Медведев заинтересовался мичуринской биологией и поступил учиться в Московскую сельскохозяйственную академию имени Тимирязева. Там он обратил на себя внимание Трофима Денисовича Лысенко и неоднократно, выступая на студенческих конференциях, Медведев с горящими глазами защищал своего кумира от нападок других студентов. Потом, видимо по совету своего учителя П. М. Жуковского, также переметнувшегося в лагерь лысенкоистов, Жорес написал большую статью о биохимических изменениях «живого вещества»[258]. И. Е. Глущенко в 1982 году с возмущением в голосе рассказывал мне, что он знает точно от самого Лысенко, как Медведев пользовался и моральной и материальной поддержкой Лысенко.

Одна из рецензий заканчивалась такой фразой:

> «Лучше бы ведущему медицинскому журналу не печатать подобных статей, чтобы не вызывать недоумения у широких кругов медицинской общественности»[410].

Лепешинская попыталась хоть что-то возразить нелицеприятным и суровым критикам[411], но в ее активе снова не было аргументов, и все, чем она располагала, был набор старых, порядком надоевших укоров в отступлении критиков от догм, от идейных канонов:

> «...получается, следовательно, что и «общеизвестные положения Энгельса о роли обмена веществ для жизни» процитированы О. Б. Лепешинской напрасно, так как они к медицинским проблемам отношения не имеют. Мол, методология сама по себе, медицина сама по себе. Нужно полагать, что это высказывание... не отражает воззрений основной массы советских медицинских работников, а является его (критика. — *В. С.*) частным, личным мнением»[412].

Аналогично тому, как поступал Лысенко, пытаясь парировать возражения критиков, Лепешинская вместо научных аргументов использовала ссылки на якобы приходящие в ее адрес благоприятные отзывы безвестных рядовых людей, пекущихся об успехах советской науки:

> «Я получаю множество писем, в которых сообщаются весьма положительные результаты лечения содой больных с разнообразными заболеваниями, факты повышения на десятки процентов урожая сельскохозяйственных культур, повышения ряда производственных показателей при обработке семян и растений растворами соды...»[413] —

и завершала свой «Ответ на критические замечания» словами:

> «В заключение хочу... бросить им (критикам. — *В. С.*) большой упрек в неправильном подходе к разрешению новой перспективной проблемы»[414],

не забывая упомянуть чуть выше о судьбе тех, кто попытался в 1948 году раскритиковать ее ошибки, но сурово за это поплатился:

«В настоящее время авторы этого заявления полностью признали мою правоту и большинство из них активно включилось в дальнейшую разработку теории живого вещества»[415].

Но времена стали другими (со смертью «всеобщего отца» страна жила ожиданием перемен), да и область, в которую вторглась Лепешинская со старым набором примитивных средств, была иной, чем, скажем, у Лысенко. Прикрываясь марксистско-ленинской фразеологией, можно было творить все, что угодно, в теоретических вопросах биологии. Многое было позволительно в агрономии и животноводстве: растения и скот оставались бессловесными. Но просчеты в практической медицине сразу же стали зримыми. Поэтому, несмотря на весь гневный пафос письма Лепешинской, редколлегия журнала «Клиническая медицина» (главный редактор академик АМН СССР В. Х. Василенко) предварила письмо Лепешинской следующим заключением, не нуждающимся в комментариях:

«редакция считает, что рекомендовать способ лечения, предложенный автором, можно лишь на основании научно подтвержденных клинических исследований, которых в настоящее время еще не имеется. Продолжение дискуссии по этому вопросу... редакция считает нецелесообразным»[416].

За этой неудачей быстро последовали другие. 23—24 декабря 1953 года в Ленинграде было собрано заседание местного отделения Всесоюзного общества анатомов, гистологов и эмбриологов. На нем с программным докладом выступил А. Г. Кнорре. Послушать доклад, озаглавленный «Об историческом методе в морфологии», собралась огромная аудитория — более полутораста человек. Заранее стало известно, что Кнорре посвятит свой доклад обсуждению ошибок Лепешинской, и потому зал оказался заполненным до отказа биологами всех специальностей[381].

Кнорре держался корректно в отношении «краеугольных» основ. Науки, как водится у большевиков, были разделены им на буржуазные (а значит, отсталые и вредные) и социалистические (и следовательно, передовые и прогрессивные)[382]. Твердо соблюдал докладчик и линию неукоснительного соблюдения правила партийности в науке:

«В силу особенностей социалистического строя гистология, как и другие науки в Советском Союзе, пере-

стала быть делом одиночек-энтузиастов. Ее развитие, как и развитие всей науки, стало делом народа, партии и государства»[419].

Указав на то, что недостаток старых теорий — их созерцательный характер, Кнорре перешел к наиболее интересной теме своего доклада - оценке работ Лепешинской:

> «Охарактеризовав исключительное значение мичуринского и павловского учений... отметив прогрессивное значение того идейного поворота, который произошел под влиянием требований О. Б. Лепешинской изучать клетку «в ее движении, в ее историческом и индивидуальном развитии»[420],

докладчик «подверг критике отдельные слабые стороны работ О. Б. Лепешинской» и высказал замечания в адрес гистологов:

> «Некоторые гистологи... стали догматически восхвалять все подряд положения и наблюдения О. Б. Лепешинской... Это имеет место со стороны столь квалифицированных гистологов, как Г. К. Хрущов, П. В. Макаров и др.... Следствием этого... стало засорение нашей научной литературы скороспелыми недоброкачественными работами...»[421].

Доклад прорвал завесу молчания, и на стол председательствующего, профессора Н. Н. Гербильского, полетели одна за другой записки с просьбой предоставить слово в прениях. Время было позднее, и заседание решили перенести на следующий день. Ленинградских биологов проблема интересовала живо. Именно ленинградцы — представители наиболее серьезной школы отечественных анатомов и гистологов — подписали в 1948 году «Письмо 13-ти». Теперь многие из тех, кого угрозами и репрессиями заставили на время смириться с лепешинковщиной, снова встали в число оппонентов этого течения. Член-корреспондент АМН СССР профессор П. Г. Светлов сказал, что «вся проблема живого вещества» к науке гистологии не имеет никакого отношения[422]. Профессор Л. Н. Жинкин показал на ряде примеров абсурдность положений, выдвинутых Лепешинской и ее сторонниками, особо остановившись на недавней и наиболее показательной по части ошибок статье Елисеева «Учение о живом веществе и некоторые вопросы гистологии» (см. [391]). Жинкин, как сообщалось в отчете об этом заседании:

«подверг критике биологическое отделение АН СССР за неоправданное санкционирование введения спорных «новинок» в программу высшей школы»[423]

и повторил древнюю истину:

«...для преподавания нужны твердо установленные, проверенные факты»[424].

В ответном слове Елисеев, прослышавший о грядущем наступлении на лепешинковщину и специально примчавшийся в Ленинград из Москвы, обвинил Жинкина в том, что он посягает на нечто большее, чем просто преподавание.

«Советским ученым, — сказал он, — нужно протестовать не против преподавания в школах новой клеточной теории, а против вирховианства и вейсманизма...»[425]

Елисеева поддержал доцент Н. Н. Кочетков. Но профессор В. Я. Александров — наиболее последовательный борец с лепешинковщиной — выступил в защиту положений доклада Кнорре, в котором, как он сказал, «впервые за последние годы дается научная оценка взглядам Лепешинской»[426]. Заключая дискуссию, председательствующий — профессор Гербильский, с одной стороны, приветствовал «резкое и сильное потрясение теоретических основ гистологии, которое произвели работы О. Б. Лепешинской», а, с другой стороны, отметил:

«...подогретое различными мотивами стремление оснастить новую теорию фактами привело к засорению гистологической литературы рядом недоброкачественных работ»[427].

Итоги заседания Ленинградского отделения Общества анатомов, гистологов и эмбриологов широко обсуждались биологами по всей стране. Отчет о нем быстро напечатали в журнале «Архив анатомии, гистологии и эмбриологии» (сообщение появилось уже во втором номере за 1954 год).

Лепешинковцам нужно было срочно принимать ответные меры. Студитский подготовил доклад «Экспериментально-морфологические основы исследования двигательной функции», в котором постарался собрать все новые факты в защиту учения о «живом веществе», и на 22—24 июня 1954 года был назначен пленум уже не местного, а Всесоюзного Правления этого Общества. Провести его решили опять в «логове врагов» — в Ленинграде. Со всей страны были собраны сотрудники научных и учебных институтов (около 600 человек).

Студитский начал доклад, демонстрируя диапозитивы, приготовленные в спешном порядке под его руководством близкими учениками. Желая усилить впечатление объективности, он все время сыпал фамилиями тех, чьи препараты он демонстрировал, несколько раз ссылаясь главным образом на «доказательства», полученные Ю. С. Ченцовым*, называя также В. П. Гилева и других своих учеников[428]. Студитский настаивал на том, что «новая материалистическая клеточная теория... получила всеобщее признание» и что показанные препараты Ченцова и Гилева неопровержимо доказывают будто «из пересаженной в измельченном состоянии скелетно-мышечной ткани идет новообразование целых мышц»[429].

Но когда слово было предоставлено киевскому ученому Касьяненко, тот нанес Студитскому и его ученикам жестокий удар:

> «В. Г. Касьяненко сообщил, что он попытался повторить на кроликах опыты А. Н. Студитского, но получилось лишь рассасывание ткани, мышца не восстанавливалась»[430].

Как за последнюю соломинку лепешинковцы, утопавшие в набегающих волнах критики, попробовали ухватиться еще за одну возможность. В это время цитологи, примкнувшие к Лысенко (в первую очередь Я. Е. Элленгорн, учившийся у ведущих российских цитологов, но посчитавший за благо принять сторону Лысенко), пытались найти любые подходы к подкреплению выводов Лысенко в своей специальной и хорошо разработанной области. Среди них модным стало рассуждать о том, что, дескать, вовсе не обязательно, чтобы каждая клетка делилась на две дочерние путем так называемого митоза — процесса, при котором сначала хромосомы удваивались, затем точно повторявшие друг друга половинки расходились по двум полюсам ядра клеток, затем вокруг них формировались оболочки ядер, и, наконец, по окончании формирования дочерних ядер, клетки обособлялись на две дочерних. Вместо такого сложного процесса, вовсе и не нужного природе, утверждали лысенкоисты, чаще должен происходить простой процесс механической перетяжки клеток пополам (как придется!). Процесс «перетяжек» был назван амитозом. Формулируя гипотезу амитоза, ее авторы вообще никакой роли хромосомам не отводили. То, что хромосомы — материальные носители наследственной информации,

* Сейчас Юрий Сергеевич Ченцов — доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой цитологии и гистологии Московского государственного университета имени Ломоносова.

В. П. Гилев эмигрировал из СССР и в настоящее время проживает за границей.

Лысенко и его сторонники начали отрицать еще в 30-е годы. В течение ряда лет они настаивали на том, что именно амитоз, а отнюдь не митоз играет главную роль в природе и пытались доказать свою правоту путем примитивной фальсификации экспериментальных данных*. Работавшая в те годы в лысенковском Институте генетики АН СССР А. А. Прокофьева-Бельговская опубликовала в 1953 году статью, в которой поддержала абсурдную идею. Наиболее неприятным было то, что она была близкой сотрудницей Вавилова, которую он и многие другие ценили как грамотного цитолога и генетика. Лишь волею судьбы она осталась единственным вавиловским сотрудником в институте, после ареста Вавилова перешедшем под директорство Лысенко. Последний к ней благоволил и даже, по ее словам, пытался за ней ухаживать (Александра Алексеевна в молодости была ослепительно красива, и работавший несколько лет вместе с Вавиловым американский ученый Герман Меллер, в будущем Нобелевский лауреат, как гласит молва, был по уши влюблен в свою коллегу и даже на спор с ней однажды в Ленинграде был готов прыгнуть с моста в Неву). Прокофьева-Бельговская в упомянутой статье утверждала, что ею обнаружено много случаев амитозов и что ею будто бы обнаружено, что амитоз часто «вытеснял» митоз (она утверждала, что этот процесс нередко имеет место в клетках клубней картофеля)[431].

В это же время другой вроде бы образованный цитолог З. С. Кацнельсон, употребив стандартный набор фраз, предназначенных для бичевания буржуазной науки и превознесения «новой клеточной теории», которая, по его словам, «окончательно подрывает основы» первой[395], заявил:

> «Амитоз должен быть признан таким же полноценным способом деления (клеток. — *В. С.*), как и кариокинез (т. е. митоз. — *В. С.*)»[433].

* С этими данными, равно как и с неудачными доказательствами так называемой вегетативной гибридизации (влияния подвоя на привой и наоборот), Глущенко отправился в Японию на крупную генетическую конференцию. Естественно, его выступления собирали невиданные толпы народа. Вернувшись домой, Глущенко опубликовал в центральных газетах рассказ о своем удачном вояже и особенно радовался тому, что его речи родили такой небывалый интерес у японских ученых. Позже по рукам стал ходить выполненный кем-то перевод из столичной газеты «Токио симбун», в которой говорилось, что выступления Глущенко были совершенно скандальным событием, объясняемым просто – такие же толпы собрались бы послушать чудака, который стал бы вещать об экспериментальном доказательстве неверности теории относительности Эйнштейна. Статья в «Токио симбун» начиналась фразой. «Сегодня ученые не пошли смотреть комиксы. Выступал *развязный русский парень, прямо дурак...» и т.д.* Конечно, позже Иван Евдокимович, до которого в конце концов дошел перевод этой статьи, очень сокрушался, хотя и говорил о злокозненности желтой прессы.

Лысенкоисты, естественно, тут же воспользовались этим отступлением от истины своих бывших противников. В лаборатории ближайшего в те годы к Лысенко человека — И. Е. Глущенко была подготовлена серия статей об универсальной роли амитоза и возможности зарождения в ходе него ядер из живого вещества[434].

Лепешинскую в этот момент снова поддержали микробиологи такие, как Тимаков[396] и Н. А. Красильников[435], продолжавшие верить в возможность появления клеток бактерий из живого бесклеточного вещества.

Пример принципиальности в это время показал Орехович, опубликовавший в ноябре 1954 года письмо в редакцию газеты «Медицинский работник», озаглавленное «Так ли ломаются копья?». В нем он высказал озабоченность тем, что в пьесах братьев Тур «Третья молодость» и Николая Погодина «Когда ломаются копья» авторы откровенно восхищались шарлатанами и проходимцами – Лепешинской и Бошьяном и в то же время выводили в качестве отрицательных героев настоящих, а не липовых ученых.

> «Чему могут научить эти пьесы? Стоит ли так ломать копья?» —

спрашивал автор[436].

С большой статьей «О проблеме новообразования клеток и скептицизме некоторых ученых» выступила П. С. Ревуцкая[437], работавшая в Ставрополе. Она пыталась защитить себя и своих коллег от якобы несправедливых нападок и писала, что, с одной стороны,

> «...уже проделана огромная работа, итогом которой, в частности, является целый ряд статей, посвященных неопровержимым доказательствам полноценности амитотического размножения и различных форм новообразования клеток»[438],

а, с другой стороны, делаются попытки возродить «отвергнутое Лысенко и Лепешинской учение вейсманистов-морганистов». Она с возмущением отмечала, что имеют место «тенденции некоторых ученых повернуть вспять развитие советской цитологии»[439] и продолжала:

> «...активизировались некоторые ученые, над которыми довлеет авторитет устаревших концепций. Эти ученые в положениях... О. Б. Лепешинской... усматривают лишь упрощенчество.

> «...имеют место тенденции к проведению мероприятий, осуществление которых должно снять с повестки дня проблему новообразования клеток... Результаты этого сказываются весьма неблагоприятно на новом направлении в науке, так как приводят к некоторой его дискредитации... В отдельных вузах и научно-исследовательских институтах под тем или иным предлогом снимаются с плана научного исследования работы, посвященные этим вопросам»[440].

Ревуцкая пыталась остановить тех, кто присоединился к критикам лепешинковщины[441]. При этом она вполне резонно возмущалась действиями ученых, которые вначале критиковали Лепешинскую, потом, убедившись, что она победила в глазах руководителей и деваться больше некуда, попытался к ней примазаться, а теперь, увидев, что так вести себя уже невыгодно, снова ополчился на «учение о живом веществе». Наибольшее ее возмущение вызвали в этой связи последние публикации П. В. Макарова[442] и особенно М. С. Навашина[443]. Приведя отрывок из совсем недавно произносившихся Навашиным здравиц в честь великой Ольги Борисовны:

> «В арсенале передовой мичуринской науки... одно из первых мест занимает созданное О. Б. Лепешинской учение о живом веществе и развитии клеток» (цитата взята из выступления М. С. Навашина в 1952 году на Втором Совещании по живому веществу, см. прим. [206]).

Ревуцкая обращала внимание на его теперешние высказывания и с негодованием отчитывала хамелеона:

> «Не разобравшись в сути происходящего, близоруко расценив этот этап в развитии советской биологии как движение вспять к устаревшим сейчас трактовкам этих вопросов, не поняв, что никакого возврата нет и быть не может, Навашин в 1955 году совершает поворот на 180°»[444].

Это были последние стоны умиравшей лепешинковщины. Защитить ее уже никто не был в силе. Во многих журналах появились материалы, разоблачавшие ошибки сторонников «новой клеточной теории». Убедительной критике подверглись идеи о том, что из желточных шаров и клеток гидр после их растирания возникают новые клетки. Сколько ни повторяли ученые эти опыты, ничего, кроме грязной на вид массы, не оставалось

и клетки из этой массы не возобновлялись. В красивом мифе, дошедшем до людей из глуби веков, рассказывалось, как из пены морской выходила прекрасная Афродита, а в некрасивой сказке Лепешинской о живом веществе грязная на вид масса так и оставалась грязной массой. Никаких клеток не возникало ни из гидр[445], ни из желточных шаров птиц[446].

Конечно, камня на камне не осталось и от «открытия» Мелконяна. Л. Н. Жинкин и В. П. Михайлов доказали, что вся «теория» регенерации костей была сплошным надувательством[447]. В очередной раз публичная критика идей Лепешинской прозвучала на Совещании эмбриологов в Ленинграде в январе 1955 года[448]. Раздутый до невероятных размеров мыльный пузырь лепешинковщины лопнул!

Многие ждали, что после этого развенчают публично и мошенничавшую в большом и малом квазиученую. Думали, что выведут ее из состава академиков. Все-таки, как ни крути, но и пролезла она в академики не по праву и запачкала Академию принародно. Но молчали академики, молчала пресса. Тем, кто пытался что-то на эту тему говорить, возражали однотипно: не нужно реваншизма (так и говорили: реваншизма, именно это слово, опять из области политической, вытаскивали всякий раз).

Получалось, что в условиях тогдашней советской действительности опровержения становились возможными только в двух случаях: когда новые лидеры страны использовали прием разоблачения в борьбе со своими противниками по партии или же когда с ведома партийных вождей бичеванию подвергали так называемых отщепенцев, тех, кто с подачи таких же, как Лепешинская и Лысенко блюстителей нравственности, якобы становился проводниками реакционных, буржуазных, упадочнических и тому подобных тенденций в развитии науки, литературы и культуры. Шостаковича, Ахматову, Зощенко, Бабеля, Платонова, а в генетической среде Вавилова, Филипченко, Кольцова, Четверикова можно было травить сколько душе (читай: душонке) угодно, но все остальное — реваншизм.

Поэтому обратного хода — развенчания развенчателей не происходило. Даже критика Сталина Хрущевым или Хрущева Брежневым была более чем сдержанной, отдельные ошибки отмечали, но в целом старались сохранить стереотип положительный.

Делалось это неспроста. В условиях, когда демократия отсутствовала на всех уровнях, любые разоблачения страшили вождей сегодняшних, так как и они мечтали лишь об установлении своего культа или культика и потому боялись дать урок демократии широким слоям населения. Понимая это, руководители науки выдвигали лозунги о нежелательности подрыва веры людей в правоту основополагающих идей. Такая политика пресле-

довала цель сохранить безоговорочное послушание всей массы людей, без которого масса становится трудноуправляемой или даже неуправляемой.

Пример с Лепешинской всецело подтвердил это правило Никакого официального разъяснения ошибочности представлений Лепешинской не последовало. В 1957 году она даже попыталась возродить свои идеи[449], после чего на очередной сессии Академии меднаук профессор А. Г. Кнорре поставил публично вопрос о необходимости отмены неверных резолюций, принятых в годы восшествия Лепешинской на «научный Олимп».

Но не тут-то было. Исполнявший обязанности академика-секретаря Отделения медико-биологических наук АМН СССР Г К. Хрущов*, сам в свое время немало «потрудившийся» по части курения фимиама Ольге Борисовне, заявил, что он не уверен, что раньше была совершена ошибка, что старые ре-

* Как неоднозначны поступки людей, как неделима на два цвета — черный и белый реальная картина жизни с ее многоцветьем и полутонами, говорит одна из историй, рассказанных мне В. Я. Александровым. В один из моих приездов в Ленинград я долго записывал рассказы Владимира Яковлевича о той поре, когда его, недавно еще признанного ученого, лауреата Сталинской премии, выгнали с работы, причем, как говорилось в старину, с волчьим билетом Часть рассказов была жуткой до неправдоподобия, тем и потрясавшей, что я понимал их кафкианскую наружность и фотографическую тем не менее реальность. Другие были, на первый взгляд, малозначащими, но зато через них высвечивалась лучше всего человеческая сущность кое-кого из героев этой книги. Один из таких рассказиков на «мелкую тему» высветил неожиданно характеры двух людей: одного из лагеря битых, а другого бьющих. И черное вдруг блеснуло яркой белизной, а белое оказалось заляпанным черной грязью.

Александров рассказывал о том, как он и безработным ухитрялся продолжать научные исследования:

— Жил я на той же лестничной площадке, где была и сама моя, теперь уже бывшая моя, лаборатория. Но сотрудники меня не бросили. Тянули мне вечерами реактивы и вообще все, что надо для работы Я изучал теплоустойчивость клеток и сумел завершить исследование. Даже опубликовал результаты в «Докладах АН».

Но была и другая проблема: семью кормить. Как-то член-корреспондент АМН СССР У. предложил мне написать вместо него в биологический терминологический словарь один раздел, оговорив при этом условие. за редактирование он возьмет из моего будущего гонорара 20%. Я на условие согласился и взялся за работу. Но, когда редакция уплатила ему гонорар, он вдруг повел себя неприлично. Он ведь хорошо знал положение моей семьи и все-таки решил урвать и с безработного, сказав, что затратил больше времени, чем предполагал, и потому берет себе 30% гонорара. Ноги моей больше у него не было.

А в это время Гриша Хрущов (член-корреспондент АН СССР. *В.С.*) — официально занимавший большой пост и вроде бы правоверный лысенковец, узнал как-то о нашем договоре с У. и предложил мне сделать аналогичную, муторную и плохо оплачиваемую работу также и вместо него. Услышав от меня радостное согласие, он быстро подсчитал, каким будет гонорар за всю работу и тут же, еще не имея статей, а лишь мое согласие, полез в бумажник, отсчитал всю сумму и уплатил мне из своего кармана. Все 100% сразу.

И он не раз вел себя в высшей степени порядочно с такими, как я, «морганистами».

золюции, по его мнению, правильно нацеливали советских ученых на следование по диалектико-материалистическому пути, а некоторые детали... ну, так с кем не бывает! Дело житейское, привычное. Кто-то ошибается, кто-то доверие не оправдывает полностью, свою ответственность не осознает. Так что же, прикажете каждый раз опровержения писать, старое ворошить, на основы замахиваться? Нет, так не годится! Не зря ведь в хорошей русской пословице говорится: кто старое помянет — тому глаз вон! Опровержения не последовало.

Поступили с Лепешинской иначе. Через несколько лет после смерти Сталина (но еще при ее жизни) упоминания о живом веществе, о возникновении клеток из бесструктурных элементов, о регенерации костных тканей, о медикаментозном и профилактическом значении двууглекислой соды, равно как и об имени автора этих открытий, тихо исчезли со страниц учебников и трактатов.

Нынешние школьники просто не знают, что была такая высокоученая на первый взгляд дама со строгим взором из-за круглых очков, академик и лауреат Сталинской премии, лично знавшая и Ленина и Сталина, грозившаяся (или грезившая) «зажечь море», перевернувшая все представления о происхождении жизни, клетках и долголетии, наполнившая свои крикливые опусы оскорблениями в адрес настоящих ученых и немало потрепавшая нервы многим уважаемым деятелям науки и укоротившая им жизнь. В последнем издании Большой Советской Энциклопедии написано:

> «Термин живое вещество предложен в 50-е годы (на самом деле в 30-е годы. — *В. С.*) советским биологом О. Б. Лепешинской для обозначения неклеточной субстанции, из которой якобы поныне могут формироваться клетки животных, растений и микроорганизмов. В этом значении понятие живого вещества антинаучно»[413].

В другой статье в этой же энциклопедии читаем:

> «Представление Лепешинской о неклеточной структуре живого вещества отвергнуто как не получившее подтверждения»[451].

Опершись на «факты» Лепешинской, Лысенко еще более подмочил свою репутацию и приблизил срок своего развенчания. Витиеватые рассуждения о крупинках тела и домыслы о том, как они возникают в «недрах тела» организмов, ничего, кроме улыбок, вызвать не могли. Аморфные представления о строении клеток и отсутствие каких угодно представлений о хи-

мическом строении клеточных структур не позволяли понять, что же это за особые крупинки, которые видны представителям передовой мичуринской науки («советского творческого дарвинизма», как торжественно и выспренними словами стали аттестовать свое направление лысенкоисты) и не известны классикам биологии и химии.

На Лысенко посыпался град насмешек. Ему задавали язвительные вопросы и устно и в письмах самые разные люди. По рукам ходили шутливые стихи, высмеивающие крупинчатость мыслей великого агробиолога. Так, известный зоолог, друг С. С. Четверикова и С. С. Станкова, профессор Иван Иванович Пузанов писал в сатирической поэме «Астронавт»:

«Трофим, упершись, как ишак,
Позиций не сдает никак:
Пшеница в рожь, и в граб орех,
И в ель сосна, и, всем на смех,
В кукушку дрозд! Нещадно бит
Трофим «ку-ку» свое твердит
И славит гнездовой посев,
Науку с практикой презрев»[270].

Нечего говорить, что сама Ольга Борисовна до смерти (в октябре 1963 года) ни с чем не смирилась и ни от чего не отказалась. В последние годы жизни, числясь уже сотрудником Института биофизики АН СССР, она увлеклась новой идеей: на огромной даче в Подмосковье они вместе с дочерью Ольгой Пантелеймоновной собирали птичий помет, прокаливали его на железном листе, затем поджигали, образовавшуюся золу всыпали в прокипяченную воду, затыкали колбу пробкой и оставляли в тепле. Поскольку им не удавалось добиться полной стерильности (микробиологи из них были аховые), недели через две в колбах появлялся бактериальный или грибной пророст. Мать и дочь были убеждены, что в полном соответствии с «теорией» из неживого вещества, содержащегося в прокаленном помете, но ранее прошедшем стадию ЖИВОГО вещества, зарождались клетки. Отчеты об этих «открытиях» нигде не печатали, но Ольга Пантелеймоновна надеялась, что час нового взлета еще наступит. На одной из конференций в 70-х годах она попросила слово в прениях и рассказала об этих «опытах». Когда же она услышала в ответ, что ушло то время, когда в правоту подобных «доказательств» верили на слово, она прокричала в запальчивости:

— Развитие нашей науки подобно мутным волнам: сегодня на гребне вы, а завтра снова будем мы.

Во время этого выступления произошел забавный казус. Она обмолвилась, что живое вещество нельзя убить и при минус 1000° Цельсия.

— Помилуйте, — возразили ей, — такой температуры быть не может, так как ниже минус 273° С ее опустить нельзя, это уже абсолютный нуль.

— Плохо вы учили диалектику, — парировала Ольга Пантелеймоновна, — раз есть плюс тысяча градусов, значит, обязательно должна быть и температура минус тысяча градусов.

И все-таки развенчание Лепешинской было нехарактерно для советской действительности. Не зарвись она чрезмерно, умерь ожесточение, приобрети легкий шарм в общении с коллегами и слабое подобие внешней добропорядочности, а главное, не полезь в опасную авантюру с лечением больных — и она бы преспокойно «расцветала под солнцем Сталинской Конституции», как расцветали до самого недавнего времени ее защитники — такие, как скончавшийся в середине 80-х годов Президент Академии медицинских наук СССР и академик двух академий (АН СССР и АМН СССР) Тимаков, или с почетом отправленный на заслуженную пенсию Президент Академии педагогических наук СССР академик этой академии Столетов, остававшийся долгое время после этого председателем Общества связи с соотечественниками за рубежом, носящим призывное название «Родина», или до конца 80-х годов работавший заведующим одной из лабораторий в системе Академии наук СССР и руководивший редколлегией журнала «Успехи современной биологии» профессор Студитский и многие другие «киты», спокойно занимавшие свои посты до смерти*. Так что бесславный конец ее карьеры не был закономерным.

* Большинство из тех, кто выдвинулся на спекуляциях вокруг «живого вещества», оказались долгожителями в официальной советской науке и продолжали преспокойно удерживаться на верхах. М. Я. Субботин, «наблюдавший» возникновение сперматогониев из живого вещества, которое само, в свою очередь, «развивалось» из продуктов деструкции материнских тканей плаценты, был до смерти (в конце 70-х годов) заведующим кафедрой гистологии Новосибирского мединститута и заместителем директора по науке Института клинической и экспериментальной медицины Сибирского отделения АН СССР, А. Ф. Суханов был проректором и заведующим кафедрой Витебского мединститута; Е. Ф. Котовский – профессор кафедры гистологии 1-го Московского мединститута; Л. С. Сутулов, наблюдавший своими глазами «образование многоядерных клеток из бесструктурного неклеточного вещества», не только не был развенчан как шарлатан, но так и оставался несколько десятилетий ректором Рязанского мединститута и депутатом Верховного Совета РСФСР. Не была омрачена никакими неприятностями карьера Н. И. Зазыбина — заведующего кафедрой гистологии Киевского мединститута и Л. И. Фалина — заведующего кафедрой сначала Смоленского, а затем Московского стоматологического институтов. Много лет последний был членом ВАК и в этом качестве распоряжался, присуждать или нет степени кандидатов и докторов меднаук.

А вот взлет ее, напротив, был закономерным. Много факторов способствовало этому взлету. Главную причину замечательно осветил один из руководителей партии и государства В. М. Молотов.

> «Научная дискуссия по вопросам биологии была проведена под направляющим влиянием нашей партии. Руководящие идеи товарища Сталина и здесь сыграли решающую роль, открыв новые широкие перспективы в научной и практической работе». —

сказал Молотов в докладе, прочитанном 6 ноября 1948 года по случаю 31-й годовщины Октябрьской революции, и добавил:

> «Дискуссия... подчеркнула творческое значение материалистических принципов для всех областей науки, что должно содействовать ускоренному движению вперед научно-технической работы в нашей стране. Мы должны помнить поставленную товарищем Сталиным перед учеными задачу: «Не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны»[452].

Одной из основных причин, определивших закономерность взлета Лепешинской и вытекавшей как следствие из отмеченной Молотовым зависимости, было то, что в условиях диктата все научные выводы должны были подгоняться под господствующие идеологические концепции. Вот тут Лепешинская была, что называется, на коне. По ее словам выходило, что содовые ванны или проблема клеточных оболочек всегда были на острие идеологической борьбы и удовлетворяли поставленным требованиям, а взгляды настоящих ученых противоречили им. Те же, кто брался критиковать неверные взгляды, например, Кольцов или Кизель, были неспособны опускаться до ее уровня. Они разбирали научные ошибки Лепешинской и в результате проигрывали в глазах партийных функционеров, не интересовавшихся деталями научных споров, но зорко бдивших «чистоту» идеологической фразеологии.

Все «великие перевороты» в науке, утверждавшиеся пропагандой в умах российских обывателей, были сродни ожиданию чуда. Но только чудеса и требовались в политической атмосфере гомеостатичной закрытой системы, каковой стало государство тех лет. Гомеостатичность обусловливала невозможность постановки реальных задач, возникающих в нормально развивающемся обществе, а посему задачи, выдвигавшиеся в закрытом и

статичном государстве, были сродни прекрасным сказкам, а их решение требовало чудес (естественно, неисполнимых на практике). Отсюда следовало, что для руководителей общества боязнь реальных перемен, косность (в условиях косности экономической и политической) стала превалирующим свойством. Поэтому настоящие ученые, которые честно работали, призывали к изменениям и требовали их, подвергались критике. А таким, как Лепешинская, прогресс был противопоказан. Они заменяли его болтовней, чехардой пустых обещаний и сулили властям золотые горы от внедрения мифических пустяковин.

Разве Лепешинская, предлагая свой рецепт долголетия, требовала что-то ломать или создавать? Ничуть нет. Она старалась обойтись без перемен. По ее раскладкам не надо было строить новые технологические линии для выпуска сложных лекарств или изменять условия труда рабочих и служащих. Достаточно было купить в лавочке питьевую соду, бросить щепотку в ванну, да еще не переставать радоваться жизни и веселиться в меру.

Но все-таки от лысенок и лепешинских требовалась некоторая гибкость в поведении. Они, конечно, должны были ставлять оптимистические обещания, широковещательно уверять в скорых победах, но и не подставлять себя (и руководство) под удар. В последнем случае старые заслуги в зачет не шли. И вот тут личные свойства Лепешинской, ее чрезмерная тяга к областям, где просчеты стали широко известными, а возможность переложения вины на «врагов» отсутствовала, так же как старческая заскорузлость и нехватка «идей», не позволили ей удержаться «на плаву» долго, как это случилось с Лысенко. Последний оказался более флексибильным и преуспевал (после падения Лепешинской) еще 15 лет!

Лепешинская продемонстрировала, что в соответствующих условиях люди, не способные к научной работе, но ловкие в политиканстве, умело организуют травлю настоящих ученых, мстят им за критику, за талант, ошельмовывают их. Вокруг таких людей начинается склока, в обстановке которой они (а не по-настоящему творческие люди, одержимые научным поиском) чувствуют себя как хищные рыбы в мутной воде. А как только склока разгорается, живая творческая работа тут же хиреет, и институт или лаборатория превращается в грязное болото, в котором грызутся между собой проходимцы разных мастей, но уже не остается места для творческих личностей.

XXI

«ПРИНЦИПИАЛЬНОСТЬ» ЛЫСЕНКО

Нет положения более горького и неловкого, как положение вчерашнего триумфатора, переставшего быть триумфатором нынешним.

Хищники
М. Е. Салтыков-Щедрин

В заключение рассказа о некоторых лысенкоистах периода максимального расцвета этого направления в СССР хочу вспомнить эпизод, который произошел в конце 1957 года.

В течение почти 10 лет, начиная с 1948 года, в Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева, как и во всех других вузах страны, преподавание генетики было строжайше запрещено. Упоминания о хромосомах, генах, геномах исчезли начисто из лекций и учебников. Даже произнести слово «ген» было небезопасно. Но вместе с тем в Тимирязевке было много преподавателей с солидными биологическими и агрономическими знаниями, в Академии работали многие питомцы школы Д. Н. Прянишникова, серьезные селекционеры (такие, как давнишний противник Лысенко академик П. Н. Константинов), физиологи растений. Именно ученый совет Тимирязевки, несмотря на почти десятилетнее главенство лысенкоистов в ректорате (Столетова и других ставленников Лысенко), был в подавляющем большинстве своем в оппозиции к нему. Хотя Лысенко оставался заведующим кафедрой селекции зерновых культур агрономического факультета и вел курс лекций для небольшого числа студентов-селекционеров, он предпочитал не появляться на ученых советах, избегал встреч со студентами вне его лекционного курса.

А начиная с 1954 года, через год после смерти Сталина, все большее число профессоров, в особенности на общетеоретических курсах (которые должны были слушать студенты всех факультетов в обязательном порядке) начали, в первое время без упоминания имени Лысенко, а затем и в открытую критиковать его позиции.

Конечно, это не могло не будоражить мысль студентов. Среди нас в это время — и после лекций и во время семинаров — начали вспыхивать дискуссии, во время которых выходцы из крестьянских семей, как правило, стояли за Лысенко.

Им казалось, что Лысенко — сын крестьянина — был ближе к земле. Его громкие декларации — увеличить урожайность, жирность молока и т. п. были исконно понятнее детям крестьян. Они полагали, что сложные выкладки настоящих профессоров, по своей внешней форме не такие многообещающие, не дадут столько выгод простому крестьянину и вообще не к этому направлены.

Эти споры, порой весьма ожесточенные, стали возникать особенно часто на заседаниях студенческих научных кружков, активно работавших при большинстве крупных кафедр в Тимирязевке. Именно в кружках НСО (Научного студенческого общества) происходило первое приобщение студентов к настоящей науке, а не к схоластике лысенкоизма.

Вся эта, в основном тихая и постепенная, борьба с лысенкоизмом превратилась к 1956 году в войну довольно открытую. С 1957 года по решению бюро НСО Тимирязевки мы решили пригласить с лекциями видных генетиков.

В это время я уже почти год ездил по вечерам по два-три раза в неделю в лабораторию генетики Н. П. Дубинина, организованную при Институте биофизики АН СССР, часто бывал вечерами у тогдашнего соратника Дубинина – Владимира Владимировича Сахарова, обязательно посещал (и гордился тем, что без единого пропуска) заседания Секции генетики при Московском Обществе Испытателей Природы (МОИП), проходившие в старом здании МГУ на улице Герцена (в Зоологическом музее МГУ). В 1955—1956 гг. на 2-м и 3-м курсах Тимирязевской академии вышли мои первые научные работы, выполненные под руководством доцентов В. Н. Исаина и Я. М. Геллермана, позже легшие в основу моей кандидатской диссертации. В 1956 году меня приняли, еще когда я был студентом Тимирязевки, в члены МОИП. В это время начала быстро развиваться биологическая физика, и я начал подумывать над тем, а не получить ли второе высшее образование – в этой области. В это время в МГУ открыли на физическом факультете новую кафедру – биофизики, и я начал мечтать, как бы мне попасть студентом на эту кафедру. Дубинин эту идею поддержал, позвонил физику-теоретику академику Игорю Евгеньевичу Тамму — будущему Нобелевскому лауреату. Я стал часто наведываться к Тамму домой по вечерам, его интересовали проблемы генетического кода, митогенетических лучей Гурвича, переноса энергии в клетках, и мы проводили время в обсуждении этих проблем. Вдвоем с приятелем из Тимирязевки мы несколько раз ездили на теоретический семинар Тамма в Физическом институте АН СССР имени Лебедева, на котором стали разбирать биологические проблемы, требовавшие физических объяснений.

До моего перехода на физфак МГУ оставалось еще более полугода, а пока я продолжал с интересом заниматься вечерами в лаборатории на кафедре физиологии растений Тимирязевки и активно участвовал в жизни НСО академии. Я и предложил членам Совета НСО попытаться пригласить к нам с лекциями нескольких генетиков. Ребята согласились, но нужно было получить разрешение академического начальства, что казалось нам делом непростым. Но окончилось все вполне благополучно. Я подкараулил в Главном корпусе академии ректора Григория Матвеевича Лозу, спросил его на ходу об этом щекотливом вопросе, и он неожиданно для меня положительно к этой идее отнесся, разрешил использовать для лекций главные аудитории академии и даже предложил, когда нам будет нужно, пользоваться его шикарной персональной машиной — огромным ЗИМом.

Первую лекцию согласился прочесть Владимир Владимирович Сахаров. Но, когда он приехал, в Большой химической аудитории, рассчитанной на несколько сот человек, оказалось мало слушателей. Приглашал Сахарова от имени НСО я, и мне было так неудобно, что я готов был сквозь землю провалиться. И тут меня осенило. Я бросился в библиотеку и выкрикнул в читальном зале: «Братцы, в Химичке живой морганист выступает!» Не прошло и пяти минут, как студенты, побросав все книги и тетради, заполнили до отказа аудиторию: еще бы, в Химичке - и вдруг «живой морганист». Владимир Владимирович часто потом со смехом вспоминал эту мою выходку.

Лекция Сахарова, чуждого какой-либо помпы, полемики с «врагами науки и народа», была наполнена строгими и хорошо документированными доказательствами настояшей науки, а не примитивного опытничества и произвела фурор. Часа полтора докладчика засыпали вопросами, поначалу настороженными и несмелыми, а затем все более и более острыми, антилысенковскими. Слушатели долго не расходились, «прижав» Сахарова к доске, а потом гурьбой пошли провожать его. Это был настоящий праздник для студентов. На молодые, пытливые умы обрушилась прежде не знакомая информация, требующая знаний в той области, которую от них скрывали.

Вслед за Сахаровым выступили В. В. Хвостова, А. Р. Жебрак и другие генетики. Неожиданно приехал из Швеции Оке Густафсон и произнес прекрасную речь о практическом значении генетики...

Ситуация для лысенкоистов становилась неудобной, и потому ректорат решил устроить лекции сторонников другого лагеря. Некоторые студенты из группы селекционеров, близкие к Лысенко, также на этом настаивали.

Сначала к студентам приехал В. Н. Столетов (работавший тогда министром высшего образования СССР), а затем в Большой химической аудитории 22 ноября 1957 года выступил сам Лысенко с лекцией «Основные положения мичуринской биологии».

Но обстановка была уже не такая безоблачная, на которую рассчитывал Лысенко. После лекции посыпались записки с вопросами. Многие из них были довольно-таки ядовитыми. Спрашивали и о превращении пеночек в кукушек и наоборот, и о «питательности» навозо-минеральных смесей, и о многом другом, да еще в такой форме, которая не могла не раздражать академика.

Лысенко прочел несколько записок из выросшеи перед ним на кафедре горы бумажек и вдруг заявил:

— Больше на писанные записки отвечать не буду. Задавайте вопросы устно, тогда отвечу.

Конечно, он рассчитывал, что число молодых людей, которые решатся задать ему в лицо неприятные для него вопросы, резко сократится. Но все-таки кое-кто побеспокоил академика вопросами с места. На один из вопросов, почему не все рекомендации мичуринской науки оказались жизненными, он начал кричать в зал, что это — клевета, что все их выводы по сто раз перепроверяются, прежде чем рекомендуются в практику. И тогда я его спросил:

— А как же с рекомендациями относительно Лепешинской и Бошьяна? Ведь вы их активно пропагандировали!

Лысенко, уже знавший меня по прошлым спорам с ним, зло усмехнулся.

— Неправда, я лично никогда не выступал ни за Лепешинскую, ни тем более за Бошьяна. Я в медицине не специалист. Поэтому судьей их опытов я быть не мог и не был. А говорил я только об общебиологическом значении работ Лепешинской. Про Бошьяна же я вообще никогда не говорил, — возразил Лысенко, фактически отказавшись от собственных панегириков в адрес Ольги Борисовны.

С этими словами он повернулся и вышел из аудитории. Видно, вопрос о Лепешинской переполнил чашу его терпения.

Москва
1980 — 1986
Фэйрфакс, США
1998

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ

[1] Давид Самойлов. Пора! Из сборника «За третьим перевалом», Изд. журнала «Нева», СПБ, 1998, стр. 195.

[2] Валерий Н. Сойфер. Власть и наука. История разгрома генетики в СССР, 1989, Hermitage Publ., Tenafly, N. J., 706 pp., illus.

[3] Валерий Н. Сойфер. Власть и наука. История разгрома генетики в СССР, 1989, Изд. «Радуга», Москва. 706 стр.

[4] Valery N, Soyfer, Lysenko and the Tragedy of Soviet Science, 1994, Rutgers University Press, New Brunswick, N.J., USA, 381 pp.

[5] В. Я. Александров. Трудные годы советской биологии. Записки современника. СПБ, 1992, Санкт-Петербургское отделение Изд. «Наука», 262 стр.

[6] *С. Э. Шноль. Герои и злодеи российской науки. М. 1997, Изд.* «Крон-пресс». 463 стр.

[7] В. Н Сойфер. Лысенкоисты и их судьбы, 1986, Журнал «Континент» (Париж), № 47, стр. 267—305 и 1987, № 48, стр. 263—297.

[8] Вл. Виленский (Сибиряков). Советский хлеб. Газета «Известия», 20 июля 1924 г., № 154 (2199), стр. 1.

[9] А. И. Рыков. Итоги новой экономической политики. Доклад об экономическом положении СССР и об итогах партдискуссии в РКП(б) на V Всемирном конгрессе Коминтерна. Газета «Известия ЦИК и ВЦИК СССР», 4 июля 1924 г., № 150 (2185), стр. 3.

[10] Там же.

[11] Ф. Крик. Структура наследственного вещества. Журнал «Химическая наука и промышленность, 1956, № 4, стр. 472—477; см. также статью Дж. Уотсона и Ф. Крика. Структура ДНК, в сб. «Проблемы цитофизиологии», М., Изд. иностр. лит-ры, 1957, стр. 58—70.

[12] См., напр., О. Б. Лепешинская. Клетка, ее жизнь и происхождение. Госкультпросветиздат, М., 1952, стр. 3.

[13] О Б. Лепешинская. Путь в революцию. Воспоминания старой большевички. Литературная запись Зах. Дичарова. Пермское книжное издательство, Пермь, 1963, стр. 22. Примерно то же самое говорится в книге Лепешинской «Мои воспоминания», литературная запись Г. П. Эйсуровича, Хакасский научно-исслед. ин-т языка, литературы и истории, Хакасское книжное изд-во, Абакан, 1957.

[14] Там же, см. «Путь в революцию», Пермь, стр. 5.

[15] Там же, см. «Мои воспоминания», Абакан, стр. 4.

[16] Там же, см. «Путь в революцию», Пермь, стр. 6.

[17] Советская Историческая Энциклопедия, М., 1965, т. 8, стр. 590.

[18] Н. Валентинов. Встречи с Лениным. Chalidze Publications, New York, 1979, стр. 128—131. Переиздана в том же издательстве в 1989 г

[19] В разных советских изданиях биографические сведения о Лепешинской, которые могли быть представлены редакциями лишь с ее слов, не согласуются. Например, она писала (см. 5 и 6), что с 1910 года и позже она жила с мужем в Щелково под Москвой, где училась «на курсах». Но в 3-м издании БСЭ (т. 14, стр. 345) говорится, что «в 1906—1910 гг. (она) вела парт. работу в Орше, затем работала врачом в Москве и Крыму». Между тем врачом (да еще в столице) она никак в это время работать не могла, так как не имела диплома врача, ибо в той же статье говорится, что она «училась в Лозанне и Москве на медицинском факультете университета (окончила в 1915 г.)». Однако в «Советской исторической энциклопедии» (т. 8, М., 1965, стр. 590) сведения о завершении ею медицинского образования отсутствуют: «Лепешинская Ольга Борисовна (парт. псевдоним — Галя)... учась на фельдшерских курсах в Петербурге, с 1894 г. принимала участие в работе Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Училась в Лозанне и Москве на мед. фак-те университета».

Иную интерпретацию дает в опубликованной в 1950 г. книге писатель В. Сафонов (опять со слов самой Ольги Борисовны): «Только в 39 лет Ольге Борисовне удалось поступить в частный женский медицинский институт и в 1915 году, сорока четырех лет от роду, она с отличием закончила свое медицинское образование» (выделено мной — *В. С.*).

(См. Вадим Сафонов. Бесстрашие. «Литературная газета», 12 декабря 1950 г., № 110, стр. 3). Известно, что никаких частных женских мединститутов, выдававших диплом врача, в России не было.

[20] О. Б. Лепешинская. Путь в революцию. Пермь, 1963, стр. 95.

[21] Там же, стр. 98.

[22] В. И. Ленин. Декрет о приеме в высшие учебные заведения РСФСР. Сочинения, Изд. 4., т. 28, Госполитиздат, М., 1950, стр. 31.

[23] О. Б. Лепешинская. Воинствующий витализм. Вологда, типогр. «Северный печатник», 1926, стр. 5 -6.

[24] Там же.

[25] Там же.

[26] Там же, стр 33.

[27] *Исчерпывающий анализ этой проблемы дан в книге Л. Я. Бляхера* «Проблема наследования приобретенных признаков». М., Изд. «Наука», 1971.

[28] См., *например*, Т. Д. *Лысенко. К вопросу о взаимоотношениях* биологии с химией и физикой. Из выступления на расширенном заседании

Президиума и Отделения биологических наук АН СССР 20 января 1959 г., журнал «Агробиология», 1959, № 4, стр. 484 488.

[29] См. прим. (23), стр. 37.

[30] Там же, стр. 38. Стоит привести и такое рассуждение Лепешинской: «Как по законам Маркса и Энгельса мы можем проследить развитие общества, понять и даже предсказать, что из первичной родовой семьи (при нормальных условиях развития) должен в будущем вырасти огромный, сложный и стройный организм – государство, так точно на основании учения Дарвина, открывшего главные законы развития всей живой природы, *мы диалектически мысля, сможем,* опираясь на законы физики и химии, проследить и понять, как из половой клетки, проходя последовательно различные ступени развития, растет и развивается огромный, по сравнению с клеткой, сложный и стройный — взрослый организм».

[31] Там же, стр. 58–59.

[32] Там же, стр. 75.

[33] Там же, стр. 76.

[34] О. Б. Лепешинская. Зачем нужна диалектика естествоиспытателю? К вопросу об отложении извести в организме. Развитие кости как диалектический процесс. К вопросу о развитии трипанозом. М., Гос. Тимирязевский н.-и. ин-т, типография Полиграфтреста «Северный печатник», Вологда, 1928, стр. 67.

[35] Коммунистическая академия – «высшее учебное и научно-исследовательское учреждение по общественным и естественным наукам» (БСЭ, 3-е изд., т. 1, стр. 313, М., 1970) — основана в 1918 году под названием «Социалистическая академия». С 17 апреля 1924 года называлась Коммунистической академией. После объединения с Академией наук СССР 8 февраля 1936 года прекратила свое существование.

[36] О. Б. Лепешинская. Оболочка красных кровяных клеток как коллоидная система и ее изменчивость. Москва Ленинград, Главнаука и Главиздат, 1931.

[37] О. Б. Лепешинская. Происхождение клеток из живого вещества. Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», М., 1951, стр. 9 и 36.

[38] Там же.

[39] Там же.

[40] О. Б. Лепешинская. К вопросу о новообразовании клеток в живом организме (рукопись), 1934, сведения об этой работе Лепешинская привела в другой своей публикации, см. прим. 49.

[41] О. Б. Лепешинская. Образование клеток из желточных шаров куриного эмбриона. «Биологический журнал», 1934, т. III, № 2

[42] См. (23), стр. 27.

[43] Н. К. Кольцов. Возможно ли самозарождение ядра и клетки? «Биологический журнал», 1934, т. III, № 2, стр. 255 260.

[44] И. В. Сталин. Анархизм или социализм? 1906, см.: И. В Сталин. сочинения, т. 1, Политиздат, М., 1946, стр. 301—308.

[45] Loren R. Graham. Science and Philosophy in the Soviet Union. Alfred A. Knopf, New York.

[46] Ж. А. Медведев. Биологическая наука и культ личности. Машинописный экземпляр, датированный 1962 годом, каждая глава которого собственноручно подписана автором, стр. 219.

[47] L. R. Graham, см. прим. 45, стр. 215 и 512.

[48] См. прим. 44, стр. 301.

[49] Там же, стр. 309.

[50] Там же, стр. 313.

[51] Там же, стр. 314.

[52] См. прим. 3, стр. 3.

[53] О. Б. Лепешинская. Развитие живого вещества и происхождение клеток. В кн.: «Учение Павлова в теоретической и практической медицине», М., 1953, вып. 2, стр. 36.

[54] См., например, 12, стр. 3.

[55] О. Б. Лепешинская. Происхождение клеток из живого вещества и роль живого вещества. С предисловием Т. Д. Лысенко, Изд. АН СССР, М., 1945.

[56] Т.Д.Лысенко. Предисловие, см. прим. 55.

[57] О. Б. Лепешинская. Оболочки животных клеток и их биологическое значение. Гос. изд. мед. лит-ры, М., 1946 (1947). Две даты — 1946 и 1947 годы — я указываю не потому, что цитирую приблизительно, по памяти. Эта книга, напечатанная на хорошей бумаге, с приложением «Атласа к книге О. Б. Лепешинской», лежит передо мной. Но узнать точную дату издания нельзя: на обложке напечатано «1946», а на титульном листе указана другая дата — 1947. Из выходных данных явствует, что данное издание могло выйти в свет, скорее всего, в 1947 году, но автору, видимо, хотелось «застолбить» приоритет годом раньше. Это тоже отражение стиля лепешинских, лысенок и им подобных.

[58] Там же, стр. 12—13.

[59] Малый Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз, 1902, т. III, стр. 1443.

[60] Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд., т. 25, М., 1976, стр. 267.

[61] П. Макаров и др. (всего 13 подписей и в их числе подписи акад. Н. Хлопина, член-корр. АН СССР В. Догеля, Д. Насонова, члена-корр. АМН СССР П. Светлова, проф. В. Александрова, Ш. Галустяна, В. Кацнельсона, Ю. Полянского, доцента А. Кнорре и др.). Об одной ненаучной концепции. Письмо в редакцию, газета «Медицинский работник», 7 июля 1948 г., № 29 (787), стр. 3. Текст письма готовил А. Г. Кнорре, ему помогал В. П. Михайлов.

[62] Там же.

[63] Т. С. Мальцев. Через опыт в науку. Журнал «Яровизация», 1937, № 5 (14), стр. 43.

[64] Там же, стр. 42—43.

[65] Т. Д. Лысенко. Яровизация — могучее средство повышения урожайности. Прения по докладу тов. Я. А. Яковлева на 2-ом Всесоюзном съезде колхозников-ударников. Газета «Правда», 15 февраля 1935 г., 345 (6291), стр 2.

[66] Там же. См. также брошюру: Т. Д. Лысенко, Д. Нурматов, Т. С. Мальцев, А. А. Курносенко. Сельскохозяйственная наука и колхозное опытничество. Второй Всесоюзный съезд колхозников-ударников. ОГИЗ-Сельхозгиз, 1935, стр. 14—15.

[67] Об отрицательном отношении А. А. Жданова и его сына Юрия к Лысенко пишет в своей книге «Наука и философия в Советском Союзе» Лорен Грэм (см. прим. 45, стр. 443—450, Appendix I: Lysenko & Zhdanov). Об этом же вспоминает в своих книгах Светлана Аллилуева, дочь И. Сталина, которая хорошо знала об этом из первых рук, так как в 1949 году вышла замуж за Юрия Жданова (см. ее книги: «20 писем к другу», «Только один год», Twenty Letters to a Friend, New York, 1967, p. 198; and Only One Year, trans. Paul Chavchavadze, New York & Evanston, 1969, p. 380).

[68] Цит. по книге «Власть и наука», см. прим. 3, стр. 394—400.

[69] И. В. Сталин. Отчетный доклад о работе ЦК ВКП(б) XVII съезду партии. В книге, «Стенографический отчет о работе XVII съезда ВКП(б) 26 января — 10 февраля 1934 г.», Партиздат, М., 1934, стр. 19.

[70] В. М. Молотов. Доклад о втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР. Там же, стр. 360.

[71] Цит. по журналу «Вестник истории естествознания и техники», 1988, №2, стр. 157—165.

[72] Там же, стр. 159.

[73] Там же, стр. 164.

[74] Редакционная статья «О принципиальности в научной работе» Журнал «Партийная жизнь», 1956, № 9, стр. 27—35.

[75] См. прим. 71, стр. 163—164.

[76] Там же, стр. 163.

[77] Там же.

[78] Там же, стр. 164—165.

[79] Там же, стр. 165.

[80] Отрывки из текстов писем Т. Д. Лысенко к И. В. Сталину и А. А. Жданову, приложенной к нему записки о лекции Ю. А. Жданова, а также текст письма Т. Д. Лысенко к И. А. Бенедиктову воспроизводятся по машинописному экземпляру воспоминаний одного из ближайших сотрудников Лысенко, академика ВАСХНИЛ И. Е. Глущенко, остающихся до настоящего времени неопубликованными.

[81] Там же.

[82] Там же.

[83] Личное сообщение академика ВАСХНИЛ И. Е. Глущенко, 1982 г.

[84] Информационное сообщение «Во Всесоюзной Академии сельскохо-

зяйственных наук имени В. И Ленина». Газета «Правда», 28 июля 1948 г., № 210.

[85] В Президиуме Академии медицинских наук СССР. Проблемы медицины в свете решений сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина. Газета «Медицинский работник», 15 сентября 1948 г., № 39 (797), стр. 2.

[86] Там же.

[87] Там же.

[88] «Постановление расширенного заседания Президиума Академии медицинских наук СССР по докладу академика-секретаря Отделения медико-биологических наук И. П. Разенкова «Вопросы медицинской науки в свете решений сессии ВАСХНИЛ по докладу Т. Д. Лысенко». Газета «Медицинский работник», см. прим. 85, стр. 1.

[89] А. А. Жданов. Выступление на дискуссии по книге Г. Ф Александрова «История западноевропейской философии» 24 июня 1947 г., М., Политиздат, 1947 (переиздавалась в 1951 и 1952 годах).

[90] А. А. Жданов. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград». М., Политиздат, 1946.

[91] А. А. Жданов. «Выступление», «Речь и выступление» на совещании деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б). В книге: Совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б), М., Политиздат, 1948; выступления А. А. Жданова, приведенные здесь (прим. 89, 90 и 91) были переведены на английский язык и опубликованы в книге: A. A. Zhdanov. Essays on Literature, Philosophy and Music, New York, 1950.

[92] В. Глаголев. Из поколения большевиков. К 90-летию со дня рождения А. А. Жданова Газета «Правда», 24 февраля 1986 г., № 55 (24677). стр. 8.

[93] См., например, Т. Д. Лысенко. Новое в науке о биологическом виде. Сельхозгиз, 1952, стр. 24—28. Эта брошюра вышла еще двумя отдельными изданиями. Она же была включена в несколько изданий книги Лысенко «Агробиология».

[94] О положении в биологической науке. Стенографический отчет о сессии ВАСХНИЛ». М., ОГИЗ—Сельхозгиз, 1948, стр. 38.

[95] Там же, стр. 39.

[96] М. Г. Туманян. Об экспериментальном получении мягких пшениц из твердых. Журнал «Агробиология», 1941, № 2, стр. 13–18.

[97] В. К. Карапетян. Изменение природы твердых пшениц в мягкие. Журнал «Агробиология», 1948, № 4, стр 5–21; его же: Изменение твердой пшеницы в мягкую. Там же. 1948. № 6, стр. 18—30.

[98] Т. Д. Лысенко. См. брошюру 93. Он писал: «В 1948 году в опытах Карапетяна было обнаружено, что при подзимнем посеве 28-хромосомной пшеницы Triticum durum часть растений довольно быстро, за два-три поколения, превращается в другой вид, в Triticum vulgare — 42-хромосомную мягкую пшеницу».

[99] А. А. Авакян. Управлять развитием растительных организмов. Журнал «Агробиология», 1938, № 6 (21). стр. 75—119.

[100] Проф. В. Я. Юрьев. Изоляция озимой ржи и влияние переопыления на разные сорта. Журнал «Селекция и семеноводство», 1938, стр. 11.

[101] Т. Д. Лысенко. Итоги работы ВАСХНИЛ и задачи сельскохозяйственной науки. Доклад на юбилейной сессии ВАСХНИЛ, 1949. Цит. по книге: Т. Д. Лысенко, «Агробиология», 6 изд., М., Сельхозгиз, 1952, стр. 632.

[102] Т. Д. Лысенко. И. В. Сталин и мичуринская биология. Газета «Известия», 15 декабря 1949 г., № 295, стр. 2; см. также его книгу «Агробиология», 6 изд., 1952, стр. 642.

[103] Цит. по статье Н. В. Турбина, См. журнал «Вестник Ленинградского университета», 1954, № 10, стр. 31.

[104] Там же.

[105] Т. Д. Лысенко. См. прим. 102, стр. 641—642.

[106] М. Г. Туманян. Проблема происхождения сорной ржи. Журнал «Известия АН АрмССР», 1949, т. 2, № 3, стр. 211—231; его же: Проблема генезиса сорно полевых овсов. Журнал «Доклады АН АрмССР», 1949, т. 2, № 1, стр. 35 -44.

[107] Цитиров. по книге: Т Д. Лысенко, «Агробиология», 1952 М., стр. 669.

[108] Н. Д. Мухин. Изменения обычных форм мягкой и яровой пшеницы в ветвистые. Журнал «Агробиология», 1952, № 4.

[109] С. К. Карапетян. Журнал «Агробиология», 1952, № 5.

[110] К. Я. Авотин — Павлов Самопрививка ели к сосне Журнал «Лесное хозяйство», 1951, № 11; его же статья опубликована в журнале «Агробиология» в 1952 году.

[111] См. газету «Медицинский работник», август 1948 г., № 37 (797), стр. 3

[112] См. прим 85, стр. 2.

[113] Г. М. Бошьян. О природе вирусов и микробов. М., Медгиз, 1949.

[114] С. Н. Муромцев. Проблемы современной микробиологии в свете мичуринского учения. М., Изд. «Правда», 1950.

[115] А. Н. Белозерский. Бактериальные нуклеопротеиды и полинуклеотиды. Журнал «Вестник Московского университета», 1949, № 2, стр 125—134; А. Н. Белозерский и Демьяновская. Журнал «Биохимия», 1949, т. 19, стр. 688.

[116] В. С. Дмитриев. Выступление на сессии ВАСХНИЛ. См. прим. 94, стр. 267.

[117] Там же, стр. 261.

[118] Там же, стр. 259.

[119] В. С. Дмитриев. О первоисточниках некоторых сорных растений «Журнал общей биологии», 1952, т. 14, № 1, стр. 43.

[120] Там же, стр. 41—70.

[121] В. С. Дмитриев. О первоисточнике происхождения плоскосеменной вики. Журнал «Агробиология», 1952, № 1.

[122] Дмитриев писал: «Видовой состав засорителей многолетних трав —

один, а однолетних растений — другой; озимых культур — один, а яровых — другой; ранних яровых культур — один, а поздних — другой и т. д. При этом разные виды сорняков сходны с разными видами культурных растений (овсюг с овсом, костер ржаной — с рожью и т. д.); все виды сорняков, связанные с данными видами культурных растений (например, специальные засорители льна, гречихи или проса) сходны с соответствующим культурным растением, а один и тот же сорняк (например, овсюг), засоряющий разные виды культурных растений, во многих случаях сходен с тем именно культурным растением, которому он сопутствует» (стиль оригинала сохранен. — *В.С.*). См. прим. 119, стр. 53.

[123] Там же, стр. 43.

[124] Там же, стр. 44.

[125] Там же.

[126] См. «Ботанический журнал», 1954, № 2, стр. 221—223.

[127] См. прим. 66, стр. 24—25.

[128] А. А. Авакян. Выступление на сессии ВАСХНИЛ. См. прим. 94.

[129] Стенографический отчет о совещании по проблеме живого вещества и развитии клеток 22 -24 мая 1950 г., М., Изд. АН СССР, 1951.

[130] «Внеклеточные формы жизни — Сборник материалов для преподавателей», 1952. М., Изд. Академии педагогических наук РСФСР, под редакцией действительного члена АМН СССР, лауреата Сталинской премии О. Б. Лепешинской. См статью О. Б. Лепешинской «Развитие жизненных процессов в доклеточном периоде», стр. 7.

[131] См. прим. 129, стр. 6.

[132] И. Сталин. Речь на приеме работников высшей школы в Кремле. М., Госполитиздат, 1938, стр. 4.

[133] См. прим. 129, стр. 7—8.

[134] О. Б. Лепешинская. Развитие жизненных процессов в доклеточном периоде. Доклад на совещании по проблеме живого вещества. См. прим. 129, стр. 9 -34.

[135] См. прим. 93.

[136] Там же, стр. 24—25.

[137] Там же, стр. 28.

[138] См. прим. 129, стр. 133.

[139] Там же, стр. 125—126.

[140] Там же, стр. 126.

[141] Там же, стр. 64.

[142] Личное сообщение проф. В.

[143] См. прим. (129), стр. 116.

[144] Там же, стр 163.

[145] Там же, стр. 120.

[146] О. Писаржевский. Кандидат сельскохозяйственных наук Сисакян. Журнал «Знание-Сила», 1938, № 10, стр. 10—13.

[147] Там же, стр. 11.
[148] Там же, стр. 12.
[149] См. прим. 129, стр. 155.
[150] Там же, стр. 125.
[151] Там же, стр. 124—125.
[152] См. прим. 12, стр. 4.
[153] См журнал «Биохимия», 1952, т. 17, стр. 483.
[154] В. Н. Орехович, Т. И. Курохтина, А. Д. Буянова. О «включении» меченых аминокислот в белки плазмы крови. Журнал «Биохимия», 1953, т. 18, вып. 6, стр. 706—708.
[155] См. прим. 129, стр. 141.
[156] См. прим. 12, стр. 5.
[157] В газетах 20 сентября 1950 года было опубликовано решение комитета по Сталинским премиям обратиться в Совет Министров СССР с просьбой присудить профессору О. Б. Лепешинской Сталинскую премию за выдающиеся научные исследования неклеточных форм жизни и происхождение клеток. 21 сентября 1950 года было опубликовано сообщение, что Совет Министров СССР удовлетворил эту просьбу и присудил О. Б. Лепешинской Сталинскую премию 1-й степени за 1949 год по разделу биологических наук.
[158] Ф. Пещанская. *В гостях* у О. Б. Лепешинской. Журнал «Огонек», № 40, октябрь 1950 г., стр. 12.
[159] Там же.
[160] См. прим. 113, стр. 9 и далее.
[161] Н. Леонов Предисловие к книге Г. М. Бошьяна. См. прим. 113, стр. 3.
[162] Там же, стр. 3—4.
[163] Г.М.Бошьян, см. прим. 113, стр. 5.
[164] См. прим. 113, стр. 76.
[165] Там же, стр. 78.
[166] Там же, стр. 89.
[167] Там же.
[168] Там же, стр. 86.
[169] Там же, стр. 142.
[170] Там же, стр. 112.
[171] Там же, стр. 121.
[172] Там же, стр. 124 -125.
[173] Там же, стр. 135.
[174] Там же, стр. 74.
[175] Там же, стр. 146.
[176] Г. М. Бошьян. О природе вирусов и микробов. «Литературная газета», 20 апреля 1950 г., № 16 (880), стр. 3.
[177] См.: «Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография», 2-е издание, исправленное и дополненное. Составители: Г. Ф. Александров,

М. Р Галактионов, В. С Кружков, М Б. Митин, В. Д. Мочалов, П. Н. Поспелов, М., ОГИЗ -Политиздат, 1947.

[178] «Литературная газета», см. прим. 176, стр. 3.

[179] О. Б. Лепешинская. См. прим. 12, стр. 37; тот же текст приведен дословно во многих других работах Лепешинской.

[180] Г. П. Калина, профессор, Черновцы О забытых исследованиях. Газета «Медицинский работник», 8 июля 1950 г., № 23 (887), стр. 3.

[181] Н. Иванов. В лаборатории Г. М. Бошьяна. Журнал «Огонек», 1950, № 26, стр. 11.

[182] Ю. И Миленушкин, кандидат биологических наук. Новое в науке о жизни. Журнал «Новый мир», 1950, № 8.

Рассказывая популярно широким кругам интеллигенции об открытиях Лепешинской и Бошьяна, автор отдавал должное смелости обоих первооткрывателей, но наибольшие его симпатии были все же на стороне Бошьяна. Дело дошло до того, что при перепечатке этого очерка в специальном сборнике для учителей (см.: «Вопросы мичуринской биологии», вып. 2, составитель Ф. А. Дворянкин, М., Госучпедгиз, 1951, стр. 181—205), составитель сборника — заведующий кафедрой дарвинизма Московского университета Дворянкин вынужден был снабдить статью Миленушкина особым примечанием, в котором строго указал на приоритет Лепешинской и на более широкое звучание ее, а не бошьяновских идей (там же, стр. 3). Дворянкин делал вид, что он вынужден так поступить из присущего всем серьезным ученым стремления к правде, несмотря на его вполне положительное отношение к Бошьяну, которого он, ставя, конечно, вслед за Лепешинской, называл в предисловии к сборнику «выдающимся советским ученым», чьи работы «...вдребезги разбивают метафизические теории буржуазных ученых» (стр 3).

Сообразно с этим значением, в сборнике, изданном специально для того, чтобы учителя знали, как нужно перестраивать преподавание биологии школьникам и студентам, было помещено огромное «извлечение» из книги Бошьяна (там же, стр. 150—180).

[183] И. С. Грязнов. Рецензия на книгу Г. М. Бошьяна «О природе вирусов и микробов». Журнал «Фельдшерство и акушерство», 1950, № 6, стр. 59—61; Я. И. Раутенштейн. Рецензия на книгу Г. М. Бошьяна «О природе вирусов и микробов», журнал «Микробиология», 1950, т 19, вып. 4, стр. 384—389; Н. Д. Иерусалимский. По поводу книги Г. М. Бошьяна «О природе вирусов и микробов». «Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунологии», 1950, № 11, стр. 76—79; Ф. Гринбаум. Рецензия на книгу Г. М. Бошьяна «О природе вирусов и микробов». Там же, 1950, № 7, стр. 80—82.

[184] Н. Жуков-Вережников, И Майский, Л. Калиниченко. О некоторых формах жизни и развития клеток Журнал «Большевик», 1950, № 16; эта же статья была перепечатана в сборнике «Внеклеточные формы жизни», см. прим. 130, стр. 194—204.

[185] Цит. по сборнику «Внеклеточные формы жизни», см. прим. 130, стр. 204.
[186] Там же.
[187] Там же, стр. 202.
[188] Полностью доклады, сделанные на этой конференции, опубликованы в книге «Новые данные по проблеме развития клеточных и неклеточных форм живого вещества. Труды конференции по проблеме развития клеточных и неклеточных форм живого вещества в свете теории О. Б. Лепешинской». М., Изд. Академии мед. наук СССР. серия «Проблемы медицины», редколлегия: И. Н. Майский, О. Б. Лепешинская, С. Е. Северин, А. А. Имшенецкий, И. Е. Глущенко, Г. К. Хрущов, А. Н. Студитский и др., 1954. Кроме того, перед началом конференции была издана брошюра «Тезисы докладов конференции, посвященной проблеме развития клеточных и неклеточных форм живого вещества в свете теории О. Б. Лепешинской», М., Изд. АМН СССР, 1952, стр. 23.
[189] О. Б. Лепешинская. Клеточная теория на новом этапе развития. В кн.: «Новые данные по проблеме...», см. прим. 188, стр. 7—16.
[190] Так, Лепешинская говорила. «Правильное изучение законов природы и общества возможно только на основе марксистско-ленинско-сталинской философии». Там же, стр. 7.
[191] Вот выдержки из «наказов» Лепешинской «Биохимикам необходимо изучить процесс образования нуклеиновых кислот в белке и процесс перехода рибонуклеиновой кислоты в тимонуклеиновую (дезоксирибонуклеиновую кислоту по современной терминологии. — *В.С.*). Необходимо также изучить качество... нуклеиновых кислот в живом веществе, выделенном из различных клеток... в особенности из раковых... (стр. 11)

Над чем должны работать физиологи? Важным и существенным для физиологов является вопрос о том, как получаемый извне питательный материал (пища) переходит в живое вещество...» (стр 15).

Характерен заключительный абзац в речи Лепешинской: «Следует особо подчеркнуть, что наши научные успехи могли быть достигнуты только в нашей стране передовой науки, благодаря заботе Коммунистической партии и Советского правительства» (стр. 16).
[192] Там же, стр 14. Лепешинскую в этом вопросе горячо поддержал А. А. Имшенецкий, тогда еще член-корреспондент АН СССР, но уже директор Института микробиологии АН СССР, заявив в своем докладе, озаглавленном «О формировании ядер в бактериальной клетке» (там же, стр. 22 -23): «Существование неклеточных форм жизни подтверждает наличие доклеточного периода в эволюции» (стр. 23)
[193] Там же, стр. 11.
[194] Там же, стр. 12.
[195] Там же, стр. 14.

[196] Доц К. М. Завадский О новообразовании меристематических клеток при вегетативном размножении растений листьями Там же, стр. 37—48.

В опубликованных перед открытием конференции тезисах (см. прим. 188 К. М. Завадский утверждал, что у некоторых клеток растений «на первых фазах развития нельзя обнаружить ядра» (стр. 7). Его вывод гласил: «...новое растение зарождается... не путем «дифференцировки» клетки... а путем новообразования меристематических клеток из живого вещества» (стр. 8) (см.: К. М. Завадский. «О новообразовании меристематических клеток внутри одной клетки эпидермиса листа бегонии» в упомянутых «Тезисах конференции...», стр. 6—8).

[197] Л. С. Сутулов. Новые материалы к теории О. Б. Лепешинской о новообразовании клеток из живого вещества. См. прим. 188, книга «Новые данные по проблеме...», стр. 80—81.

[198] Засл. деятель науки РСФСР проф. В. В. Авербург К вопросу о происхождении и роли некоторых клеточных элементов в месте введения туберкулезной палочки (БЦЖ). Там же, стр. 100—107.

[199] Член-корреспондент АМН СССР проф. Н. И. Зазыбин (Днепропетровский мед. ин-т) О некоторых неизученных формах нервнотканевых взаимоотношений. Там же, стр. 137—146.

[200] Проф. Л. И. Фалин (Смоленский мед ин-т). О роли живого вещества в генезе тератоидных опухолей. Там же, стр. 182—184; доктор мед. наук Ф. М Халецкая (Институт онкологии АМН СССР). К вопросу о роли неклеточных форм живого вещества в опухолевом росте. Там же, стр. 174—181. Выводы последней работы звучали так:

«1. Живое вещество опухолевой ткани.. может стать источником образования опухолевых клеток.

2. Живое вещество опухолевой ткани... может развиваться только *при условии умеренной деструкции ткани...» (стр 181)*.

[201] Член-корр. АМН СССР проф. Л. М. Шабад. О некоторых данных экспериментальной онкологии в свете учения о живом веществе. См. прим. 188, стр. 185—190.

[202] Кандидат биологических наук Л. П. Липчина (Институт нейрохирургии имени Бурденко АМН СССР). О способах размножения опухолевых клеток. Там же, стр. 191 196.

[203] См. книгу «Новые данные по проблеме развития...», прим. 188, стр. 196.

[204] Доктор биологических наук С. А. Нейфах (Институт экспериментальной медицины АМН СССР). Нуклеиновые кислоты и новообразование структур в живом веществе. Там же, стр. 256—259.

[205] М. С. Навашин, Е. Н. Герасимова-Навашина, М. С. Яковлев. О роли неклеточного живого вещества в процессе воспроизведения у растений. Изв. АН СССР, сер. биол., 1952, № 2.

[206] М. С. Навашин. О живом веществе при процессе воспроизведения у

растений. В сборнике: «Новые данные по проблеме...», см прим. 188, стр. 49.

[207] Проф. О. Б. Лепешинская. Ответ М. С. Навашину. Журнал «Под знаменем марксизма», 1937, № 2, стр. 134 140; О. Б. Лепешинская, В. Г. Крюков. О некоторых ошибках в понимании теории развития живого вещества. Журнал «Известия АН СССР, сер. биол.», 1953, № 3, стр. 16—24.

[208] См. прим. 188, стр. 151—157.

[209] Там же, стр. стр. 156.

[210] «Заключительное слово вице президента АМН СССР Н. Н. Жукова-Вережникова». См. прим. 188, стр. 267 -268.

[211] Там же, стр. 271.

[212] Газета «Медицинский работник», 15 сентября 1948 г., № 39, стр. 2.

[213] В заключительном слове Лепешинская требовала: «Еще лучше создать специальный журнал, который систематически и быстро публиковал бы материалы исследований по нашей проблеме». См. прим. 161, стр 265.

Другое требование было сформулировано так: «Необходимо, чтобы Академия наук СССР, Академия медицинских наук СССР и ВАСХНИЛ взяли на себя обязательство систематически созывать всесоюзные конференции по этой проблеме». Там же, стр. 268.

[214] «Постановление конференции Академии медицинских наук СССР и Отделения биологических наук АН СССР с участием высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов Министерства здравоохранения СССР по проблеме развития клетки и внеклеточных форм живого вещества в свете теорий О. Б. Лепешинской (22—24 апреля 1952 г.)». Там же, стр. 269 - 271

[215] См. журнал «Вестник АН СССР», № 9, стр. 108.

[216] Там же.

[217] См. «Резолюция конференции АМН и Отделения биологических наук АН СССР с участием высших учебных заведений». Там же, стр. 109 110. Эту же резолюцию опубликовал журнал «Архив анатомии, гистологии и эмбриологии», 1952, т. 29, № 5, стр. 93—95 и другие журналы. См также: Г. К. Хрущов. К итогам конференции по проблеме развития клеточных и неклеточных форм живого вещества. Журнал «Вестник АН СССР», 1952, № 9, стр. 92 95. По словам Г. К. Хрущова, важнейшими на конференции были доклады: А А. Имшенецкого, показавшего, что ядра бактерий возникают заново из живого вещества; И. Е. Глущенко, Я. Е. Элленгорна и З. Афанасьевой о роли живого вещества в образовании клеток у растений; доц. К. М. Завадского, «который непосредственно показал (аналогично Глущенко, Элленгорну и Афанасьевой) новообразование ядер в безъядерных клетках» (стр. 94); Л. С. Сутулова о том, что «новые клетки крови образовывались из неклеточных структур в лимфатических мешках амфибий» и А. Н. Студитского, который установил «закономерную смену клеточных и неклеточных фаз в регенерации

легкого». По мнению Г. К. Хрущова, проф. Н. И. Зазыбин сделал «чрезвычайно важное сообщение — неклеточное вещество структурно тесно связано с нервной системой». Сам про себя Г. К. Хрущов сказал, что ему удалось доказать «самообновление рыхло-соединительной ткани, проходящее через стадию живого вещества» (стр. 95).

[218] А. Н. Студитский. За творческую разработку учения о живом веществе. Журнал «Архив анатомии, гистологии и эмбриологии», 1952, т. 29, № 4, стр. 4.

[219] Там же, стр. 7.

[220] Л. И. Корочкин. Рецензия на книгу А. Н. Студитского. Журнал «Онтогенез», 1982, т. 13, № 1, стр. 95–98.

[221] См. прим. 218, стр. 7.

[222] М. А. Поповский. 1000 дней академика Вавилова. Журнал «Простор», 1966, № 7 (июль), Респ. газетно-журнальное изд. при ЦК КП Казахстана, стр. 4–27; там же, 1966, № 8, стр. 98–118; его же: Дело академика Вавилова. Изд. «Эрмитаж», Энн Арбор, 1983.

[223] С. Резник. Николай Вавилов. В серии «Жизнь замечательных людей», Изд. ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», М., 1968; его же: Дорога на эшафот. Изд. «Третья волна», Париж—Нью-Йорк, 1983.

[224] Постановление Президиума АН СССР от 7 июня 1950 г., пункт 3, опубликовано в журнале «Известия АН СССР» сер. биол.», 1950, № 5

[225] Там же, пункт 7.

[226] Л. А. Калиниченко. Новое в науке о жизни. Госкультпросветиздат, М., 1953.

[227] О. Б. Лепешинская. Происхождение клеток. М., Воениздат, 1952, стр. 75.

[228] В. Сафонов. Первооткрыватели. Изд. ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», М., 1951, стр. 345.

[229] См. прим. 130.

[230] Там же, стр. 15–16.

[231] Там же, стр. 36.

[232] Там же, стр. 17—18.

[233] Там же, стр. 206. Авторы перепечатанной из «Большевика» статьи отмечали важность двух других открытий, сделанных в те годы и вскоре опровергнутых: превращения вирусов в клетки и обратно (Г. М. Бошьян) и искусственного синтеза белков из аминокислот под давлением (последнее принадлежало ленинградскому физико-химику С. Е. Бреслеру).

[234] См. прим. 188, стр. 11.

[235] Там же, стр. 10.

[236] И. Н. Майский. О состоянии разработки проблемы «Развитие жизни в доклеточном периоде и происхождение клеток из живого вещества». Там же, стр. 17—18.

[237] Там же, стр. 24.

[238] Там же. стр. 27.

[239] Цитировано по имеющейся у меня копии письма Насонова зав сектором науки ЦК ВКП(б) Ю. А. Жданову, отправленного в Москву в конце июня 1950 г (копия собственноручно подписана Д. Н. Насоновым), стр. 3—4.

[240] Цитировано по заверенной печатью Института экспериментальной медицины АМН СССР и подписью ученого секретаря стенограмме выступления Д. Н. Насонова на заседании Ученого Совета этого института, стр. 1.

[241] Там же. стр. 2.

[242] Там же. стр. 3.

[243] Там же, стр. 3—4.

[244] Цитировано по имеющейся в моем распоряжении официальной стенограмме выступления В. Я. Александрова на том же заседании, стр. 1.

[245] См. прим. 239, стр. 5.

[246] Там же, стр. 6.

[247] Там же.

[248] Цитировано по имеющейся у меня машинописной копии второго письма Д. Н. Насонова зав. сектором науки ЦК ВКП(б) Ю. А. Жданову, отправленного в ЦК партии в конце 1950 г., стр. 2.

[249] Там же.

[250] Цитировано по имеющейся у меня выписке из стенограммы заседания Ученого Совета физиологического Института имени А. А. Ухтомского при ЛГУ. Выписка заверена 20 марта 1951 года секретарем Института С. С. Головиной и скреплена печатью.

[251] Цитировано по имеющейся у меня фотокопии письма Виноградовой в НКВД, стр. 1.

[252] Там же, стр. 2.

[253] См. прим. 238, стр. 27—28.

[254] См. прим. 188, стр. 109.

[255] Там же, стр. 111.

[256] А. С. Кривиский. Биологическая природа бактериофага. Журнал «Природа», 1952, № 10, стр. 53—54.

[257] См. прим. 12, стр. 3.

[258] Ж. А. Медведев. Биохимические закономерности роста, старения и обновления клеточных форм живой материи. Журнал «Успехи современной биологии», 1953, т. 35, вып. 3, стр. 338 356.

[259] Г. А. Мелконян. О возможности остеогенеза вне организма после анабиоза костных клеток. Журнал «Успехи современ. биологии», 1951, т. 30, вып. 2 (5), стр. 309—311.

[260] Там же, стр. 309.

[261] Там же.

[262] Там же, стр. 310.

[263] Там же.

[264] Цитировано по машинописной копии, хранящейся в личном архиве В. Я. Александрова

[265] Цитировано по машинописной копии, хранящейся в личном архиве В. Я. Александрова.

[266] Ф. Н. Кучерова. Автореферат кандидатской диссертации; см. также ее статью «Управление эмбриональным развитием животных путем воздействий через материнский организм». Журнал «Успехи соврем. биологии», 1950, т. 28, вып. 1, стр. 145—160.

[267] В. Г. Шипачев. Об исторически сложившемся эволюционном пути развития животной клетки в свете новой диалектико-материалистической клеточной теории. Иркутск, Иркутское областное издательство, 1954.

[268] В. Я. Александров. К вопросу о превращении растительной клетки в животную и обратно. «Ботанический журнал», 1955, т. 40, № 2.

[269] Н. М. Сисакян, Е. Б. Куваева. Обмен веществ полостной жидкости тутового шелкопряда в процессе метаморфоза (изучение обмена веществ неклеточного живого вещества в процессе развития). Журнал «Биохимия», 1953, т. 18, вып. 3, стр 354—362

[270] Проф. И И. Пузанов. Астронавт. Поэма в трех песнях с прологом, машинописный экземпляр.

[271] В конце 1965 года группа ботаников (в основном учеников Н. И. Вавилова, первым подписал письмо Ф. Х. Бахтеев) отправила в Президиум АН СССР следующее письмо:

«Мы, нижеподписавшиеся, участники торжественного заседания, посвященного 250-летнему юбилею Ботанического института им. В. Л. Комарова АН СССР, имели удовольствие прослушать текст приветствия в адрес юбиляра, направленное Президиумом АН СССР. Среди подписавших адрес, к сожалению, значится и имя акад. Н. М. Сисакяна, который не имел никаких морально-этических оснований подписывать этот торжественный документ. Достаточно познакомиться лишь с одним из многочисленных публичных проявлений научного «кредо» этого человека, чтобы понять всю нелепость происшедшего (образец «кредо» Н. М. Сисакяна прилагается).

В связи с изложенным мы выражаем протест и считаем, что оставление в числе руководителей штаба советской науки таких беспринципных «ученых», как Н. М. Сисакян, отнюдь не свидетельствует о заботе сохранить и укреплять высокий авторитет Президиума Академии наук СССР».

[272] К письму ученых-ботаников был приложен следующий документ, содержащий отрывок из публикации Сисакяна: «Научное «кредо» Норайра Мартиросовича Сисакяна, ныне академика, занимающего пост Главного ученого секретаря Академии наук СССР.

Выдающийся вклад в мичуринскую биологию

Творчество Т. Д. Лысенко, вдохновленное идеями Ленина—Стали-

на, тесно связано со всем поступательным движением советской науки. Т. Д. Лысенко - это ученый нового склада, научный деятель сталинской эпохи...

«Агробиология» страница за страницей повествует о непримиримой борьбе академика Т Д. Лысенко с врагами мичуринского учения — менделистами-морганистами .

Огромный экспериментальный материал, собранный в «Агробиологии», неопровержимо доказывает основное положение учения Мичурина—Лысенко о том, что наследственность изменяется в результате воздействия условий жизни, что управляя условиями жизни, можно управлять наследственностью. Наследование приобретенных признаков в процессе жизни организма является необходимостью: без нее нет эволюции. Эти работы Т. Д. Лысенко нанесли сокрушительный удар по идеалистической хромосомной теории наследственности менделистов-морганистов.

Профессор Н. Сисакян
член-корреспондент АН АрмССР».

(*Из газеты* «Социалистическое земледелие»
от 13 апреля 1949 г.).

Выражаю признательность проф. В Я. Александрову и Д. В. Лебедеву за предоставление копий этих документов

[273] См., например, О. Б. Лепешинская Успехи новой теории происхождения клеток. (Беседа с действительным членом Академии медицинских наук СССР О. Б. Лепешинской). Журнал «Природа», 1952, № 1, стр. 85—87.

[274] См. прим. 130.

[275] См. прим. 130, стр. 187.

[276] Ф. Л. Лесик. Роль живого вещества в срастании подвоя с привоем. Исследование срастания подвоя с привоем. Там же, стр 169 -175.

[277] Там же, стр. 173.

[278] Там же.

[279] М. Ф Никитенко Рецензия на книгу О. Б. Лепешинской «Развитие жизненных процессов в доклеточном периоде», Изд. АН СССР, М., 1952. Журнал «Успехи современной биологии», 1953, т 35, вып. 2, стр. 305—310.

[280] Там же, стр. 307.

[281] Там же, стр. 309.

[282] Там же, стр. 310.

[283] Там же.

[284] Рэм Викторович Петров. Онтогенез вторичных культур бактерий брюшнотифозного типа и дизентерии в процессе их развития из живого вещества. Диссертация на соискание ученой степени кандидата медицинских наук Воронежский гос. мед. ин-т. 252 стр., 1954, из каф. микробиологии.

[285] Цит. по статье: Н. Н Семенов, лауреат Нобелевской премии, «Наука не терпит субъективизма» Журнал «Наука и жизнь», 1965, № 4, стр. 41.
[286] О. Б. Лепешинская. О жизни, старости и долголетии. Изд. «Знание», М., серия III, 1953, № 1
[287] Там же, стр. 46.
[288] Там же.
[289] Там же, стр. 47.
[290] Там же, стр. 48.
[291] Там же.
[292] Там же, стр. 15.
[293] Там же, стр. 35.
[294] Там же.
[295] Там же, стр. 41.
[296] Там же, стр. 37
[297] Там же, стр. 40—41.
[298] Там же, стр. 41.
[299] Там же.
[300] Там же, стр. 42.
[301] Там же.
[302] Там же.
[303] Там же, стр. 18—19.
[304] Большая Советская Энциклопедия,3 изд., т. 21, 1975, стр. 34.
[305] Там же.
[306] Н. В. Турбин. Дарвин и новое учение о виде. «Ботанический журнал», 1952, т. 37, № 6, стр. 798—818.
[307] Н. Д. Иванов. О новом учении Т. Д. Лысенко о виде. Там же, стр. 819—842.
[308] См. прим. 306, стр. 818.
[309] Н В. Турбин, выступая на сессии ВАСХНИЛ в 1948 году говорил: «Надо... очистить... институты от засилия фанатических приверженцев морганизма-менделизма, лиц, которые, прикрываясь своими высокими научными знаниями, подчас занимаются, по существу, переливанием из пустого в порожнее». См. прим. 94, стр. 411.
[310] Цитировано по редакционному репортажу «За безраздельное господство мичуринской науки. На общегородском собрании работников биологической науки», газета «Ленинградская правда», 8 сентября 1948 г., № 213 (10164), стр. 2.

Следует отметить, что и в 1954 году, через два года после публикации статьи против лысенковских взглядов на природу видообразования, Турбин в статье «О своеобразных приемах доказательства новой теории видообразования», журнал «Успехи современной биологии», 1954, т. 37, вып. 3, стр. 361 –365, выставлял себя в качестве принципиального мичуринца, искреннего друга и последователя Т. Д. Лысенко, выступающего

лишь против одного из частных вопросов «учения Лысенко», и при этом определенно высказывался о том, что «...еще задолго до августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г., я выступал с критикой вейсманистских работ акад. И. И. Шмальгаузена». См. журнал «Успехи современной биологии», 1954, т. 37, вып. 3, стр. 361—365; цитата взята со стр. 363.

[311] Н. В. Турбин (редактор). Хрестоматия по генетике. М., Изд. «Советская наука», 1949.

[312] Там же, стр. 3.

[313] Там же, стр. 29.

[314] Там же, стр. 32.

[315] П. Г. Иванова. Влияние возраста половых клеток животных на качество потомства. В кн.: Ученые записки Ленинградского университета, 1953, № 165; А. Д. Курбатов и М. М. Тихомирова. Влияние интенсивности основного обмена веществ. Там же.

[316] Я. С. Айзенштадт. Изменение доминирования под влиянием укороченного светового дня. Журнал «Доклады АН СССР», 1950, т. 70, № 1; его же: Влияние воспитания первого поколения гибридов в резко различающихся эколого-географических условиях на характер расщепления. Там же, 1953, т. 76, № 3.

[317] А. Н. Студитский. За творческую разработку проблемы видообразования. Журнал «Успехи современной биологии», 1953, т. 34, вып. 1, стр. 1—2; Н. И. Нуждин. Рецидив вейсманизма под флагом защиты дарвинизма. «Журнал общей биологии», 1953, т. 14, № 1, стр. 3—22; его же: Банкротство морганистской лженауки. Там же, стр. 71 -81.

[318] А. И. Опарин. И. В. Сталин — вдохновитель передовой биологической науки. «Журнал общей биологии», 1953, № 2, стр. 90—95.

[319] Там же.

[320] О. Б. Лепешинская. Недоброкачественная критика Н. В. Турбина и Н. Д. Иванова работы Т. Д. Лысенко о виде. «Ботанический журнал», 1953, т. 38, № 3, стр. 386-388.

[321] Там же, стр. 386.

[322] См. прим. 110.

[323] См. прим. 109.

[324] Редакционная статья «О честности ученого», газета «Циня», орган ЦК КП Латвии. 21 марта 1953 г., № 69.

[325] Т. Д. Лысенко. Письмо в редакцию. «Ботанический журнал», 1953, т. 38, № 6, стр. 891.

[326] А. А. Рухкян. Об описанном С. К. Карапетяном случае порождения лещины грабом. Там же, стр. 885—891.

[327] В. Н. Сукачев. О внутривидовой конкуренции и о биогеоценологии (некоторые замечания к статьям Н. И. Нуждина и В. С. Дмитриева). «Журнал общей биологии», 1953, т. 14, № 4, стр. 320—326.

[328] Там же, стр. 386.

[329] С. С. Станков. Об одной порочной диссертации. Письмо в редакцию. Газета «Правда», 26 марта 1954 г., № 85 (13018), стр. 3.

[330] В. Н. Орехович. Рецензия на книгу Г. М. Бошьяна «О природе вирусов и микробов». В кн.: «Вопросы медицинской химии», Изд. АМН СССР, 1950, т. 2, стр. 238—245.

[331] Там же.

[332] Там же, стр. 240.

[333] Там же, стр. 245.

[334] Сообщение о заседании Правления Всесоюзного общества микро биологов. «Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунологии», 1951, № 1.

[335] В изложении Муромцева дело обстояло следующим образом: «Т. Д. Лысенко в своем письменном заключении на рукопись Г. М. Бошьяна и в устных беседах неоднократно указывал, что такое утверждение основано на недопонимании неразрывного, единства живого тела с необходимыми для него условиями жизни». См.: С. Н. Муромцев. Новые работы о наследственности и ее изменчивости у микробов. Там же, № 3, стр. 8.

[336] Там же, стр. 10.

[337] Там же.

[338] Там же, стр. 11.

[339] Там же, стр. 13.

[340] Ссылки на их работы см. в статье С. Н. Муромцева (прим. 335); см. также: А. В. Маслюков. К вопросу о вегетативной гибридизации микробов и о книге Г. М. Бошьяна «О природе вирусов и микробов». «Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунологии», 1951, № 2, стр. 12—16.

[341] А. Я. Жолкевич. Письмо в редакцию. «Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунологии», 1951, № 1, стр. 95.

[342] Редакционная статья «Под знаком критики и самокритики к новым успехам в медицинской науке». «Журнал микробиологии, эпидемиоло гии и иммунологии», 1851, № 1, стр. 3 6. В статье были приведены слова Жуков-Вережникова, «...книга (Бошьяна — *В. С.*) сыграла положительную роль — она заострила интерес к очень важным вопросам теории и практики микробиологов...», стр. 5. Далее в статье было сказано, что «профессора М. П. Чумаков, В. Н. Орехович, Ф. Г. Кротков, В. Д. Тимаков и др. заявили о своем отрицательном отношении к концепции Бошьяна в целом и отказались принять прогрессивное значение даже за отдельными ее положениями». Стр. 5.

[343] Там же

[344] К. Н. Бучнев. Несколько критических замечаний по поводу книги Г. М. Бошьяна о природе вирусов и микробов, там же, 1952, № 11, стр. 75—80; см. также А. И. Коротяев, там же, 1952, № 9, стр. 60—67; Л А. Зильбер, журнал «Успехи современной биологии», 1952, т. 33, стр. 81 99; Ф. М. Чистяков, З. Ф Каменева, журнал «Микробиология», 1952, т. 21, стр. 540—547; В Л. Рыжков, «Ботанический журнал», 1954, т. 39, № 6, стр. 797—808.

[345] О. Б. Лепешинская. В книге: «Развитие жизненных процессов в доклеточном периоде». Изд. АН СССР, научно популярная серия, М., 1952, стр. 195.
[346] Г. П. Калина, Б. А. Фихман. Журнал «Микробиология», 1952, т. 21, стр. 528—539.
[347] Г. М. Бошьян. Ответ нашим критикам (по поводу рецензии В. Н Ореховича). В кн.: «Вопросы медицинской химии», Изд. АМН СССР, М., 1952, т. 4, стр. 267—286.
[348] Там же, стр. 267 -268
[349] Там же, стр. 277.
[350] Там же, стр. 278
[351] Там же, стр. 280.
[352] Там же.
[353] Там же, стр. 283.
[354] Там же, стр. 285.
[355] Там же.
[356] Там же, стр. 287.
[357] Там же, стр. 282.
[358] Там же, стр. 285.
[359] Там же, стр. 285—286.
[360] И.К.Смирнов. О книге Бошьяна «О природе вирусов и микробов» «Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунологии», 1951, № 2. стр. 69 -71.
[361] Е. И. Силантьев. Несколько замечаний на книгу Г. М. Бошьяна «О природе вирусов и микробов». Там же, 1951, № 1, стр. 75—79.
[362] Там же.
[363] Н. Н. Жуков-Вережников. Выступление на совещании по проблеме живого вещества. См. прим. 129, стр. 95.
[364] См.: И. Н. Майский. Проблема изучения неклеточных форм жизни. Журнал «Бюллетень экспериментальной биологии и медицины», 1953, № 6, стр. 64.
[365] Чтобы доказать как само существование неклеточного вещества. способного превращаться в клетки, так и изменение наследственности при таком переходе, Имшенецкий фильтровал через микропористые фильтры жидкость, взятую из сосудов с бактериями. При аккуратной работе и правильной стерилизации никакие бактерии через фильтры проходить не могут (их потому и называют «стерилизующими фильтрами»). Однако в экспериментах Имшенецкого в фильтрате (из-за несомненного загрязнения. вызванного низкой квалификацией горе-экспериментаторов) оказывались прекрасно размножающиеся бактерии. Образующиеся из них колонии отличались по свойствам от колоний бактерий, из суспензии которых брали жидкость (иными словами, в опыт была занесена посторонняя грязь). Авторы работы тем не менее претендовали на открытие и писали в связи с этим: «...неклеточное ве-

щество бактерий, проходящее через фильтр, может обладать измененной наследственностью и возникающие в дальнейшем формы следует рассматривать как варианты исходной культуры». (А. А. Имшенецкий и Л. И. Солнцева. Фильтрующиеся формы и изменчивость Bact. fluorescens liquine-faciens Журнал «Микробиология», 1954, т. 23, вып. 1, стр. 27—28.)

[366] Зато, как только подули иные ветры и в ЦК партии начали проявлять заинтересованность в развитии в СССР генетики, так же как новых областей биофизики, молекулярной биологии, внедрении в биологию достижений математики, Имшенецкий был одним из первых быстро перекрасившихся чинов научной номенклатуры. Так, при обсуждении отчетного доклада АН СССР он заявил: «...наиболее ценные достижения в последние годы были достигнуты ею (биологией — *В.С.*) благодаря успехам смежных дисциплин (физики, химии, математики)... В настоящее время заметно неблагополучие в области генетики.. » (См. «Обсуждение отчетного доклада», журнал «Вестник АН СССР», 1957, № 3, стр. 15).

Буквально в те же дни, но уже не на общем собрании Академии наук, а в своем кругу, в Отделении биологических наук, где еще главенствовали сторонники Лысенко и в присутствии самого Трофима Денисовича, А. А. Имшенецкий, Г. Я. Бей-Биенко, Г. В. Никольский, с одной стороны, «приветствовали моду на биофизику, цитологию и генетику», а с другой — возражали против, как было сказано, «их экспансии» (см. «В Отделении биологических наук», «Вестник АН СССР», 1957, № 3, стр. 38—39).

[367] Стенографический отчет о Совещании по проблеме живого вещества и развития клеток. М. Изд. АН СССР, 1951, стр. 64.

[368] Г. М Бошьян. Новые экспериментальные данные о природе вирусов и микробов и их значение для теории и практики Журнал «Ветеринария», 1953, № 10. стр. 24—35.

[369] Там же, стр. 33.

[370] В. Н. Орехович Некоторые итоги дискуссии по поводу представлений Бошьяна. «Журнал микробиологии, эпидемологии и иммунологии», 1954, № 10, стр. 102 - 107.

[371] См. прим. 368.

[372] См. прим. 341, стр. 274.

[373] См. прим. 370.

[374] Там же, стр. 103.

[375] См. прим 330.

[376] См. прим. 368.

[377] Там же, стр. 106.

[378] В этой связи Орехович писал: «...выяснилось, что данные Бошьяна... являются ошибочными и что грубейшие ошибки автора обусловлены незнакомством их автора с элементарными основами микробиологии и химии». Там же, стр. 104.

[379] См. прим. 113, стр. 8.

[380] Г М. Бошьян. Дезинфекционные свойства солянокислых растворов однохлористого иода. Журнал «Ветеринария», 1963, № 7, стр. 63—65.

[381] См. прим. 129, стр. 111 –112.

[382] См. прим. 93, стр. 28.

[383] См. прим 367, цитата взята со стр. 64.

[384] См. там же, стр. 63.

[385] Там же, стр. 64.

[386] Резолюция конференции по итогам и перспективам работ по изучению неклеточных форм живого вещества, опубликована за подписью академика-секретаря Отделения биологических наук АН СССР акад. А. И. Опарина в журнале «Микробиология», 1953, т. 22, вып. 22, стр. 629—631.

[387] Там же, стр. 631.

[388] См.: Е. Л. Рубан. Конференция по проблеме «Неклеточные формы жизни». Журнал «Микробиология», 1953, т. 22, вып. 5, стр. 631—633. Рубан сообщила, что при открытии конференции академик-секретарь Отделения биологических наук АН СССР Опарин заявил: «...исследования О. Б. Лепешинской послужили стимулом для развития работ по живому веществу... Проведенные исследования со всей очевидностью показали.. возможность развития клеток из живого вещества», стр. 631.

Имшенецкий в докладе «Фильтрующиеся формы бактерий» отметил.

«Существование фильтрующихся форм не вызывает в настоящее время сомнений. Однако получение их еще не носит закономерного характера и воспроизвести положительные результаты опытов не всегда удается... Точно так же не доказана трансформация бактерий в вирусы и обратно», стр. 632.

Тимаков в докладе «Роль живого вещества в развитии микроорганизмов» всецело поддержал, как отмечала Рубан, Лепешинскую, но критически отнесся к идеям Бошьяна. Рецензент также отмечала, что на конференции было заявлено:

«В прениях неоднократно подчеркивалось, что только способный к обмену и развитию белок, а не любые продукты клеточного распада, может служить материалом для новообразования клеток», стр. 633.

[389] См.: Постановление Президиума АН СССР № 301 от 12 июня 1953 года «О результатах конференции по итогам и перспективам работ по изучению неклеточных форм живого вещества». Журнал «Микробиология», 1953, т. 22, вып. 5, стр. 629.

[390] Там же.

[391] См., например: А. Н. Студитский. Типы новообразования клеток из живого вещества в процессах онтогенеза и регенерации. «Журнал общей биологии», 1953, т. 14, № 3, стр. 177 197. В этой статье Студитский ввел понятие «советская морфология» (стр. 180) в противовес «вирховианской морфологии», которая якобы «не решила ни одной

проблемы... не вскрыла ни одной подлинной закономерности» (там же). См. также: А. Н. Студитский Развитие клеток из неклеточного живого вещества в мышечной ткани. Журнал «Архив анатомии, гистологии и эмбриологии», 1953, т 30, № 4, стр 10—26; В Г. Елисеев. Учение о живом веществе и некоторые вопросы гистологии. Там же, 1953, т. 30, № 5, стр. 3—16; В. Г. Елисеев Об экспериментальных методах исследования в морфологии и о некоторых спорных вопросах гистологии. Там же, 1953, т. 30, № 6, стр. 7—29; М. Я. Субботин. К вопросу о развитии неклеточных форм трофобласта плаценты кролика. Там же, 1953, т. 30, № 6, стр. 42—50.

392 Б. А. Езданян. О развитии сперматогониев из живого вещества. Журнал «Архив анатомии, гистологии и эмбриологии», 1953, т. 30. № 6, стр. 51 -57.

393 Там же, стр. 57.

394 Там же.

395 Н. С. Строгонова. Происхождение и развитие мужских половых клеток у млекопитающих. Журнал «Известия АН СССР, сер. биол.», 1952, № 6.

396 В. Д. Тимаков. Изменчивость микробов и проблема получения живых вакцин. «Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунологии», 1954, № 10, стр. 3—11.

397 Там же, стр. 3.

398 Там же.

399 О. Б. Лепешинская.Развитие живого вещества и происхождение клеток. В кн.: «Учение Павлова в теоретической и практической медицине», М., 1953, вып. 2, стр. 36. Данная книга была собранием лекций, прочитанных на семинарах врачей в 1952 году, проведенных в Москве Центральным институтом усовершенствования врачей. Сборник был целиком посвящен учению Павлова, но, видимо, из политических соображений его составители решили привлечь в качестве лектора и О. Б. Лепешинскую, статьей которой и открылся сборник.

400 Там же

401 См журнал «Архив анатомии, гистологии и эмбриологии», 1953, т. 30, № 6, стр. 87

402 См.: Д. А. Жданов, С. Щелкунов. Резолюция правления Всесоюзного общества анатомов, гистологов и эмбриологов 23—27 июня 1953 г. о задачах советской морфологии. Журнал «Архив анатомии, гистологии и эмбриологии», 1954, т. 31, № 1, стр. 90 91.

403 Т. И. Фалеева. Цитоморфологические данные о процессах созревания и оплодотворения яйцеклетки осетра и севрюги. Журнал «Доклады АН СССР», 1953, т. 91, № 1.

404 О Б. Лепешинская. О принципе лечения содовыми ваннами. Журнал «Клиническая медицина», 1953, т. 31, № 1, стр. 26—30.

405 См. прим. (46), стр. 382

406 См., например, статью О. Б. Лепешинской «Борьба со старостью»,

опубликованную в республиканской газете Карело-Финской ССР «Ленинское знамя» 6 января 1953 г., № 4.

[407] А. Я. Могилевский. Критические замечания о статье О. Б. Лепешинской «О принципе лечения содовыми ваннами». Журнал «Клиническая медицина», 1953, т. 31, № 9, стр. 78; Е. А. Лифшиц. Против одной упрощенной концепции (дискуссионная статья). Там же, стр. 79—80.

[408] Е. А. Лифшиц. См. прим. 407, стр. 79

[409] А. Я. Могилевский См. прим. 407, стр. 78.

[410] Там же.

[411] О. Б. Лепешинская. Ответ на критические замечания А. Я. Могилевского (Киев) и Е. А. Лившица (Петрозаводск). Там же, 1954, т. 32, № 3, стр. 76—79.

[412] Там же, стр. 77.

[413] Там же, стр. 76.

[414] Там же, стр. 79.

[415] Там же.

[416] Там же, стр. 76.

[417] Отчеты об этом заседании появились в ряде журналов: см., например, «Архив анатомии, гистологии и эмбриологии», 1954, т. 31, № 2, где говорилось: «В каждом из заседаний участвовало до полутораста человек. В обсуждении приняло участие 15 человек» (стр. 65).

[418] Как сообщалось в отчете об этом заседании (см.: Б. А. Долго-Сабуров, А. Г. Кнорре. Дискуссия об историческом методе в гистологии. Журнал «Архив анатомии, гистологии и эмбриологии», 1954, т. 31, № 2, стр. 65—74): «Докладчик характеризовал современную нам буржуазную гистологию, находящуюся в плену вирховианства и вейсманизма, как собрание фактов, не объединенное какой-либо научной идеей» (стр. 65).

[419] Там же, стр. 65.

[420] Там же, стр. 66

[421] Там же, стр. 66.

[422] Там же, стр. 67.

[423] Там же, стр. 69.

[424] Там же.

[425] Там же.

[426] Там же, стр. 70.

[427] Там же.

[428] См. отчет об этом заседании: «Отчет о Пленуме Правления Всесоюзного общества анатомов, гистологов и эмбриологов», журнал «Архив анатомии, гистологии и эмбриологии», 1954, т. 31, № 4, стр. 88—94.

[429] Там же, стр. 92.

[430] Там же, стр. 93.

[431] А. А. Прокофьева-Бельговская. Амитоз в крахмалообразующих клетках клубней картофеля. Журнал «Известия АН СССР, сер. биол.», 1953, № 6.

[432] З. С. Кацнельсон. Амитоз и его особенности на ранних стадиях эм-

брионального развития. Журнал «Архив анатомии, гистологии и эмбриологии», 1954, т. 31, № 3, стр. 3—9. В статье, в частности, говорилось: «На сессии ВАСХНИЛ в 1948 году была вскрыта идейная порочность и практическая необоснованность хромосомной теории наследственности» (стр. 3).

433 Там же, стр. 9.

434 Я. Е. Элленгорн, И. Е. Глущенко, М. И. Рябинина О немитотических способах размножения растительных клеток. Журнал «Известия АН СССР, сер. биол.», 1955, № 2, стр. 59 82; А. М. Синюхин. Черты онтогенетического развития клеток конуса роста ячменя. Там же, 1954, № 5; А М. Синюхин. К вопросу об онтогенезе растительных клеток. Журнал «Агробиология», 1954, № 6.

435 Н. А. Красильников. О неклеточных формах у микроорганизмов. Журнал «Успехи современной биологии», 1954, т. 37, вып. 1, стр. 22 -32

436 В. Н. Орехович, действ. член АМН СССР. Так ли ломаются копья? Газета «Медицинский работник», 23 ноября 1954 г., № 94 (1318), стр. 2.

437 П. С. Ревуцкая. О проблеме новообразования клеток и скептицизме некоторых ученых. Журнал «Известия АН СССР, сер. биол.», 1955, № 2, стр. 41—58.

438 Там же, стр. 42.

439 Там же.

440 Там же.

441 Там же, стр. 43.

442 В Е Козлов, П. В. Макаров. О природе формообразовательных процессов в веществе, выделенном из клеток гидры. Журнал «Вестник Ленинградского университета, сер. биол., географ. и геол.», 1954, вып. 7.

443 М. С. Навашин. О генезисе клеток при регенерации у растений. Совещание эмбриологов в Ленинграде 25—31 января 1955 года, тезисы докладов. Изд. Ленинград. университета.

444 П. С. Ревуцкая. См прим. 437.

445 См. прим. 442.

446 А. Г. Кнорре. Морфологические особенности элементов желтка куриного яйца. Журнал «Доклады АН СССР», 1955, т. 103, № 1; Г И. Роскин. Желточные шары. К вопросу об их свойствах, строении и методиках исследования. Журнал «Известия АН СССР, сер. биол.», 1955, № 4.

447 Л. Н. Жинкин, В. П. Михайлов. «Новая клеточная теория» и ее фактическое обоснование. Журнал «Успехи современной биологии», 1955, т. 39, вып. 2, стр. 228—244.

448 См. Тезисы докладов совещания эмбриологов в Ленинграде 25 -31 января 1955 года, Изд. Ленинград. университета, 1955.

449 О Б. Лепешинская. О понятии живого вещества. Журнал «Вопросы философии», 1957, № 3, стр. 103—112; ее же: Из опыта применения соды в животноводстве. Журнал «Животноводство», 1961, № 12 (декабрь), стр. 75—77.

450 Большая Советская Энциклопедия, 3 изд., М.,1972, т. 9, стр. 184.

[451] Там же, т. 14, стр. 345.
[452] В. М. Молотов. 31-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад на торжественном заседании в Большом театре Союза ССР, Госполитиздат, М., 1948, стр. 20.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абрамян А. К. 190
Абрикосов 84
Авакян А. А. 30, 37, 72, 73, 89, 91, 110
Авербург В. В. 123
Аверинцев С. 94
Авотин Павлов К. Я. 92, 173
Акопян Е. Ш. 190
Александров В. Я. 23, 24, 63, 124, 134, 135, 136, 138—141, 143, 144, 146, 148, 151, 152, 204, 210
Александров Г. Ф. 85
Алексанян 149
Аликаева А. П 190
Андреев А. А. 31, 78
Аничков Н. Н. 107, 110, 137
Аристотель 44
Ахматова А. А. 85, 209

Бабель И. 209
Барон М. А. 108, 110
Бах А. Н 109
Белозерский А. Н. 93, 122
Бенедиктов И. А. 78, 81
Берг Л С. 139
Берулава С. И. 190
Бирюков Д. А. 141
Благоправов А. А 176
Блохин Н. Н. 65, 156
Блохина И. Н. 156
Бляхер Л. Я. 85
Бобовский 141
Борисов В. В. 24
Бошьян Г. М. 33, 92, *110*, 113, 115—120, 129, 178, 180, 183—186, *188*, 190—193, 197, 207, 219
Брайнес С. Л. 104
Брежнев Д. Д. 169
Брежнев Л. И. 209
Бухарин Н И. 27, 28, 46
Бучиев К. Н. 189
Бушинский В. П. 176
Бунге Т. 163

Вавилов Н. И. 29—31, 67—69, 73—74, 88, 109, 206, 209
Вавилов С. И. 127
Валентинов-Волин Н. 41
Василенко В. Х. 202
Введенский Н. Е. 134
Вейсман А. 11, 82, 130, 131, 171, 197
Весселовский 94
Виленский (Сибиряков) Вл. 27
Винклер 34
Виноградов М. И. 144
Виноградова Т. В. 144, 145
Виноградский 185
Вирхов Р. 53, 133,
Владимов Г. Н. 24
Вознесенский Н. А. 31, 78
Воронцов Н. Н. 127
Выскребенцова Э. И. 195

Габриелян В. Т. 149
Гайстер А. И. 139
Галустян Ш. Д. 118, 150
Гальперин 138, 144
Гамалея 185
Гарвей 118
Гаузе Г. Ф. 85
Гейне Г. 163
Гербильский Н. Н. 134, 203, 204
Герчик Ф. 129
Гершанович В. Н. 180, 185
Гилев В. П. 205
Гимза 61
Гиппократ 44
Глущенко И. Е. 30, 37, 60, 82, 104, 110, 182, 200, 206, 207
Гольдфарб Д. М. 185
Гравиц 118
Гринбаум Ф. 119
Громачевский В. Н. 91
Грэм Л. 57
Грязнов И. С. 118
Гурвич А. Г. 45—49, 55, 64, 85, 163, 185, 217
Гурвич А. Е. 155
Густафсон О. 218
Гуфеланд К. В. 158

Давиденков С. Н. 85
Давыдовский И. В. 110, 111
Дарвин Ч. 58, 87, 90, 94
Дмитриев В. С. 95—97, 99, 100, 174, 176
Догель А. С. 63, 144
Догель В. 63, 134
Долгушин Д. А. 30, 72, *89*, *99*, *100*
Драммер Е. Ф. 40
Дубинин Н. П. 34, 217

Ежов 20
Езданян Б. А. 197
Елисеев В. Г. 195, 197, 203, 204
Жданов А. А. 31, 69, 78
Жданов Д. А. 85
Жданов Ю. А. 72, 80, 81, 141
Жебрак А. Р. 72
Жинкин Л. Н. 203, 204, 209
Жолкевич А. Я. 184
Жуков-Вережников Н. Н. 64, 65, 92, 110, 121,

126, 131, 142, 151, 184, 188
Жуковский П. М. 200

Завадовский К. М. 123
Зазыбин Н. И. 123, 213
Здродовский П. Ф. 93, 184
Зильбер Л. А. 93
Зощенко М. М. 209
Зуев В. А. 85, 185

Иванов Н. 118
Иванов Н. Д. 168, 169
Иванова П. Г. 94
Ивановский Д. И. 185
Иерусалимский Н. Д. 118
Имшенецкий А. А. 110, 189, 196
Иоганнсен 171
Исаин В.Н. 217

Каган Г. Я. 185
Калина Г. П. 119, 184, 185, 189
Калинин М. И. 18, 168
Карапетян В. К. 91
Карапетян С. К. 37, 88, 92, 173, 183
Карасик В. М. 107
Касьяненко В. Г. 205
Кацнельсон З. С 206
Кизель А Р. 57, 214
Кирпичников В. С. 24, 124, 139
Кислюк М. М. 100
Кнорре А. Г. 146, 202-204, 210
Ковда В. А. 96
Кольцов Н. К. 15, 57, 124, 209, 214
Кондратьев 150
Коникова А. С. 111
Константинов П. Н. 15, 89, 124, 216
Корочкин И. Г. 194, 195
Корочкин Л. И. 24, 127, 195
Котовский Е. Ф. 213
Котт С. А. 100
Кочетков Н. Н. 204
Красильников Н. А. 207
Крестовникова В. А. 183, 184, 189
Кривиский А. С. 146
Крицман М. Г. 111
Крюков В. Г. 107
Кузнецов Н. Н. 125
Кузьмин П. К. 100
Курсанов А. Л. 195
Курсанов Л. И. 195, 196
Кучерова Ф. Н. 151
Кушиер Х. Ф. 37, 99
Кювье 57, 58

Лавров К. А. 108, 110, 118
Ламарк Ж. Б. 44, 58
Лебедев Д. В. 24, 124
Ленин В. И. 14, 39, 41-43, 46, 47, 105, 192, 198, 211
Леонов Н. П. 114
Лепешинская О. Б. 14, 15, 39, 40, 42, 43, 46—51, 54—57, 59—67, 76, 82, 84—87, 101—108, 110, 111, 118, 121, 122, 125—137, 141, 142, 146, 147, 152—154, 157, 160, 165, 167, 172, 180, 194—201, 203, 204, 207—211, 214, 215, 219
Лепешинская О. П. 107, 112, 184, 212
Лепешинский Б. Б. 41
Лепешинский П. Н. 41
Лесик Ф. Л. 154
Липкин С. И. 24
Липчина Л. П. 123, 124
Лисиянская И. Л. 24
Лысенко Т. Д. 8, 14, 17, 25, 26, 29—31, 33—36, 38, 44, 46, 47, 51, 60, 63, 66, 67, 69, 70, 72-75, 78 83, 86—91, 93—98, 100 105, 108, 110, 115, 117, 124, 130, 146, 147, 153, 156, 168, 170, 172, 173, 175, 176, 180, 183, 188, 190, 191, 194—196, 200—202, 205—207, 211, 212, 216, 217, 219

Магасаник Н. А. 118, 185
Майский И. Н. 122, 134, 135, 142, 145
Макаров П. В. 118, 134, 139, 147, 203, 208
Максимов В. Е. 24
Мальцев Т. 66
Мандельштам О. Э 170
Маркс К. 46, 105
Маслюков А. В. 184
Медведев Ж. А. 57, 147, 199, 200
Мейстер Г. К. 29
Мелкоиян Г. А 147—150, 209
Меллер Г. 45, 206
Мельников 94
Мельниченко А. Н. 20
Мендель Г. 82, 130, 131, 171
Мечников И. И. 185
Миленушкин Ю. И. 119
Миркин С. М. 24
Митин М. Б. 117
Михайлов В. П. 91, 134, 209
Мичурин И. В. 17, 19, 79, 114, 115, 176
Молотов В. М. 71, 78, 114, 214
Морган Т. 82, 130, 131, 171
Морозов 118
Мошковский 61
Муромцев С. Н 93, 182, 183
Мухин Н. Д. 91
Мягков Н. В. 100

Навашин М. С. 125, 208
Надсон Г. А. 45, 146
Насонов Д Н. 63, 84, 85, 134, 135, 136, 138—144
Невядомский М. М. 108, 110, 118, 126
Нейфах А. А. 129, 130
Нейфах С. А. 125
Никитенко М. Ф. 154
Нуждин Н. И. 99, 108, 109, 110

Омелянский 185
Опарин А. И. 99, 103, 110, 129, 171, 176, 196
Орбели А. А. 103
Орджоникидзе С. 39
Орехович В. Н. 111, 181, 184—187, 191, 192, 195, 197, 207
Оробинский И. И. 190

Осипенко В. Д 111
Павлов И. П. 152
Павловский 110, 137
Пастер Луи 116
Перов С. С. 114
Петров Р В. 155
Пилипенко Ф. С. 91
Платонов 209
Погодин Н. 130, 207
Полянский Ю. И. 134
Поповский М. А. 32, 127
Поповьянц М. П. 114
Поспелов П. Н. 117
Презент И. И. 19, 30, 89, 169
Прокофьева-Бельговская А. А. 206
Протопопов (отец О. Б Лепешинской) 40
Прянишников Д. Н. 109, 216
Пузанов И. И 153, 212

Рапопорт И. А. 15, 96, 124
Раутенштейн Я. И. 118
Ревуцкая П. С. 207, 208
Резник С. 128
Римпан И. И. 122
Роде А. А. 96
Рухкян А. А. 174
Рыков А. И. 27, 28

Салтыков-Щедрин М. Е. 5, 25, 39, 44, 53, 57, 66, 84, 87, 95. 101, 113, 121, 133, 147, 157, 1663, 168, 178, 194, 216
Сапегин А. А. 51, 66, 68, 124
Сафонов А. А 153
Сафонов В. 130
Сахаров А. Д 15
Сахаров В. В. 34, 217, 218
Светлов П. Г. 63, 146, 203
Северин С. Е. 110, 111, 121, 137
Сергеев А. Д. 190
Серебровский А С. 32
Сила О. Д. 190
Силантьев Е. И 188
Синюхин А. М. 102
Сисакян Н. М. 109, 110, 152
Смирнов Б. М. 100
Смирнов И. К. 188
Сойфер В. Н. 127
Сойфер Н. И. 24
Солженицын А. И. 128
Сперанский А. Д. 106, 110, 137
Сталин И. В. 6, 14, 15, 18—20, 29, 39, 40, 47, 57—60, 62, 67 -73, 76—83, 85, 86, 90, 92, 93, 96, 104, 105, 117, 124, 128, 129, 133, 164, 171, 192, 196, 198, 199, 209, 211, 214, 216
Станков С. С. 175, 176, 212
Столетов В. Н. 99, 128, 174, 203, 216, 218
Строгонова Н. С. 197
Студитский А. Н. 110, 127, 197, 199, 204, 205, 213
Субботин М. Я. 197, 213
Сукачев В. Н. 172, 173, 175
Сукнев 118
Сутулов Л. С. 123, 213
Суханов А. Ф 213

Тамм И Е. 217
Тендряков В. Д. 24
Тимаков В. Д. 55, 65, 92, 105, 110, 184, 185, 190, 191, 196, 197, 198, 207, 213
Токин Б. П. 84, 134, 136, 141
Туманян М. Г. 88, 91
Тур, братья 207
Турбин Н В. 147, 168—171, 175

Угодчиков 156
Утенков М. Д. 183

Файнброн Б. Д. 34
Фалеева Т. И. 199
Фалин Л И. 213
Фаусек В. А. 163
Федоров Л. 150
Фейцаренко А. К. 100
Филиппов Г. С. 45
Филиппченко Ю. А. 32, 169, 209
Фрумкин 39

Хвостова В. В. 218
Хлопин Н. Г. 63, 84, 134, 136, 141
Хрущев Н. С. 69, 209
Хрущов Г. К. 104, 110, 129, 137, 203, 210

Чахмахчан А. Г. 149
Чекменев Е. М. 95
Ченцов Ю. С 205
Чернов М. 30
Четвериков С. С. 20, 32, 175, 209
Чуковская Л.К. 24
Чумаков М. П. 185
Чумаковская А. 42

Шабуров М. С. 114
Шенников А. П. 99
Шереметьев А. Ф. 21
Шехурдин А. П. 89
Шипачев В. Г. 151, 152
Шлихтер А. Г. 29, 66
Шмальгаузен И. И. 79, 96
Шнейдеров В. А. 129
Шостакович Д. Д. 85, 209
Штерн Л. С. 85

Эйхе Р. 30
Элленгорн Я. Е. 205
Энгельгардт В. А. 152
Энгельс Ф 44 -46, 54, 61, 105, 107, 118, 160
д'Эррель Ф. 116
Эфроимсон В. П. 15, 24, 124

Юрьев В. Я. 89

Яковлев П Н. 176
Яковлев Я. А. 29, 66
Якубинцер М. М. 91

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 года 17, 20, 31, 32, 64, 83, 84, 86-89, 91, 92, 95, 97, 101, 103, 110, 128, 147, 169, 198
Агробиологическая наука 87
Агробиология 180
- материалистическая 200
Агробиология, журнал 66, 88
Агрономия 78, 90, 202
Азербайджанская опытная станция имени товарища Орджоникидзе 51
Академические свободы 13
Академия медицинских наук СССР 42
Амитоз 205-207
Амитотическое размножение 207
Анатомов, гистологов и эмбриологов общество всесоюзное 199, 202, 204
Анемии лошадей вирус 116, 117
Анемия лошадей
- диагностика 113, 114
- инфекционная 189
Анемин 116
Антибиотики как живые вещества 119, 181, 186
Антибиотические вещества живой природы 116
Антимичуринцы 144
Антисемитизм 185
Ассимиляция 76

Б

Бактерии 116, 148, 183, 184
- дизентерии 155
Бактерийные аллергены 115
Бактериофаг 116, 183
БГТО (Будь готов к труду и обороне) 112
Бдительность в науке 198, 199
Белки 62, 111, 159, 181, 183, 195
Белковая оболочка 108
Белковые тела 109
Белковые частицы, способные развиваться в целые клетки 146
Бесклеточное вещество 102
Бесклеточные организмы 54
Бесструктурное клеточное вещество 213
Библейский смердящий Лазарь 46
Биологической и медицинской химии АМН СССР институт 191
Биофизики АН СССР институт 217
Биофизики Минздрава СССР институт 155, 212
Биохимии АН СССР институт 109
Биохимики 110, 132
Биохимия 127, 128
Большеберцовая кость 148
Большевик, журнал 119, 188
Большевистская направленность в науке 198
Большевистская партийность в науке 103
Большевистская принципиальность 134
Борцы за советскую передовую науку 187
Борьба с клопом-черепашкой 69
Брак по любви 89
Брюква 91
Брюшина 125, 126, 152
Брюшная полость 125
Брюшного тифа бактерии 155
Буржуазная наука 109, 197, 202
Буржуазные спецы 43
Буржуазные страны 131
Бюллетень яровизации 66

В

Вегетативная гибридизация 34, 206
Вегетативные клетки 34
Вейсманизм (также вейсманизм-морганизм) 126, 147, 198, 204

Вейсманисты 77, 207
Венозные сосуды 165
Верховный Совет РСФСР 130
Ветвистая пшеница 70, 72-74, 77, 82, 91
- Кахетинская ветвистая 70
Ветеринария 116
Ветеринарной санитарии всесоюзный НИИ 193
Вещество неклеточной структуры 104
Видообразование 172
Видообразования теория 172
Видопередельщики 100
Вик
- амелкосеменная 100
- плоскосеменная 100
Вирусология 116, 180
Вирусы 117, 179, 183, 184, 186
- фильтрующиеся 118
- фильтрующиеся — как особый класс живых существ 189
Вирхова теория 130
Вирховианская догма 127
Вирховианство 126, 128, 136, 154, 188, 204
Витализм 162
Витебский мединститут 213
Внеклеточные формы жизни 130
Внешняя среда 182
Внутривидовая борьба 172
Возбуждение клеток 134
Возникновение
- вирусов из бактерий 183
- живого вещества из перламутровых пуговиц 151
- живых клеток 55, 56
- клеток из неклеточного вещества 84, 172, 183, 211
- опухолей из бесклеточного живого вещества 123
сорняков в посевах культурных растений 89, 92, 98
Воронежский сельскохозяйственный институт 169
Воронежский университет 155, 170
Воспроизведение у растений 125
Воспроизводительные клетки растений 125
Вредители в науке 68
Вредители-кулаки 68
Всемирный Конгресс Коминтерна 27
Всеобщая декларация прав человека 7
Всесоюзная сельскохозяйственная выставка 70
Всесоюзное общество патологоанатомов 111
Всеукраинская Академия наук 67
Второй Московский медицинский институт 111
Выдвиженцы 67
Выпотевание сосны в ель 173
Высшая аттестационная комиссия (ВАК) 174-177, 213

Г

Газовые камеры 12
Гамалея институт (см. также: Микробиологии и эпидемиологии институт имени Гамалея 180, 185, 190, 191
Ганджа 51, 100
Генетика 33, 52, 67, 69, 75, 82, 83, 131, 170
- как наука 11, 14, 17-19
- как буржуазная наука 83
- как вредительская наука 20
- запрещение в СССР 20
- классическая 18, 108, 170, 171, 189, 218
- законы 18, 90, 170
- менделевско-моргановская 170
- молекулярная 36
- популяционная 175
Генетики 11, 66, 67, 80-82, 110, 131, 141
- вредители 21, 96
- морганисты 34
- формальные 130, 169
Генетики институт АН СССР 69, 97, 108, 174, 177, 206
Геномы 216
Гены 11, 19, 216
Гибридизация сортов пшениц 77
Гигиена 157
Гидры 55, 208
Гимза(ы) краска 61
Гистерезис 159
Гистология 127, 128, 203, 204
Главное управление полезащитного лесоразведения 95
Гнездовые посадки леса 95, 96, 212
Гнетущая обстановка военной истерии 15
Гнойные воспаления 152
Головастики 200
Горох 100
Горький, город 20, 139, 175
Горьковский институт восстановительной хирургии 156
Горьковский институт микробиологии, вакцин и сывороток 156
Горьковский университет 20, 156

Государственная книга регистрации сортов 70
Государственный Тимирязевский научно-исследовательский институт изучения и пропаганды естественнонаучных основ диалектического материализма (*см. также Тимирязевский институт*) 45, 50, 64
Граб 172, 173
Граб 92, 212
Грибы 148
ГТО (Готов к труду и обороне) 112

Д

Дарвинизм 58, 87, 89, 90, 94, 168
Двойное лучепреломление Николя 149
Двууглекислая сода 164, 211
Двууглекислый натрий 160, 161, 162
Демография 166, 167
Диалектика 46, 213
- материалистическая 187
Диалектико-материалистическая философия 136
Диалектико-материалистический путь 211
Диалектический материализм 104, 143
Диалектический метод 187
Диктат политический в науке 83
ДНК 35, 36, 93, 94
Догматические положения в науке 185
«Догнать и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны» 192, 214
Доклеточное живое вещество 154
Долгожители 166, 167
Долголетие 214
Дуб 92

Е

Евгеника 131
Еврейский антифашистский комитет 85
Единство организма и внешней среды 76
Ель 92, 172
Ереванский ветеринарный институт 119
Ереванский медицинский институт 148

Ж

Ждановщина 86
Желтая пресса 206
Желточные шары 53, 54, 208
Женева 39, 41, 42, 112
Живого вещества теория 123
Живое вещество 56, 63, 102, 103, 105, 108, 121,122, 125-127, 132, 146, 151-156, 189, 195-197, 200, 203, 208, 209, 211, 212
- и приживление почек, привитых на яблони 154
Животноводство 202
Животные 161, 183, 189
Живот 152
Жизнедеятельность в неклеточных структурах 137
Жизнедеятельность организмов 161
Жизненная сила 158, 162
Журналы «Звезда» и «Ленинград» 85

З

Зависимость между толщиной оболочек, интенсивностью обмена веществ и возрастом человека 160
Заживление ран и ожогов 153, 165
Закономерности превращения микроорганизмов 185
Закон жизни биологического вида 92
Закон перехода из неживого в живое 148, 172
Закон перехода количества в качество 92
Заразиха 92
Зародышевая плазма 125
Зарождение
- клеток из растертых гидр 129
- нового вида в недрах старого 101
- ядер из живого вещества 207
Застой в обществе 187
Засуха 29, 51, 71, 96
Зачатки нового вида 105, 106
Земледелие 96
Зернистая форма возбудителя 117
Зерновые культуры 26
Зимнего дворца штурм 176
Злаковые растения 152
Зоологи 110

И

Идеализм 103, 198
Идеализма нечистая сила 198, 199
Идеалисты 186
Идеи
- Ленина -Сталина 187
- Маркса—Энгельса—Ленина -Сталина 105, 155
Идеологическая борьба 214
Идеологические запреты 75, 83
Извращения буржуазные 197
Издательство Академии наук СССР (Издательство «Наука») 60
Изменение наследственности путем

превращения неклеточного живого вещества в клетки 189
Изменчивости микроорганизмов проблема 198
Изменчивость микробов 117
Икра рыб 183
Иммунита природа 182
Иммунитет
- инфекционный 116
- стерильный 116
Иммунологии институт АН СССР 155
Иммунология 116
Империалистические страны 131
Индустриализация 51
Инкубация 161
Инфекционных болезней профилактика, диагностика и лечение 120

К

Капиталистические страны 129, 157
Капиталистическое окружение 198
Капуста 91
Кариокинез 206
Карнорексис 159
Картофелеводы 96
Карцинома
- мочевого пузыря 116
- слизистой рта 116
- желудка 116
Катаклизмы Кювье 57, 58
Каучуконосы 77
Кахетия 70
Киевский мединститут 213
Киевский сельскохозяйственный институт 51
Китайская народная республика 129
Классики марксизма-ленинизма 19, 23, 118, 164, 169, 179
Классовая борьба 49
Классовый враг 68
Клетки зачаткового пути 197
Клетки, формирующиеся внутри других клеток 108
Клеточная теория 22, 52
Клеточная теория на новом этапе 122
Клеточная форма живого вещества 128, 147, 184, 185
Клеточные шары 53
Клинической и экспериментальной медицины институт 213
Клубни картофеля 206
Кожа 165
Козлов (Мичуринск) 18, 19, 176
Кок-сагыз 74
Коллагеновые волокна 149
Коллективизация 28, 51, 71
Колхозники-ударники 29, 67
Колхозно-совхозная практика 75
Колхозный академик 82
Колхозный строй 75
Коммунистическая академия 50
Коммунистическая идеология 122
Консерватизм 187
Консерваторы 186
- в науке 187
Континент, альманах 24
Конформационная приспособляемость клеток 135
Концентрационный лагерь Освенцим 12
Корейская война 64
«Коридорщик» 96, 98
Корифеи материалистической биологии 170, 171
Космическая биология 153
Космополиты 186, 187, 198
Косность 187
Костер ржаной 98, 99
Костномозговая полость 149
Кошки 125
«Красная интеллигенция» 22, 43, 179
«Красные спецы» 22
Крахмальные зерна 99
Крестьянский двор 28
Кристаллизация
- бактерий и их колоний 122, 184
- вирусов 114, 184
- простейших 122, 184
Кристаллы 14
- микробной культуры 117
Кровообращение 158
Крупинки ржаного тела 105, 212
Крупный рогатый скот 126
Кукушка 14, 92, 172, 183, 212
Куриные яйца 161, 200
Курица 183

Л

Ленинград 142, 147, 150, 169, 173, 202, 204, 206, 209
Ленинградский педагогический институт им. Герцена 144
Ленинградский университет 63, 123, 168, 169, 171
Ленинская премия 134
Ленинско-сталинская партийность 155
Ленинцы 28
Ленточные черви (см. также эхинококки) 147
Лепешинковцы 124, 143
Лепешинковщина 111, 123, 124, 141, 145, 172, 195, 204, 208, 209

Летние посадки картофеля 67, 69, 96
Лечение людей и сельскохозяйственных животных 120
Лечение ран 153
Лещина 92, 172
Лимфатические клетки 123
Лимфоцитоподобные клетки 108
Липиды 107
Личность 8, 13
- психология личности 8
- обезличивание личности 13, 15
- свобода личности 15
- соотношение личности и государства 16
Лошадь 189
Луна 153
Лучи интерференции 149
Лысенковцы 175, 181
Лысенковщина 23, 133
Лысенкоизм 22, 23, 171
Лысенкоисты 19, 32, 79, 86, 92, 125, 128, 129, 170, 171, 176, 178, 182, 189, 200, 205, 212, 216, 218
Лягушка 53, 161

М

Мазки крови 161
Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина институт 194
Марксизм-ленинизм 63, 118, 187
Марксистская теория развития 104
Марксистско-ленинская наука 39
Марксистско-ленинская философия 104
Марксисты-ленинцы 44, 118
Материалистическая идея развития 196
Материалистические принципы
- Материалист-диалектик 172, 187
Махровые реакционеры от биологии 169
Медицина 143, 153, 164
Международная астронавтическая академия 153
Мейоз 124
Мелкие палочки 116
Менделевские формулы 170
Менделевско-моргановские воззрения 75
Менделизм-морганизм 75
Менделисты-вейсманисты 74, 75, 169
Менделя законы 171
Меристематические клетки 123
Метаморфоз 152, 195
Метафизика 75, 192
Метафизические взгляды 172
Методология 201
Механическая перетяжка клеток 206
Микробиологи 110
Микробиологии институт АН СССР 110, 189
Микробиологии и эпидемиологии институт имени Гамалея (см. также Гамалея институт) 93
Микробиологии, эпидемиологии и иммунологии
- журнал Микробиология 116, 127, 180, 183, 188, 192, 197, 198
- советская 185
Микробиологов общество всесоюзное 182, 184
Микробная природа рака 181
Микроорганизмы, микробы 116, 153, 179, 186
Митоз 124, 205, 206
Мифотворчество 14, 178, 180
Михаэлиса-Ментен кинетика 11
Мичуринская биология 17, 19, 38, 79, 80, 81, 90, 92, 101, 171, 181, 182, 190, 194, 200
Мичуринская наука 19, 81, 82, 187, 208, 212
Мичуринское учение 75, 77, 85, 170, 182-185, 203
Мичуринцы (мичуринцы-опытники) 17, 19, 34, 70, 74, 181
Многоядерных клеток образование 213
Монера 54
Мономорфизма теория 198
Морганизм 126
Морганисты 34, 144
Морганисты-вейсманисты 176, 218
Морские свинки 149
Морфологии животных институт АН СССР 129
Морфология 202
- советская 199
Москва 42, 43, 65, 73, 77, 88, 139, 150, 175
Московская сельскохозяйственная Академия имени Тимирязева (см также Тимирязевская академия) 33, 109, 147, 200, 216
Московский государственный университет имени Ломоносова (МГУ) 36, 45, 65, 92, 93, 99, 102, 109, 111, 168, 195, 197, 205, 217, 218
Московский стоматологический институт 213
Московское общество испытателей природы 217
Мужские половые железы 197
Мужские половые клетки 197

Мурманская станция 145
Мутации 19
Мухолюбы — человеконенавистники 127
Мышечной ткани новообразование 205
Мягкая пшеница (Тритикум вульгаре) 88, 91

Н

Накопление молекул 48, 62
Нанесение крови на рану 153
Наследование благоприобретенных признаков 11, 13, 44, 45, 47, 76, 77, 79, 81
Наследование последствий длительно го голода 12
Наследственная природа 26
Наследственность 26
- человека 12
Наследственные болезни 131
Наследственные задатки 11
Наследуемость травм 12
Наука социалистическая 202
Научная этика 12, 133
Научный совет по молекулярной биологии и генетике ВАСХНИЛ 97
На фронте морфологии идейная борьба 199
Небелковой природы молекулы 107
«Незаменимых нет» 13
Неклеточное живое вещество 125
Неклеточные формы
- жизни 120, 188
- живого вещества 128, 147, 184, 185, 211
Неодарвинизм 57, 80
Неоламаркизм 57
Новая диалектико-материалистическая клеточная биология 152
Новая клеточная теория 122, 126, 133, 152, 154, 196, 204-206
Новая теория видообразования 94
Новая экономическая политика (НЭП) 28
Новое учение о виде 168, 169
Новообразование
- клеток 207, 208
нервных волокон из
- живого вещества 123
- ядер в протоплазме 123
Новосибирский медицинский институт 197, 213
Новый закон биологического вида 101
Нормальной и патологической физиологии институт 106
Носители генетических расстройств 7
Нуклеиновые кислоты 93, 107, 108, 123
Нуклеопротеиды 123
Нюрнбергский процесс 12, 13

О

Обмен веществ 159, 161, 165, 201
неклеточного живого вещества 152
Обновление клеточных форм 147
Оболочки клеток 39, 53, 60, 62, 159, 160, 214
толщина оболочек клеток 160
упрочение оболочек клеток 160
Оборонительный фермент 10
Образование
- клеток из живого вещества 146
костей из ленточных червей 149, 151
- нервных клеток 122
- нуклеиновых кислот в белке 122
- ядер клеток плазмой безъядерных клеток 154
Общая биология 128
Общество анатомов, морфологов и гистологов 127
Овес 99, 100, 101
Овсюг 91, 98, 100, 101
Одесса 51, 77, 100
Одесский институт генетики и селекции (см. также Селекционно-генетический институт) 66, 68
Оживления проблема 107
Озимая пшеница 25, 26, 29, 74, 96
Октябрьская революция 27, 41
Ольха 82
Онтогенез вне организма 125, 150
Опухолевые клетки 108
Органеллы внутриклеточные 108
Орех 212
Освобождение от жира в пожилом возрасте, особенно от жира на животе 165
Осколки белковых тел 109
Остеогенез 148
Отдел науки ЦК КПСС 69, 73, 80, 103
Открытие агронома Лысенко 25
Относительности теория 206
Охрана труда 157

П

Павловское учение 203
Паранекроза теория 134, 141, 144
Партийность в науке 105
Партийный диктат 124
Партийный подход 109
Партия Ленина 18
Партия Ленина—Сталина 127
Патологи 188

Разгром физиологии высшей нервной деятельности в СССР 109
Патология 127
Пектиновые вещества 62
Пенициллин 186
Пеночка 14, 92, 172, 183
Первичные половые клетки 197
Первый Московский медицинский институт 195, 197, 213
Передача потомству наследуемых признаков 17
Переделка общества 44
Переопыление сортов 89
Перерождение видов 91
Переход
- вещества в существо 54
- вида в вид 88
- одних нуклеиновых кислот в другие 122
- от социализма к коммунизму 97
- элементов внешней среды в живое 76
- (перерождение) вирусов в микроорганизмы 93, 182, 185
Пикнотизирование ядер клеток 159
Письмо 13-ти 82, 84, 118, 135, 136, 143, 145, 146, 147, 203
Питательная среда 129
Питьевая сода 160
Пищеварение 158
Плазма крови 115
Поведение человека в условиях несвободы 16
Подвой 154, 206
Поджигатели войны 155
Подсолнечник 92
Полба 99
Полиомиелита и вирусных энцефалитов институт 184
Политехнический музей 80
Половые хромосомы 171
Полостная жидкость 195
Получение живого из неживого 107
Поляризованный свет 149
Пол организмов 171
Порождение
- бактерий вирусами и наоборот 93
- видов другими видами 89, 90, 91, 95, 168, 173
- клеток неклеточным веществом 39, 207
- органической жизни из безжизненной неорганической материи 186
Посев озимых по стерне 69, 74, 77
Постепенное приручение вирусов к питательной среде 115
Превращение бактерий в вирусы 14
Превращение
- бесклеточного вещества в живые клетки 14, 189
- вида в вид 87—89, 91, 101, 102, 172
- вирусов в бактерии и наоборот 114, 115
- вирусов в лимфоцитоподобные клетки 126
- живого вещества в раковые клетки 123
- кукушки в пеночку 14, 92, 172, 182
- культурных растений в сорняки 176
ленточных червей (эхинококков) в
Кости 14
- микробов 118
- неживого в живое 53, 109, 156
- неживой материи в живое 156
- неклеточных форм в клеточные 184, 185
- непатогенных клеток в патогенные 123
- одних типов молекул в другие 94
- растительных клеток в животные и обратно 152
- (регенерация) червей в кости 148, 209
Предметное стекло 129
Преждевременная старость 157, 158
Преимущества социального строя Советского Союза 167
Привлечение живого вещества в ранх 153
Привой 154, 206
Принудительная стерилизация 7
Принцип прямого воздействия среды на гены (на наследственность) 11, 19
Проблема долголетия 165
Проблема смерти 158
Продление жизни 157, 158, 199
Продналог 26
Продразверстка 27
Происхождение
- живого вещества из прокаленного птичьего помета 212
- жизни 54
- клеток из живого вещества 118, 122
- клеток из неклеточных субстратов 137, 198
- культурных растений 90
Пролетарская наука 109
Просо
- куриное 100
- посевное 100
Протоплазма 55, 123, 159
Протоплазматические капли 197
Псевдоподии 54

Псевдоучение 14, 15
Пшеница 99, 100-102, 105, 172, 212
- однозернянка 91

Р

Реваншизм 209
Радиационная цитофизиология 134
Развитие вирусов в искусственной питательной среде 115
Развитие клетки из клетки 104
Развитие клеток из живого вещества 53, 104
Разгром клеточной теории 22
Рака теория 116
Раковые опухоли 116, 126
Рапс 91
Распад растительных клеток с образованием живого вещества 152
Растения 183
Реакционеры 186
Реакционеры в науке 187
Реакционные идеи 198
Ревматизм у цыплят 161
Революция рабов в Древнем Риме 85
Регенерация костей и костных тканей 209, 211
Редукционное деление (см. также мейоз) 125
РНК 93, 94
Родоначальные клетки 197
Рожь 91, 98—101, 105, 172, 212
Роль диктата в удушении науки 16
Роль кристаллов в происхождении жизни 122
Ростовский университет 151
Рост и развитие костей 50, 53
Рязанский мединститут 213

С

Самозарождение клеток 142
Самозасорение сортов 90
Саркомы вирус 108
Свекла 166, 200
Сверхскоростная селекция пшеницы 69
Секреторная функция 134
Селекционно-генетический институт 66
Селекция 29, 30, 78, 79, 90
Сельскохозяйственный отдел ЦК КПСС 180
Семеноводство 30, 90
Семинар ученых-отказников 6
Сепсис 165
Симферопольский (Таврический) университет 45
Скелетно-мышечная ткань 205
Слепая кишка 126
Слияние ядер 34
Смех и веселье, постоянно присутствующие в жизни советских людей 158
Смех как телесное движение 158
Смоленский мединститут 213
Собаки 125
Советская социалистическая наука 184
Советская историческая энциклопедия 41
Советская мичуринская биология 186
Советская наука 136, 154, 155, 171, 192, 197
Советский Комитет защиты мира 64
Советский строй и его преимущества 131, 158
Советский творческий дарвинизм 152, 174, 212
Советский фонд мира 64
Советское общество 186
Советское правительство 158
Сода 200, 201
- лечение содой 201
- и повышение урожая сельскохозяйственных культур 200—201
Содовые ванны 39, 162, 164, 165, 199, 200, 214
Содовые растворы 161, 163, 165, 201
Соединительная ткань 123
Сосна 92, 172
Сосуды подслизистой оболочки 126
Социальный отбор 121
Сперматозоиды 197
Сперматогонии 197
Спонтанная полиплоидизации 99
Среда обитания 19
Стабилизация чужеродной ткани в чужеродном организме 126
Стадийное развития растений 67
Сталинизм 39
Сталинская конституция 157, 158, 213
Сталинские премии 60, 63
Сталинский план преобразования природы 95
Старение организмов 39, 158, 159
Старения теория 160
Старый большевик 106, 159, 163
Страны социализма 129
Стремление организмов к самопожертвованию 172
Стрептомицин 186
Стяжательство 139
Сыворотка крови 116
Сыворотки 189

Т

Талмуд 46

Таннин 61, 62
Тау-сагыз 74
Твердая пшеница (Тритикум дурум) 88, 91
Творческая советская мичуринская биология 187
Термоядерная энергия 9
Тимирязевская Академия 109, 176, 217, 218
Тимирязевский институт (см. Государственный Тимирязевский научно-исследовательский институт изучения и пропаганды естественнонаучных основ диалектического материализма) 64
Тифлисская духовная семинария 57, 83
Трансплантат 126
Трепанация 149
Трипаносомы 50
Тромбофлебит 165
Туберкулезные бациллы 123
Туляремия 64
Тутовый шелкопряд 152, 195

У

Углеводы 107
Управление планирования сельского хозяйства Госплана СССР 95
Ускорение роста растений под действием содовых растворов 166
Условия внешней среды 76, 81
Учение
- Лысенко о наследственности живых тел 75
- Маркса 28
- Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина 118
- о диссоциации и циклогении 198
- о живом веществе 118, 195, 199, 203, 208
Ученый Медицинский Совет Минздрава СССР 150
Ученый совет Минздрава РСФСР 151
Ученый — классовый враг 68

Ф

Фашиствующие мракобесы от науки 129
Фенольные соединения 62
Феномен псевдонауки 9, 10
Физико-химики 132
Физиологии растений АН СССР институт 195
Физиологический институт им. Ухтомского 143
Физиология животных 143
Физиология растений 30
Физический институт имени Лебедева 73, 217
Физический факультет МГУ 36, 217
Фильтрат опухоли грудной железы 116
Фильтрующиеся микроорганизмы 117
Фильтрующиеся формы вирусов 189
Фильтрующиеся формы микроорганизмов 116, 188, 189
Формализм бессодержательный 170
Формалин 126, 129, 148, 149
Формирование дочерних ядер клеток 206
Фосфолипидные мембраны 124

Х

Химизм мочи 165
Хозяйственная самостоятельность индивидуальных крестьян 27
Хор имени Пятницкого 168
Хромосомная теория наследственности 171
Хромосомы 11, 99, 123, 124, 205, 216

Ц

Целлюлоза 62
Центральная студия научно-популярных фильмов 129
Центральный лекторий Политехнического музея 117, 157
Цитологи 110, 205
Цитология 83, 125, 127, 128, 207
Цитоплазма 126
Цитоэкология 134
Цыплята 161, 200

Ч

Человеконенавистническая лженаука американо-английского блока поджигателей войны 155
Человеконенавистническая расовая теория 130
Чистка научных кадров 128
Чума 64

Ш

Шпионаж капиталистических разведслужб 198

Щ

Щетинник 100

Э

Эвкалипт 924
Эволюционисты 96
Эволюция 58, 87, 90, 189

- плоская эволюция 87
Экспериментальная база «Горки Ленинские» 88, 98
Экспериментальной биологии институт 63, 64, 85
Экспериментальной ветеринарии всесоюзный институт 113, 114, 119, 179
Экспериментальной медицины всесоюзный институт 179
Экспериментальной медицины институт 106, 135, 136, 142, 143, 150
Электрические заряды 160
Электронный микроскоп 108, 117
Элементоорганических соединений институт 35
Эмбриология 73, 127, 128
Энтелехия 162
Эозин 61
Эпидемиологии и микробиологии имени Гамалея всесоюзный институт (см. также Гамалея институт) 180
Эритроциты 61, 62
Этика научная 59
Эхинококки 148
Эхинококковые пузыри 149

Я

Ядерное вещество клеток 54
Ядовитые вещества 157
Ядро клеток 159, 160
Яйцо куриц 183, 205
Яровая пшеница 25, 96
Яровизация 26, 29, 67, 68, 69, 110
Яровизация, журнал 88
Ячмень 91, 100, 101
Ящура вирус 117

R

Rutgers University Press 22

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к изданию 1998 года 6

Введение 17

Глава I
Триумфатор биологии и агрономии 25

Глава II
«Все мои ученики — либо проходимцы, либо дураки!» 33

Глава III
Своеобразный путь большевички в ученые 39

Глава IV
Начало «научной» карьеры Лепешинской 44

Глава V
«Развенчание» великого Вирхова 53

Глава VI
Телефонный разговор со Сталиным и поддержка им Лепешинской в борьбе с критиками 57

Глава VII
Критическая пора в жизни Лысенко 66

Глава VIII
Лепешинская не упускает своего шанса 84

Глава IX
Новые «законы» Лысенко 87

Глава X
«Коридорщик» 95

Глава XI
Триумф Лепешинской 101

Глава XII
Яркая звезда Геворга Бошьяна 113

Глава XIII
Разрастание лепешинковщины 121

Глава XIV
Добить лежачего! 133

Глава XV
Новые последователи Лепешинской 147

Глава XVI
Проблема долголетия 157

Глава XVII
Содовые ванны в борьбе за долголетие 163

Глава XVIII
Крушение основ 168

Глава XIX
Опровержение идей Бошьяна 178

Глава XX
Конец лепешинковщины 194

Глава XXI
«Принципиальность» Лысенко 216

Примечания и ссылки 220

Указатель имен 247

Предметный указатель 250

TABLE OF CONTENTS

Preface to the 1998 Edition 6
Introduction 17
Chapter I. Triumpher of Biology and Agronomy 25
Chapter II. «All my pupils are either scoundrels or dummies!» 33
Chapter III. The Specific Path of the Old Communist Party Member into Scientists 39
Chapter IV. The Beginning of Lepeshinskaya's «Scientific» Career 44
Chapter V. «Dethroning» the Great Virkhov 53
Chapter VI. The Telephone Conversation with Stalin and His Support of Lepeshinskaya in Her Struggle against the Scientists 57
Chapter VII. The Crucial Moment in Lysenko's Life 66
Chapter VIII. Lepeshinskaya Does not Miss Her Chance 84
Chapter IX. Lysenko's New «Laws» 87
Chapter X. The Man from the Corridors of Power 95
Chapter XI. The Triumph of Lepeshinskaya 101
Chapter XII. The Bright Star of Gevorg Boshyan 113
Chapter XIII. The Flourishing of Lepeshinskaya's Followers 121
Chapter XIV. Finish Off Who Are Down! 133
Chapter XV. Lepeshinskaya's New Followers 147
Chapter XVI. The Problem of Longevity 157
Chapter XVII. Sodium Carbonate in the Struggle for Longevity 163
Chapter XVIII. The Shattering of Fundamentals 168
Chapter XIX. The Refutation of the Boshyan's Ideas 178
Chapter XX. The End of Lepeshinkovism 194
Chapter XXI. Lysenko's «Adherence to Principles» 216
Notes and References 220
Subject Index 247
Name Index 250